ДЖЕФФ
НУН
18+
ПЫЛЬЦА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, смазанный Вазом, катится к концу. Сновидение, Вирт, объявляет войну своему сновидцу. Войну за свободу. Войну за реал. Войну за право рассказывать истории. Вы догадывались, что ваши любимые персонажи могут презирать и ненавидеть вас? Что им давно опостылело быть только рассказываемыми? Мир, где Плодородие-10 сломало генетические барьеры. Существа, слившиеся в экстазе межвидового секса, вечное противостояние гибридов. Мех против Дыма. Чистые против гибридов. Больные против здоровых. И все – против зомби.

В этом мире миф обрел разум и волю, но не перестал быть мифом. Добавьте к нему еще одно измерение – измерение сна, – и добро пожаловать в дождливый Манчестер в сезон цветения.

- Джефф Нун
  -
  -
  - Отрывок из «Зеркальных войн» Р.Б. Шимосы
  - Понедельник, 1 мая
  - Вторник, 2 мая
  - Среда, 3 мая
  - Четверг, 4 мая
  - Пятница, 5 мая
  - Суббота, 6 мая
  - Воскресенье 7 мая
  - Понедельник, 8 мая
  - Вторник, 9 мая
  - Понедельник, 28 августа

Джефф Нун
Пыльца
Роман

Jeff Noon
Pollen
© Jeff Noon, 1995
© Перевод. А. Скобин, 2018
© Перевод. А. Давыдов, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Джулии

Они втроем с востока шли,
Удачу испытать,
И сэра Джона поклялись
Убить и закопать.
Вспахали землю, и его
Во мраке погребли,
И объявили на весь мир:
Джон Берликорн убит.
Он там немало полежал,
Но дождь пошел с небес
Малыш Джон голову поднял
И из земли полез.
Тогда пришел мужик с косой
И срезал Джона с ног,
И вилы остро наточив,
Вогнал их Джону в бок.
И цеп по Джону молотил -
И обнажилась плоть,
Остатки тела увезли
На мельницу молоть.
Но в виски Джон-Малыш ожил,
И в пиве, темном, как орех,
И доказал своим врагам,
Что он сильнее всех.

Джон Берликорн (John Barleycorn) – Джон Ячменное Зерно Неизвестный автор

Отрывок из «Зеркальных войн» Р.Б. Шимосы

Сегодня почти несомненно, что одним из важнейших открытий нашего века стала возможность записывать сны на воспроизводимый носитель, биомагнитную пленку, покрытую жидким «фантазмом». Это освобождение психики в самой продвинутой его форме стало известно как Вирт. Посредством Вирта люди смогли вновь переживать собственные сны или, что опаснее, посещать сны других людей, сны незнакомцев.

Считается, что «окно между реальностью и сном» впервые открыл аморфологист «мисс Хобарт», но истинное происхождение Вирта и способа, которым люди попадали туда (с помощью «перьев сна», помещаемых в рот), навсегда останется под покровом тайны.

Сама суть Вирта порождает прискорбный недостаток информации, ибо «мир снов» почти сразу зажил собственной жизнью. Прежние жители Земли в массе не знали об этом аспекте изобретения. Между тем явление «собственного сна» Вирта в конце концов привело к серии сражений, известной ныне как Зеркальные войны. В этой книге мы попытаемся по возможности без эмоций описать ужасные войны между сном и реальностью, конфликт, в котором обе стороны несли ужасные потери, пока не определился окончательный победитель.

Все крупные теории военных действий можно свести к аналитике жадности. Вышло так, что, обретая все бо`льшую силу, порождения сна стали презирать и смотреть сверху вниз на настоящих сновидцев, которых они называли простыми «рассказчиками» планеты Земля. Надо сказать, порождения сна теперь воспринимали свой фантастический мир как самостоятельную реальность, Планету Вирт. «Виртуалы» начали борьбу за независимость.

Наиболее слабое место в барьере между сном и реальностью находилось в психическом пространстве, окружавшем Манчестер, пропитанный дождем город на северо-востоке Синглии (Singland – Страна Песен (англ.), которую в те примитивные дни знали под именем Англия). Это был легендарный город, где произошел инцидент, который сегодня мы называем «Опылением». Он официально считается одним из самых ранних столкновений в Зеркальных войнах.

Понедельник, 1 мая

Отец сказал, что я проживу столько лет, сколько пылинок смогу удержать в ладони. В результате я дожила до такого преклонного возраста, что теперь, когда тело мое разрушено временем и силы покинули меня, все, что у меня осталось, – это голос, Тень и желание рассказывать.

Моя фамилия Джонс. Неожиданным подарком стало христианское имя, данное мне отцом – Сивилла. Сивилла Джонс. Я родилась с проклятием Неведающего – это значит, я не могу видеть сны. Представьте: в мире, подсевшем на перья Вирта, на чужие сновидения, для меня сон – просто отдых. Иммунитет к Вирту – генетический порок; ему неизменно подвержены шесть процентов населения. Те, кто может видеть сны, прозвали нас дронтами – нелетающими птицами. В молодости я часто представляла дронтовую составляющую своего тела как реку темной, стерильной жидкости, текущей по моим жилам. Или как черного голодного жука, который поселился у меня в животе и пожирает мои новорожденные сны.

Мое проклятие. Запертые двери Страны Чудес.

Моим же спасением стал дар Тени, открывший доступ к мыслям других людей. Я путешественница разума, чтец чужого сознания – это мой путь, и я шла по нему всю жизнь. Я прожила так сто пятьдесят два года, и мой мир стал похож на пыльную комнату. Пыль прячется в каждой щели. Извилистая карта мозга стала садом текучего праха.

Так было не всегда.

Когда я была молодой и полной сил, я не просыхала, а от чего – от крови, от любви или от выпивки, – в общем-то не так важно. Поверь на слово: я пыталась найти замену недоступным снам. Я была добровольным участником паводка зрелости, добровольной жертвой биологии. Но ах! пыль добралась до меня раньше, чем обычно, я постарела прежде времени – мой муж из-за этого бросил меня, и дочь меня покинула, и все, что у меня осталось, – стремление к неспецифическому правосудию. Я стала теневым копом, работала в манчестерской полиции, отдала свой дар телепатии службе дознания. Тогда все мне было просто и ясно: моя жизнь стала крестовым походом против преступлений и измены, протекавшим в пучине алкоголя, дыма и одиночества. Я сроднилась с этим принципом самоотречения.

Все должно было пойти прахом.

Я хочу рассказать тебе эту историю, дочь моя, историю осколков, собранных в Манчестере: цветы и собаки, сны и рваные

карты любви. Похоже, пора. Скоро твоя мать, превратившаяся в женщину из пыли, умрет. Пожалуйста, выслушай внимательно. Это моя история, твоя история; моя Тень, твоя Тень; моя жизнь, летящая по ветру, моя книга, моя книга Сивиллы…

Койот – лучший водитель черного такси всех времен. Он провез больше людей на больше километров, в более странные места, в более странные времена, при этом у него было меньше проблем, меньше грязи на лобовом стекле, он ловчее крутит руль, глубже видит карту, реже попадает в аварии, реже сворачивает не туда, на него реже жалуются, реже требуют вернуть деньги, он чаще срезает путь и находит закрытые дороги, он меньше берет за проезд, у него больше ответственности и куда больше ран, чем может представить какой-нибудь другой драйвер.

Раннее утро, без двух минут четыре, первое мая, мир дрожит: темные птицы, крылья копоти, черные поля и ослепшая луна. И еще вот-вот начнется дождь. Погано. Но это не важно: Койот – отличный пес-драйвер, и сейчас его челюсти покрыты слюной в предвкушении отличного мяса, жирного пассажира, замечательной сочной мышцы денег.

Мясо и деньги: мечты-близнецы, возможность расплатиться с долгами.

Видит Бог, долгов у Койота предостаточно. Долги банку, долги суду, долги маленькой девочке, которая живет дальше по улице. Он зовет ее дочерью: милого ребенка, которого он иногда навещает и чья мать – Койотова бывшая жена – постоянно просит помочь материально. Койоту не жалко денег; сказать по правде, ему нравится платить, просто сейчас у него пусто в кармане.

Везде и всегда – все хотят денег.

Койот тоже. Не слишком много, не думай. Просто достаточно – уже хорошо. Просто чтобы хватило раздать долги и немножко сверху для себя. Он надеется, что однажды уедет в солнечный Кайфотаун. Откроет там собственный такси-бизнес, будет сидеть в офисе и смотреть, как текут к нему денежки. Пожить для разнообразия породистой жизнью.

Первый раз за долгие годы Койот снова думает о будущем. Если бы он мог собрать кое-какой капитал, расчистить шкафы от скелетов. Он клялся никогда больше не возвращаться в Лимбо, но в последнее время совсем мало хороших заказов.

Сейчас Койот поджидает свой большой, жирный куш – пассажир сделал заказ два дня назад; место и время определены до последней цифры, деньги – в конце маршрута. Он знает, что все нормальные драйверы требуют деньги вперед, но Койот старомоден. Именно поэтому он водит черное такси. У Койота есть даже настоящий счетчик, причем счетчик работает.

Естественно, модифицированный под Койота, но все равно никто больше ими не пользуется. Койот – уникум и гордится этим. Правда, уникальность всегда идет рука об руку с одиночеством.

Отсвет часов с передней панели неуверенно ложится на Койота. 4:02 утра. Пассажир опаздывает. Тяжелые облака собираются прямо над заросшей вереском дорогой, они похожи на первые капли влажного сна. Пассажира нет как не было. Койот начинает нервничать. Не из-за возможного дождя – Койоту случалось штурмовать ураганы. Не из-за темного мира, раскинувшегося вокруг. Правду сказать, ему нравится темнота. Теперь почти все поездки незаконные, и чем темнее, тем лучше – это закон. Приближается рассвет, и если пассажир скоро не появится, придется отказаться от заказа, вот так вот. Время – главный враг Койота. Время, где живет дневной свет, а еще там живут копы: сидят, жирные и одуревшие, ждут, когда какой-нибудь левый пес, вроде Койота, пронесется мимо, нарушая правила. Он нарушал правила и раньше – Койот живет, чтобы нарушать правила, это его основная работа, – но в один прекрасный день его поймали, и теперь он до сих пор платит штраф. Он хочет выплатить штраф – человек в нем. Но это не тот опыт, который хотелось бы повторить. Плохо то, что он не может перестать нарушать правила. Далматинец в нем.

Койот – наполовину человек, наполовину пес. Он гасит «напалм» в пепельнице на панели, достает новую пачку из бардачка, выходит из кабины, срывает когтями герметичную обертку, закуривает очередную сигарету, прислоняется к машине и смотрит на танцующие облака. Во мраке кажется, что темный вереск шевелится. Койот нервничает; он единственный человекопес на километры вокруг, и в ночных полях его окружают зомби. Он знает, что вересковые пустоши Лимбо принадлежат этим полумертвым тварям, но именно здесь водятся большие заказы. Разве может лучший пес-драйвер отказаться от такого шанса? От страха у него по коже пробегают мурашки, он внезапно понимает, что не может больше выносить эти мертвые поля: ему нужна человеческая компания, нужны голоса. Он лезет в машину, включает зажигание и врубает радио. Как обычно, оно настроено на «FM Dog National». Эти стерильные завывания пес-жокеев, записи, которые они ставят, глазированные косточки, спетые сладкими молоденькими сучками, совсем не под настроение. Он хочет чего-то более человеческого, хочет чего-нибудь для человеческой части своей души.

Тянется через открытое окно к приемнику и настраивается на «Радио Йо-Йо». Гаснущие ноты старой-старой песни перетекают в голос, глубокий и медленный, такой же потрескавшийся, как

земля, на которой стоит Койот…

– Мы прослушали «Убить Джона Берликорна» от Traffic, великий фолк-роковый гимн возрождающему духу Матери-Земли, пришедший к нам из тысяча девятьсот шестьдесят девятого. Это был отличный год, прекрасные ласки флейты – врубаетесь, пипл? С вами старый добрый Гамбо собственной персоной, и я начинаю новый день, Первомай, День матери, пожеланием Джону Берликорну продолжать свой путь наверх. Раз уж он вынул свой пыльцатый палец из своего хипповского носа. Время – четыре минуты пятого, содержание пыльцы в воздухе сегодня дошло до 49 гранул на кубометр и стабилизировалось. Открыт сезон чихания, так что Гамбо Йо-Йо советует всем своим слушателям: держите под рукой парочку чистеньких и свеженьких ноздрей. В течение этого часа вы услышите официальные новости от Ваниты-Ваниты и то, что власти хотели бы скрыть от вас. Вы знаете, что именно, поэтому вы и любите Гамбо так сильно. А теперь горячий твист шестьдесят шестого: «Are You Experienced» от Jimi Hendrix Experience. Сыграй мне нежно на гитаре, Джими… Йо-Йо!

Уже лучше. От услышанного шума Койоту хочется завыть. Гамбо Йо-Йо – пиратский диджей, который транслирует подборку классики шестидесятых и информацию, украденную из полицейских баз. Передачи ведутся из какого-то невыявленного места в Манчестере. Гамбо Йо-Йо – трикстер-анархист, категорически антиправительственный, и этим он близок душе Койота. Койот оставляет радио и включает фары такси. Свет прорезает в воздухе две хилые желтые линии и упирается в огромный сухой дуб. Койот глубоко затягивается и читает надпись на новой пачке: «КУРЕНИЕ ПОМОГАЕТ ТЕБЕ ВЫГЛЯДЕТЬ СТИЛЬНО – ИМИДЖ-КОНСУЛЬТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Он слегка обнажает клыки, просто чтобы задавить страх, и опять смотрит на облака.

Койот любит дождь. Сразу приходят мысли об улицах Манчестера. И ему нравятся «напалмы». Но больше всего он любит свое черное такси.

Теперь таких такси почти не осталось, с тех пор как в игру вступили икс-кебы. Икс-кебы! Компьютеризированные, обтекаемые бронемашины, раскрашенные в черно-желтый цвет. Наймите дизайнером бухгалтера, а драйвером – тормоза, и вы получите икс-кеб. Они присвоили себе звание «рыцарей дороги», и вокруг них кругами по воде побежали тысячи слухов. Дети улиц, друзья Койота, говорили, что бо`льшая часть слухов – правда. Например, что у драйверов отнимали все воспоминания, заменяя их робоимплантами и комплексным знанием улиц. Что всей этой системой управляет туманная таксотварь, называющая

себя Колумбом. Что у кебов спереди, сразу за фарами, смонтированы пушки. Что драйверы каким-то образом видят будущее: они знают, что тебе нужно такси, раньше, чем ты понимаешь это сам. Сегодня, если ты зовешь такси, икс-кеб тормозит рядом через минуту, гарантированно.

Койот не такой. Он старомоден до кончиков когтей. Боже, как же он ненавидит этих иксеров!

Он втаптывает окурок в дорожную грязь. Тут же прикуривает следующую, потому что неожиданно задумывается о Боде. Бода – одна из иксеров. Пару раз они с Койотом пересекались в ночных кафешках и разговорились. Она изменила образ иксера в сознании Койота – он увидел в Боде истинный свет. Она была настоящим бриллиантом, именно таким, какой он искал всю жизнь. Она ослепляла Койота одним своим присутствием, а уж когда она в ночном кафе спела для него песню – ее прокуренный голос вздыбил мех Койота дрожью наслаждения. Они болтали, пока не погасли фонари, и ему казалось, что иксерка проникла в его разум и разговаривает с ним напрямую. Словно у него больше не осталось от нее секретов. Он подумал, что она из теневых девушек, но спрашивать не стал. Разве теневые и псы не заклятые враги? К тому же разве драйверам не положено жить только ради иксерского Улья? Так почему же тогда этот неземной экземпляр заговорил с ним? И почему разума Койота коснулись нити Тени? Наверняка икс-кебы убрали бы эти опасные способности. Но он видел страх в ее глазах: она говорила с ним так, словно грешит против какого-то тайного кодекса. Так что ни одно слово на эту тему не сорвалось с уст Койота, зато он вдоволь развлек ее рассказами о своих таксишных приключениях. Боде, похоже, он понравился; она пообещала подкинуть ему работу, что-нибудь слишком незаконное для икс-кебов. Икс-кебы не работают за границами города.

Вот поэтому Койот и стоит здесь, в тающей темноте, ждет пассажира, забравшись далеко в никуда. Бода дала ему телефон, на звонок ответил сумрачный голос: «Ехать к Текучей Свинье, проехать мимо нее, свернуть на грунтовку, вторую налево. Проехать по ней триста метров до сухого дерева. Ждать там, в четыре утра. Ждать пятнадцать минут. Если никто не появится, уезжать. Все ясно?»

Ему было ясно. И вот он здесь, стоит и ждет, и утро уверенно приходит в оранжевой мини-юбке. Почему Бода к нему так добра? Койот не знает. С тех пор как богиня лакала из его миски, прошла целая вечность. Почему сейчас? Все, что он мог сделать, – поблагодарить ее поцелуем и отправиться в путь. Но от этого поцелуя в нем проскочила искра, ожили мысли о том хорошем,

что было и прошло, и о том, что вот-вот готово начаться, словно цифры на счетчике такси: поездки, бывшие и будущие.

Справа от него, за пределами конуса света фар, раздается шум. Он оборачивается, но ничего не видит, только медленные волны перекатываются по иссохшей траве, словно вязкие языки в ночи. Делает глубокий вдох, втягивая весь пейзаж в ноздри. Чувствует озоновые басы дождевых облаков, терпкую стерильность травы и земли в среднем регистре и какую-то высокую, дискантную ноту, которую не может опознать. Но ничего опасного, ничего человеческого или получеловеческого. Еще нет. Он прислоняется к водительской двери с сигаретой в зубах, слушает, как Гамбо Йо-Йо представляет следующую песню, смотрит на наливающиеся тяжестью облака и думает о дочери, о драйвере по имени Бода, о времени, о том, что все утекает, уходит от него и от всех остальных и что все его так называемые друзья тянут из него деньги, и когда же наконец появится этот пиздюк пассажир!

Он дотягивает «напалм» до самого фильтра и выбрасывает окурок. Мелькает огонек, на секунду высвечивая маленький пятачок земли. Земля здесь всего на шаг от смерти, с тех пор как падала Гнилая кровь. Танатос, как его называли большие газеты. Дешевые же звали его Лимп, Гага или Консерватор. Боже! Да какая разница, как его называть? Мир за границами городов стал пустыней снов. На таком расстоянии от города дождь шел раз в полгода, и поговаривали, что в таких местах есть дыры в мире. Поверьте, Койот разберется с этой работой, лихим ветром проедет по темным дорогам, вполне возможно, с плохим пассажиром на борту. Если он вообще появится. Уже 4:10 – и ни слуху ни духу. Иногда Койот думает, что Манчестер – последнее влажное место на земле, и именно поэтому его так тянет на эти мокрые улицы. Койот звереет оттого, что стоит черт знает где, вполне возможно, совершенно вхолостую, просто из-за безумного слуха, который дошел до ушей Боды. Может, это не клиент. Единственный транспорт, который легально ездит по Лимбо, – жуткие грузовики «Ваз Интернешнл», скользящие от города к городу. Один такой он встретил по дороге сюда – массивный джаггернаут, ощетинившийся пушками и прожекторами, вопящая стальная башня; грузовик чуть не разметал черное такси Койота по темноте.

Этой дороги даже нет ни на одной официальной карте. Конечно, Койоту не нужны официальные карты. У него в голове своя модель мира. Как собака мочится на фонарные столбы, Койот размечает территорию, когда на нее попадает.

Койот – сам себе карта.

Он задирает морду к ветру, вдыхает запахи шторма, а потом наклоняется к часам.

4:12.

Тусклый розовый свет солнца проникает в каждый уголок этого мира. День стремительно приближается, и если Койот не доставит пассажира в ближайший час, он вполне может оказаться в Лимбо бесплатным развозчиком зомби и прочих нежелательных элементов. Это плохо. Они что, не понимают, что время – моя смерть? Если ты ошибся в секундах…

Вдалеке кто-то кричит: кошмарный визг, высокий, скрежещущий звук, словно песок внутри глаза.

Койот заменяет «напалм» на свежий, глубоко втягивает дым и внимательно смотрит на вереск, высматривает паразитов. В основном их называют «зомби», иногда «призраки», иногда «полуживущие». Как это часто бывает в наши дни, у них много названий. Они живут в Лимбо, но не по доброй воле. Суровые законы не позволяют им жить в городах, поэтому иссохшая земля исхлестанных ветром камней стала их домом. Но они не могут противостоять теплу живого человеческого общения, а редкие проезжающие машины – идеальный шанс поймать попутку и вопреки закону вернуться домой. Койот не забивал себе этим голову. В нем достаточно пса, а пес может победить зомби при хорошем раскладе. Хотя все равно надо быть настороже.

Он снова смотрит на часы. 4:15. Солнце точно встало и вымывает ночь из закоулков. Может, пора отменять поездку? Вроде сказали ждать до 4:15 и уезжать? Начался дождь. Ему везет. Дождь бывает здесь два раза в год, а Койот попал под ливень. Только этот дождь совсем не похож на манчестерский, скорее на мощный поток мутной жидкости; не дождь, а поливальная установка. Снова раздается крик во тьме. Вокруг столько кошмарных криков, что молодому парню-псу хватило бы за глаза. Койот кладет лапу на дверную ручку, открывает ее…

Но слушай… слушай и нюхай. Вот прямо сейчас, на границе нового дня… он чувствует запах цветов. Цветы! В этой части мира? На вересковых пустошах? Ересь и бред. Ничего не может расти на этой зараженной, гноящейся почве. Над этой землей пролилась Гнилая кровь. Что это за запах?

Петуния. Жасмин. Розмарин. Примула. Еще запахи, смешанные друг с другом, – его всезнающий нос не может различить отдельные элементы. От запаха хочется чихнуть. Койот страдает от аллергии, каждый год, без вариантов. Похоже, впереди плохой сезон.

На дубе дрожит листва. В поле зрения Койота появляется что-то темное. Черт, на этом дереве не было никаких листьев, Койот

уверен. Так что же там дрожало?

Из тумана возникают два человека. Мужчина и ребенок. Мужчина тащит большой мешок. Они пахнут не как зомби, первым делом решает Койот. Они пахнут как сад, заросший, мокрый, дикий сад.

Ребенка скрывает очень длинный анорак, капюшон поднят, шнурок туго стянут, так что ничего нельзя разглядеть, кроме глаз. Глаза двумя яркими изумрудами светятся из глубины капюшона.

Койот знает, что ребенок – девочка, лет десяти-одиннадцати, как раз на грани созревания. Он может сказать это по запаху, запаху девочки. Он сладкий и высокий, приятный контраст запаху дождя, острому и кислому. Дождь превращает мех Койота в слипшийся ком. У Койота появляется неприятное ощущение, что эти люди принесли дождь с собой. Запах цветов усиливается. Он победно врывается в ноздри, Койот чихает. Он давит окурок подошвой, втаптывает его в грязь, в которую превратилась земля, открывает дверь такси, залезает, выключает старого доброго Гамбо.

Койот знает свое место.

Девочка открывает заднюю дверь, плюхается на обитое дерматином сиденье. Мужчина стучит свободной рукой по багажнику, требуя его открыть. Койот разблокирует замок и чувствует, как машина скрипнула под новой тяжестью. Мужчина подходит к окну Койота. Лицо мужчины покрыто копотью. Он говорит:

– Она едет. – Голос говорящего похож на грязь, чавкающую под ногами в дождливый серый день. – Ты в курсе, куда ее надо везти?

Койот даже не кивает, он слишком занят – заливает ноздри «СоплеСтоппером». Свободной рукой он включает счетчик, флажок падает. Это то, что старики зовут стартовой таксой. Фишка пришла из давних времен, когда с механизма падал зеленый флаг, показывавший, что машина выбрана. Койот до сих пор так это и называет, хотя зеленый флаг давно исчез; такой уж он парень. Появляются цифры, зеленые и яркие: 3,80. Стандартная такса, один пассажир. Он жмет кнопку наценки за мешок в багажнике. Добавляется 0,60 за вес. Потом он нажимает «Л» для Лимбо, и счетчик высвечивает некислые 400,20 – это то, что он требует за поездки за черту города. Поездки по Лимбо очень опасны, и Койот считает, что он стоит каждого пенни.

– Александра-парк, Манчестер, – говорит мужчина. – Понятно?

Койот не обращает внимания. Черное такси прекрасно; просто послушайте гул старого двигателя! Койот чувствует

растущую энергию. Знание. Так называют это драйверы – знание всех улиц: где они находятся, насколько опасны, что находится в темных углах. В Койоте растекается знание.

Такси трогается, черные колеса выбрасывают из-под себя облако грязи. Мужчина еще держится за дверь. Может, он сотрет ладони до крови. Но кого ебет чужое горе?

4:22.

День уже начался, скоро станет светло. Теперь будет еще сложнее пробраться мимо городской стражи, они будут проверять все въезжающие машины на предмет зомби. Койот собирается сыграть чисто, возможно, проехать через Потайную дверь на границе города. Мало кто из городских обитателей знает входы и выходы Лимбо лучше него. Раньше он обычно принимал перья Вирта: они помогали ему в дороге. Но он осознал, что край его личной пропасти осыпается. Теперь Койот водит чистым, без перьев. Фары такси выхватывают мертвые деревья и выгоревшие остовы машин. Он ведет сейчас, как зомби, слившись со знанием реальности и ее Тени.

Зомби – проклятье каждого драйвера. В ночных кафе Койот не раз слышал истории о машинах, найденных в мерзких грязных канавах где-нибудь на окраине Манчестера: тело драйвера размазано по сиденью, руки все еще стискивают руль. О состоянии тел рассказывали разное. Что у них не было ни единого зуба. Что их головы были отрезаны и стояли на капоте, словно эдакий роллс-ройсовский дух экстаза. Что их гениталии находили в бензобаке. Койот не знал, чему верить. Всё, чего он хотел, всё, что он умел, на что был способен, – возить людей от адреса к адресу, не важно, по Манчестеру или по Лимбо. И вот теперь он играет в свою любимую игру: везет странного пассажира в Манчестер, разгоняется по узкой щели, ведущей к маленькой проселочной дороге, ведущей назад, в тепло. Может, в этот раз мечта станет реальностью, и Кайфотаун будет ждать за следующим поворотом. Если он сможет доставить этого пассажира. 4:41.

Часы на приборной панели светятся ярко-зеленым. Напоминают ему о глазах пассажирки. Такие чистые. Он слегка поворачивается и говорит через проволочную сетку:

– Манчестер зачем ехать, мисс?

Вопрос звучит глухим рычанием, потому что Койот наполовину пес; так он разговаривает, произносит человеческие слова собачьей глоткой.

Девочка не отвечает.

Койот делает еще одну попытку.

– Паспорт есть?

Молчание. Не важно, Койот так и так знал, что это нелегальная поездка.

– Пристегнута как надо?

Снова молчание. Но, обернувшись, Койот видит, что девичье тело охвачено ремнями безопасности.

– Погода гадость, – пытается разговорить ее он. – Время года?

Девочка на заднем сиденье еще туже стягивает анорак на своем лице.

Ясно, она не из болтливых. Значит, ей придется просто слушать голос Койота, вот так. Койот любит поговорить с пассажирами.

– Как имя, ребенок? – спрашивает он.

Наверное, она не ответит. Проходит верных секунд десять, не меньше, и наконец она произносит:

– Можешь называть меня Персефоной.

Ее голос сладкий и липкий. Как кусок меда.

– Персефона. Красивое имя, – говорит ей Койот.

Она не отвечает.

Только тихий шепот черных деревьев по обе стороны дороги. Время от времени из облаков выглядывает молчаливая луна. Но встает солнце, Койот мчится ему навстречу. Может, поездка обойдется без зомби – эти полуживущие ненавидят дневной свет. Шелест дождя по ветровому стеклу. Запах цветов с заднего сиденья такси. Слишком сильный, слишком резкий. Койот чувствует, как рождается большой чих. «Аллергия в конце концов убьет меня».

До предела напрягая свои песьи глаза, чтобы аккуратно пройти сквозь потоки дождя, Койот неожиданно мысленно видит образ Боды. И этот образ ведет его вперед, по дороге домой, в его квартиру на Фэлоуфилд. Внезапно он начинает дрожать, шерсть на загривке встает дыбом. Что-то вот-вот пойдет не так, он знает. Койот оглядывается налево-направо, высматривает проблему. Ничего не видит. Потом громкий, смачный удар сзади по машине – и девочка кричит.

Койот смотрит в зеркало, видит только темноту, девочка отшатывается от левого окна. Он поворачивает голову, нос ловит плохой запах. Он не может разглядеть, что это.

– Что случилось? – кричит он.

В ответ только вопли. Койот окончательно поворачивает голову назад, пытаясь увидеть, и неожиданно машина врезается во что-то на дороге. «Это что за хуетень?» Койот вовремя поворачивает морду вперед и видит, как на них летит забор. Он переходит в состояние гиперпса и закладывает такой вираж, что видит свет собственных габаритных огней. Удар в лобовое стекло.

«Господи!»

Лицо зомби, размазанное по стеклу.

Отлично, теперь их двое: один спереди, один сзади. От вони полужизни к горлу подкатывает комок тошноты. Передний зомби уставился на Койота. Его лицо, мокрое от дождя, порвано и изломано, лоскуты кожи висят как черные флаги. Красные глаза внимательно смотрят, налитые яростной жаждой пищи. С заднего сиденья доносятся какие-то странные звуки. Пес-драйвер кричит девочке, чтобы та держалась подальше от окна, но вот передний пассажир уже ухватился за дверную ручку.

«Надо было принять Вирт, психопсяка!» Единственный путь вперед, так что Койот впечатывает ногу в пол, размывая мир в темную кляксу. Но зомби-заяц все еще держится. Вот его вторая рука долбит в водительское стекло. Надо же, в ней камень. Койот бросает машину влево, а потом резко вправо, управляя всеми четырьмя лапами, как настоящая собака. Но этот зомби – бывалый стопщик. Камень опускается с тяжелым ударом, на стекле появляется паутинка трещин. Еще удар – стекло разлетается. Осколок стекла вонзается псу-драйверу в щеку. Боли нет, пока нет, только подавляющее ощущение растоптанной гордости. «Это окно моей машины, Лимбо-ебец! Убирайся на хуй из моей жизни!» Койот открывает замок двери и распахивает ее – жестко! – так, что она стремительно летит обратно на хорошо смазанных петлях, и зомби летит вместе с ней. Тварь с размаху бьется о машину, а дверь снова начинает открываться. Койот помогает ей распахнуться, но пальцы зайца намертво вцепились в ручку. Койот захлопывает дверь. Зомби прижимает свое изломанное лицо к разбитому окну. Тем временем Койот одной рукой шарит в бардачке. «Куда, черт, я запихал эту штуку?» Голова зомби уже внутри, пытается дотянуться зубами. Снова удар, на этот раз сзади – и второй зомби пробивает левое заднее окно. Девочка кричит.

С клыков переднего зомби течет слизь. Он просовывает внутрь косматую руку: длинные, годами не стриженные когти врезаются в собачью плоть, оставляя за собой кровавые дорожки. Койот находит то, что ищет, и наконец поднимает свободную руку к лицу зомби. На один бесконечный миг он заглядывает глубоко в глаза чудовищу, а потом нажимает на спуск. Карманная пушка производит отличный выстрел: из пальцев пса-таксиста вылетает маленькая вспышка. Смачный шмат зомбиного мяса шипит на лице Койота. Койот бросает пистолет на пол такси и в рассеивающемся дыму видит сломанный нос и чистый и влажный глаз, который смотрит на него. Второй глаз – месиво из крови и желатина. Зомби все еще цепляется, держится за дверь

скрюченными пальцами, выкрикивает проклятья, его горящее лицо все еще тянется к человекопсу.

Койот делает единственное, на что способен, – крепко сжимает зубы…

«Боже! Вернемся – сразу в ванну!»

…на левой половине остатки лица противника. Во рту прекрасное ощущение мяса, пусть даже он рвет с костей вкус смерти. На несколько секунд, пока он прогрызается сквозь кровь и мясо, и боль, и время, и плохой запах плохого дня плохой жизни, Койот становится абсолютным псом – пока вой клаксона не вырывает на поверхность его настоящую личность.

Спереди его слепят сияние фар и страх, но сейчас все будет, игра сделана. Он разжимает челюсти, оставляя зомби болтаться на двери, вцепляется в руль, поворачивает весь мир налево, проходит впритирку с наплывающим бегемотом вазовоза: дыхание скорости, встречная полоса, потом мощный удар в лицо зайцу в нужный момент – и тот летит, оторвался, летит… Размазан по стальным пластинам брони грузовика. «Туда тебе и дорога, зомбятина».

Он смотрит в зеркало. Молочно-белая рука зомби накрыла шею девочки. Анорак худо-бедно защищает, но вряд ли его достаточно, и Койот отлично видит, что девочке больно. Может, стоит остановить такси, открыть дверь, выйти и разобраться с зомби с помощью огнемета и своего всемирно известного укуса. Подарить ему то же ощущение, что и его партнеру, – бездну боли. Но можно ли останавливать такси? Может, там еще пачка зомби жаждет прокатиться на халяву? И есть ли у него время? Солнце встает, как он будет возвращаться в Манчестер при дневном свете, с незаконным иммигрантом на борту?

«В какую именно из поганых игр я ввязался?» Но тут с заднего сиденья доносится вой, и Койот думает, что поездка накрылась. Это ранит его в самое сердце: Койот еще никогда не терял клиентов. Он бросает взгляд на девочку в зеркале, и она улыбается ему из-под капюшона. Зомби вцепился в нее, но его лицо превратилось в кашу, как будто девочка что-то с ним сделала. Койот не может понять, что там произошло; его душит запах цветов. Он не может перестать чихать, и ему в голову приходит мысль: «Отличное время как следует прочихаться».

– Отличная работа, ребенок, – говорит Койот, но не слышит в ответ ничего, кроме мерного скрипа дворников по лобовому стеклу.

– В порядке там? – спрашивает он. Подразумевая «если хочешь вытолкать этого зомби в окно – давай, только делай это сама. Дорога здесь слишком опасная».

Пассажирка молчит. Койот бросает взгляд на часы – на них 5:30, – и тогда он нажимает еще пару кнопок на счетчике, добавляя к счету стоимость двух разбитых окон и боль схватки с зомби. Стандартная такса набежала 18,40 и сверху – 1275,60. Зомби стоят денег. Койоту не доставляет радости драться с ними, но раз уж приходится и раз уж он вышел победителем, отлично, отблагодарить можно наличными – поездка мечты становится все ближе и ближе. В зеркале он видит, как пассажирка гладит зомби по голове, будто домашнего зверька. «Господи Иисусе! Можешь в это поверить? Кого же я везу? Что она сделала с зомби? Зачем такая сложная жизнь отличному псу-драйверу? И почему я чувствую желание ни с того ни с сего?»

Неожиданно у пса-драйвера появляется мощнейшая эрекция. Вставший член достает до низа руля, и это так приятно, что Койот ощущает – он мог бы вести машину без рук. Надо думать, во всем виноват запах, текущий от девочки. Вот сидит, ласкает зомби, как крепко выебанного любовника; машина напоминает сад в разгар весны, в воздухе туманом клубится пыльца. Койот жестоко кашляет, что больше напоминает оргазм с двух сторон. Вкус лета у него во рту и в штанах, и ночь распускается золотым цветком утра, пока машина скользит по горлу холмов к концу маршрута, до места назначения осталось двадцать километров…

Северная граница города.

Когда они едут по Оксфорд-роуд, сразу за университетом, их обгоняет икс-кеб, летящий в сторону центра Манчестера. Кровь сначала могучим валом бросается в лицо, а потом в чресла, когда Койот видит, что его конкурент – Бода. Приветствуя ее, он поднимает влажную лапу и слышит ее голос прямо у себя в голове; она говорит что-то вроде: «Королевский драйв, парень», как будто может передавать сообщения на расстоянии, громко и отчетливо. Как будто в ней есть Тень. Может, она и есть Тень. Может, и есть. Он передает ей ответ: «Везу девочку Персефону». Просто думает про себя, и, естественно, Бода отзывается: «Хороший заход в Лимбо, Кой». Может, у них что-то и выйдет, у Койота и иксерки. Наверняка. Надо найти ее на стоянке такси, потом, когда эта поездка закончится.

– Хороший заход в Лимбо, Кой, – повторяет пассажирка, словно Тень говорила и с ней.

Ну и спасибо мелкотравчатому копу, который погнался было за ними, за всё на круг счетчик теперь показывает весьма солидные 1597,20. Отличные деньги! Для Койота решение всех проблем. Но вот он чихает. Причем просто кошмарно.

– Тяжелые духи, цветочная девочка, – говорит он.

– Спасибо, – отвечает пассажирка. – Где мы сейчас?

– Почти там, – отвечает он. – Александра-парк ты хотела?

– Довези меня до травы.

Это легко. Сначала через пряные ароматы Расхолма, потом прямо на Клермонт-роуд. Парк тихо мерцает – задумчивое пространство, полное теней и деревьев.

– Прямо здесь, слева, пожалуйста, – говорит пассажирка.

Койот останавливает машину около парковых ворот. 6:14. Капли дождя бьют в ветровое стекло. Человекопес чувствует себя дома.

– Ты в порядке, пассажир? – спрашивает он. – Такси-лага нет?

Это бывает со слабыми пассажирами, когда их протаскивают сквозь зоны неуверенной езды. Первый же взгляд говорит ему, что с девочкой все шоколадно. Он смотрит на счетчик.

– С вас тысяча пятьсот девяносто девять фунтов и двадцать пенсов, прошу.

Когда разговор заходит о деньгах, Койот говорит на чистом английском.

– Сейчас все будет. – Она достает из кармана анорака цветок, черную анютину глазку.

– Что это?

Персефона просовывает цветок через решетку, чтобы Койот мог взять его в лапу. Взгляд бедного пса очарован ночными лепестками. Только пойдет ли такая плата для Кайфотауна?

– Такая шутка, пассажир-девочка? – спрашивает Койот.

– Попробуй, – говорит девочка. – Ведь попытка не пытка?

И Койот скармливает цветок читалке кредиток на счетчике. Ровно в 6:16 зеленые цифры счета превращаются в желтое 1599,40, а на экране появляются слова «ОПЛАЧЕНО ПОЛНОСТЬЮ». Койот поражен этим зрелищем. Деньги вливаются в его систему.

И в тот же момент – понедельник, 1 мая, 6:16 утра – в Уилмслоу исчез со своей перины мальчик по имени Брайан Ласточка. Его родители, Джон и Мэвис Ласточка, не знали о том, что сын исчез, до 7:30, времени, когда они проснулись. Комната Брайана оказалась пуста, одеяло смято, как после жестокой борьбы. Окно в комнате закрыто изнутри, как, впрочем, и остальные окна и двери. Джон и Мэвис вызвали полицию. Побеседовать к ним приехал инспектор Томми Голубь. Родители сказали Томми Голубю, что поцеловали любимого сына перед сном в 10:15 вечера, а потом легли спать, закрыв за собой все двери. Детектив осмотрел комнату мальчика, обнюхал простыни, а потом воздух. Он слишком часто исследовал атмосферу, чтобы не понять, что это значит. Кто-то где-то был обменен на что-то из Вирта. И объяснить это мистеру и миссис Ласточке будет совсем

не просто. Томми Голубь вздохнул и обрушил новость на обезумевших родителей.

У Койота кружится голова. Деньги его торкают. Ни с того ни с сего он начинает чувствовать себя членом общества.

– Нравится? – спрашивает Персефона.

– Нравится. Еще как нравится. Хорошая поездка.

Он еще некоторое время разглядывает знак «оплачено полностью», перед тем как открыть дверь. Его бесят разбитое окно и боль в щеке, в том месте, куда воткнулся осколок стекла. Но все это мелочи. Оно того стоило. Он идет к задней двери машины. Девочка отстегивает ремни, спихивает на пол такси ставшее почти невесомым тело зомби. Койот понимает, что ему придется где-нибудь выбросить это печальное высохшее создание. Тем временем девочка выходит из машины. Подходит вплотную к Койоту. Ее духи ласкают его ноздри. Он хочет чихнуть, но умудряется сдержать позыв.

– Спасибо, что довез меня, – говорит она.

– Нет проблем, – отвечает он.

«Просто холодное, дождливое утро на пустошах, дурная поездка через Лимбо, два безумных зомби, один из них лежит мертвый в машине, кусок стекла в щеке, кусок полумертвого мяса во рту, меня едва не размазала огромная вазовозка, небольшая кровопотеря, игра в прятки с городской стражей, запах цветов, разрывающий мой нос».

– Я заплачу тебе, – говорит Персефона.

– Уже уплачено.

– Немного сверху.

Персефона снимает капюшон.

Койот смотрит на девочку. Ее лицо прекрасно. Его, словно пчелу, притягивает эта внешность, этот запах. Так соблазнительно. Он не знает, куда девать глаза. Поднимает взгляд на деревья Александра-парка. Не дело. Надо смотреть на нее. Эти сияющие зеленью глаза, они смотрят, как два цветка, прямо ему в душу. Девочкины детские полные губы как два дрожащих лепестка.

– Поцелуй меня, – говорит она.

Ей не больше одиннадцати, но у губ Койота нет выбора – они опускаются к ее губам, ощущая вкус пыльцы. Он чувствует, как ее язык проникает глубоко в его горло…

«Господи, языков такой длины просто не бывает».

Он думает о своем неизвестном отце, о мертвой матери, о дочери, которую так редко видит. И о своей злобной бывшей жене, и о сладкой, возбуждающей песне Боды. Крошки последних ощущений.

А потом его разум взрывается тьмой и цветами.

«…боже мой! Цветы танцуют… танцуют…»

Минуту двадцать пять секунд спустя Койот мертв.

Моего начальника зовут Крекер, шеф полиции Джейкоб Крекер. Единственный человек, названный (собственными родителями) в честь конкретного бренда тонких сухих печений. За глаза все копы зовут его Вафлей. Это голос Крекера из телефона возле моей кровати отправил меня в путешествие. Стоит раннее утро 1 мая не-пойми-какого года. В мой высохший проспиртованный мозг с трудом пробиваются его слова:

– Сивилла Джонс… Для тебя новое дело.

Нашли тело, прямо около ворот Александра-парка. Мне надо немедленно прибыть туда. Дело темное, сказал Крекер, и больше не сказал ничего. А мне-то что? Смерть – моя специальность. Так что я быстро оделась, а потом, как обычно, забежала во вторую спальню, где лежал и спал мой Сапфир, моя любовь. Я накрыла кроватку, коснувшись Сапфира губами, потом вышла из дома, залезла в «Форд-комету» и поехала сквозь дождь к парку, в Мосс-сайд. Я терпеть не могла оставлять Сапфира одного, но в тяжелые времена коп должен много работать. Одной рукой я вытащила сигарету из бардачка. Естественно, «напалм». Надпись гласила: «КУРЕНИЕ ПОЗВОЛЯЕТ ТЕБЕ ПИСАТЬ ЛУЧШЕ – ОФИЦИАЛЬНЫЙ БИОГРАФ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Вкус дыма в горле. Сейчас, в сухой пыли, я все еще помню этот вкус, похожий на дыхание плохого любовника на губах и языке.

В то время я жила на Виктория-парк, как, впрочем, и сейчас; в комфортабельной квартире, которую я купила у своего домовладельца, когда от меня ушел муж. Я вышла замуж рано, в восемнадцать, уже беременная. Семь месяцев спустя у меня родилась дочь, Белинда Джонс. Через девять лет от меня ушел муж. Через четыре дня после мужа моя дочь, Белинда, убежала из дома. Ей было девять лет – это не самый подходящий возраст для того, чтобы девочка отправилась в путешествие. Однако именно это она и сделала, напоследок назвав меня кучей плохих слов за то, что я заставила уйти отца. Она все поняла именно так. Наверное, она любила его больше, чем меня, несмотря ни на что. Но куда она ушла? Куда? С тех пор в поисках Белинды я облазила все, что могла, но не нашла нигде ни следа, ни имени, ни места. Это стало одним из путешествий моей жизни.

Теперь это путешествие почти подошло к концу. Вперед, к мечте…

В то далекое утро, когда я ехала на своей «Пылающей комете» по направлению к Мосс-сайд, полицейская система была забита

сообщениями. Я была не в настроении слушать все эти шифрованные сообщения о надвигающемся или свершившемся насилии – так что я ушла с полицейской частоты и поймала трепотню Гамбо Йо-Йо. Манчестерские копы годами искали этого хиппи-пирата и не находили ничего, кроме его голоса, идущего из ниоткуда…

– Милые милочки. Доброе утро, ага? Это была песня «Я слышу, как растет трава» от The Move, а ноздри Гамбо тем временем улавливают странные волны. Цветы на дожде, однозначно. Большой скачок содержания пыльцы в воздухе. Я прямо слышу, как оно скачет. Ваш старый хиппи уже чихает. Йо-Йо! Цветы выбрасывают пыльцу по всему Манчестеру. Гамбо раньше ни разу не видел такого огромного золотого прорыва. Потратим несколько секунд на доступ к инфоперу: последний раз такая мощная волна отмечалась в далекие и забытые дни Плодородия 10. Конечно, до мирового рекорда нам еще как пешком до луны, но тем не менее есть о чем задуматься. Абсолютно маньячный скачок. Не суетитесь. Прочищайте ноздри «СоплеСтоппером». Вышлите заказ на настоящие носовые фильтры Доктора Гамбо. Может, Джон Берликорн смилостивится над нами. Содержание пыльцы 85, и показатели растут. Новости прямо с улицы о славном убийстве. Подробности позже, когда я подключусь к сегодняшнему полицейскому перу. Вы в курсе, они меняют коды каждый божий день, но правильный Гамбо всегда найдет лазейку! А теперь, мои хорошие, послушайте эту прелесть от Скотта Макензи шестьдесят девятого года. И помните: если в этом году вы собираетесь в Сан-Франциско, убедитесь, что у вас в волосах есть что-нибудь растительное…

Создается ощущение, что Гамбо Йо-Йо знает о полицейских делах больше, чем мы сами. У него даже есть собственный входящий телефонный номер, включенный и работающий, но стоит позвонить копу, как сигнал теряется в сетях тьмы, ставшей в наше время символом скрытности. На волне сидит вирус-презерватив.

Под завесой дождя я сделала резкий, быстрый поворот налево, на Уильямсон-роуд, а потом направо, на Клермонт, направляя свою «комету» к месту чужой смерти. Было 6:57. В конце дороги я уже видела полицейские огни – красные дуги на холсте дождя и полутьмы, слева проносились черные деревья Александра-парка, сквозь листву которых просвечивали мигалки робокопов. Еще одна картина преступления. Моя жизнь. Вокруг тусовалась толпа собаколюдей. Люминесцентные полицейские ленты протянулись между фонарями и полицейскими машинами. Какой-то злобный собакобенок цапнул зубами ленту. Когда я

проезжала мимо, к черному такси, наполовину заехавшему на тротуар, я увидела искры, дрожавшие и утреннем дожде. Собакобенок взвизгнул от шока и упал назад, в лапы молоденькой сукодевочки. Плотский коп направил пистолет на толпу. Я вышла из машины, и молодой робокоп подошел ко мне, сканируя мой идентификатор. Я прошла мимо него, туда, где тьма спрессовала толпу копов в неясное темное пятно. Мы были прямо напротив бокового входа в Александра-парк, у ворот на Клермонт-роуд. Большой песокоп рычал на группу озлобленных вымокших полицейских что-то вроде «давайте трясите уже мясом». Один из них чихнул.

– Что у нас тут, Клегг? – спросила я. Песокоп повернулся на мой голос. От дождя его грязно-коричневая шерсть слиплась в сосульки.

– Где Крекер? – спросил он.

Клегг был единственным копом, который не звал начальника Вафлей. Иногда в разговоре он даже называл его «хозяин». Вообще-то Крекер не занимается грязной работой. Обычно он, как грозовая туча, появляется над местом преступления – и сразу уносится назад, за свой стол. В этот раз он даже не соизволил показаться. У него был хороший предлог: его жена с минуты на минуту ждала двадцать первого ребенка.

– Он ждет очередного ребенка, – ответила я.

– Какая жалость. И они прислали нам чертову дымку.

Главный инспектор З. Клегг – хороший простой песокоп. На счету его вытянутой морды и могучего обоняния немало раскрытых убийств людей и собак. Он наполовину пес, наполовину человек и искренне ненавидит всех, в ком есть Тень. Например, меня. Я – дымная женщина: это значит, что в моей плоти есть доля Тени. В каждом создании есть след Тени, но в некоторых из нас она живет в чистом виде. Глубинная неприязнь Клегга к Тени отдавала патологией.

– Жертва была песьего рода, Зеро? – спросила я. Я сказала так из-за влаги, блеснувшей в глазах Клегга. Я видела его таким далеко не в первый раз и понимала, что это значит.

З. Клегг просто кивнул.

«З» – сокращение от Зулу, но Клегг ненавидел это имя, так что называл себя Зет. Я называла его Зеро, просто чтобы вздыбить шерсть на его лице. Он просто бесился. Зеро был одним из тех собаколюдей, которые отчаянно отвергают свою собачью часть. Это очень забавно, учитывая пятна шерсти на его лице и длинные бакенбарды, свисавшие с обеих его щек. Он ненавидел, когда его называли псом. Зомби, псы, робо, тени, вирты и чистые – такая социальная лестница. Поэтому многие псы в конце концов

оказывались по ту сторону закона. Пес, работающий копом, подвергался постоянному давлению. Не только со стороны чистых копов, но и со стороны молодых дворовых собакоребят, которые воспринимали его работу как крайнюю степень предательства. Еще больше увеличивало его неприязнь к Тени то, что он не был женат, его никогда не видели вожделеющим женщину, или мужчину, или хотя бы собаку – и в его сознание прочно вросла картина одиночества полукровки. У меня была тысяча и одна теория, почему он вел себя именно так, откуда взялся этот сгусток горечи. Ни одна из этих теорий не делала наши отношения проще. Но больше всего Зеро ненавидел, когда убивали кого-нибудь песьего рода. Это была его единственная уступка собаке, жившей в его перемешанных генах.

– Имя есть, Зеро? – спросила я. – И время смерти?

– Естественно. По паспорту из такси он Койот. Судмедэксперт говорит, отдал концы в 6:19.

– Когда-нибудь о нем слышал?

Зеро знал всех больших собак, особенно с темной стороны закона.

– Давай за работу, Сивилла, – прорычал Зеро. – Чем ты нас сегодня порадуешь?

Я сунула пальцы в стерильные перчатки, потом опустилась на колени около тела: едва за двадцать, гладкие волны черно-белой шерсти поднимаются из-под воротника рубашки, образуя блестящую пятнистую маску на лице. Прекрасный собакомальчик. Одетый в черные джинсы и кожаную куртку, украшенную значками фан-клубов: «Манчестерский городской виртбольный клуб», «Робопсы Бельвью», «Баскетбольная бригада расхолмских отморозков». Жертва оказалась манчестерофилом. Раны на лице – следы зубов и осколки стекла. Несмотря на это, на губах улыбка. Застывшая на мертвом лице. Между улыбающихся губ кто-то – убийца? – вставил букет цветов. Красные, растущие на длинных зеленых стеблях, цветы тихо склонялись вниз, к его щекам. Красные лепестки собрались в длинные кисточки. Их вязкий запах ударил мне в нос, как только я наклонилась к телу. Под букетом во рту была видна тонкая блестящая полоска смазки на ноздрях. Шерсть тут и там сверкала искрами желтой пыли.

– Кто-нибудь трогал тело? – спросила я. Чихнув, Зеро Клегг ответил:

– Ты первая.

Я понюхала смазку на его носу.

– Он страдал от аллергии, – сказала я. – Это «СоплеСтоппер».

– Можно сказать, ты поймала преступника за яйца, Джонс, – ответил Зеро. – Будешь проводить теневой поиск?

Сказал это, словно плюнул.

Может, не так уж он и не прав.

Именно поэтому копы и взяли меня на работу. Я могу читать сознание живущих и иногда, если достаточно быстро до них добираюсь, могу читать сознание умерших, их последние мысли, пока они еще не растаяли. Именно это я сейчас и пыталась проделать, отпустив свои дымные руки танцевать над лицом трупа, отыскивая путь к последним секундам его жизни.

Контакт. Последние секунды проходят сквозь меня, прах к праху, дым к дыму…

«…вкус такой сладкий, такой щедрый… едва могу дышать… так сладко… горький вкус меда… я целую цветы… ее язык словно вино… и такая девочка, такая маленькая девочка… это вкус… вкус Эдема… позволь мне там уснуть… позволь спать… спать и расти… позволь мне спать и расти… Господи! Языков такой длины просто не бывает…»

А потом взрыв красок, который заставил меня заплакать.

«…о Господи! Цветы танцуют… танцуют…»

Я путешествовала в голове мертвого собакомальчика, соскальзывая от спектрального взрыва к пропасти пустоты…

«…подумай обо мне, Бода… спой ту песню еще разок…»

Последняя фраза в жизни Койота оборвалась в молчании… Это имя, которое он произнес с такой страстью. Сладкая смерть.

– Что ты сказала? – Это Клегг.

– А? – Я все еще ощущала туннель во тьму.

– Ты сказала, это была сладкая смерть, Джонс?

– Точно?

Я сама не знала, сказала ли. Может, просто передала сообщение путями Тени, сознание сознанию, тень псу.

– Есть ли в мире такая штука, Дымка? Сладкая смерть?

– У него в голове цветы, Зеро.

– Я заметил.

– Нет, я не о том. В его сознании. Как взрыв… взрыв цветов… я…

– Что с тобой? Мне нужны улики, а не стихи.

– Не могу описать это… взрыв цветов…

– Нет от тебя никакого толку. Проигнорировав это замечание, я протянула руку к одному из цветов во рту Койота. И попыталась вытянуть его из куста.

– Расскажешь, как он умер? – спросил Клегг.

– Это к Шкурнику.

– Не зли меня, Дымка. Ты нашла имя в его мозгах? Может, убийцу? Или я прошу слишком много?

– Она была маленькая. Вроде девочка. Было имя Бода. Оно

тебе что-нибудь говорит, Зеро?

– Ничего. И хватит называть меня Зеро. Никак не удается вытащить цветок. Что-то крепко держит его там, внутри головы песопаренька. Обеими руками я ухватилась за букет и как следует рванула. Без толку. Словно другая рука, не слабее моей, держит их где-то глубоко в его глотке.

– Кому шибанет в голову засовывать цветы в рот жертвы? – спросил Клегг.

– Никак не могу их вытащить, – ответила я, продолжая тянуть.

Зеро оттолкнул меня в сторону.

– Так, пусти меня…

Он присел рядом и ухватился за букет вместо меня.

– Зеро! Отпечатки…

– Тут просто нужна нормальная хватка пса… Собачий бог!

– Говорила тебе.

– Гадский букет!

Песокоп сделал могучий рывок. Раздался рвущийся звук – и Зеро упал назад, приземлившись на пятую точку, с букетом цветов в передних лапах.

– Блядские цветы! – воскликнул он, а потом кошмарно чихнул. И я видела, что влага в его глазах – не только слезы, не просто слезы боли.

– Проклятая аллергия! – прохрипел он, безрезультатно пытаясь подняться на ноги. – С каждым годом все раньше и раньше.

Он протянул цветы мне, и я сразу проверила концы стеблей. Они были оторваны и сочились соком. Я запустила руку глубоко в глотку мертвому псу, пытаясь что-нибудь нащупать. Мои пальцы скользнули по ряду острых иголок. А когда я их вытащила, они были измазаны в соке. Я посмотрела на Зеро.

– Что там такое, Дымка? – спросил он.

– Цветы не просто засунули ему в рот, – ответила я. Снова мои пальцы путешествуют по горлу жертвы.

Я чувствую, где корни растений уходят в плоть. Это выходит далеко за пределы моей подготовки.

– Что говоришь, тенедевушка?

– Говорю, что я тебе не девушка.

– Давай теперь поиграем в политкорректность. Расслабься.

И я сказала ему:

– Цветы пустили корни у него в горле.

– На редкость поганое дело. Пахнет очень плохо для опытного нюха. Глянь сюда, Сивилла… – Произнеся мое имя, он махнул в сторону такси. – Посмотри на счетчик.

Я заглянула в такси. Окно водителя было разбито, повсюду по двери и капоту расплылись жирные пятна. Я мазнула по одному пальцем и понюхала.

– Зомбячие соки, точно? – сказал Зеро. – Похоже, он ссаживал пассажира.

Потом я увидела тариф, светящийся кислотно-желтым.

– Откуда он ехал? – спросила я. – Из Австралии?

– Гораздо дальше, Дымка, – ответил Зеро, шедший к багажнику. – Пес, должно быть, вез пассажира из Лимбо. Видать, подцепил нехороших зомби. Зарегистрирован груз в багажнике.

– Ты уже проверил?

Он помотал головой, вытащил тюбик ваза, выдавил немножко в замок и принялся ковыряться там своим коповским ключом, пока крышка багажника медленно не поползла вверх. Внутри оказалось пусто.

– Нам звонили копы из Приграничья, северный сектор, – сказал Зеро. – Они засекли, что он ввозит иммигранта. Он от них оторвался. Пес-Христос! Он был обалденным парнем, этот Койот. Великий уличный герой; думаю, будет большой резонанс. Думаю, начнется еще один собачий бунт. Крекер спустит с меня шкуру, если я не разберусь.

Первый собачий бунт случился много лет назад из-за случайного убийства юной сукодевочки в Боттлтауне. Робо-Шкурник и его бригада судмедэкспертов установили, что над жертвой совершили теневое изнасилование. Еще один эпизод войны между дымом и мехом. Мы сделали все, что могли, чтобы скрыть информацию от улиц, но Гамбо Йо-Йо украл ее с нашей волны. Потом обо всем рассказал в эфире, и псы подняли волну протеста, требуя правосудия, равенства и мести. С тех пор собаколюди стали меховой миной, периодически взрываясь – своеобразный собачий цикл – каждый раз, когда погибал очередной пес. Койот был просто последним из огромного списка.

Зомби, псы, робо, тени, вирты и чистые. Социальная лестница вступала в войну, ступень против ступени.

– Есть улики, Клегг? – спросила я.

– Знаешь что, Дымка? Я считаю, это дело тумана. Думаю, тут поработала Тень.

– Вот как… Понятно…

– Есть другие варианты, Дымка?

– Каждый раз, когда гибнет пес, ты думаешь, что это сделала Тень.

Песокоп проигнорировал мое замечание.

– Давай осмотрим заднее сиденье, – сказал он. Дверь открылась – и на улицу выплыла легкая волна желтого воздуха.

Запах ударил Зеро в нос…

– Господи! – выдохнула я.

– Твоя правда, Дымка… о черт… только не сейчас…

Он собирался чихнуть. Это был запах… АААААААААААААААААПППППППППППППППППППППППЧЧЧЧЧЧЧ ХХИИИИИИИИИИИИИИИИИИИ!!!!

– Пес-Христос!

Запах цветов с заднего сиденья такси. Воздух внутри словно светился ароматом тысячи цветов. Мелькали искорки красок и что-то еще, словно цветы в ране… примесь запаха смерти.

– Ты когда-нибудь такое нюхала, Джонс? – Зеро закрывал нос мокрой тряпкой.

– Какие-то духи?

– Нет. Никогда.

Я смотрела на других копов. Они все чихали… легкие взрывы… крики… проклятия…

– Может, закроешь дверь? Пожалуйста!

Я не ответила. Было что-то в этом запахе, во втором запахе… Я наклонилась к пассажирскому отсеку…

– Один вопрос, Джонс. Как так вышло, что все вокруг чихают, как проклятые, а тебе хоть бы хны? Почему ты не чихаешь?

Внутри такси…

«…мир был ароматом… я вошел в него… измененное сознание… искры красок на сиденье… как на лице песопарня… смотри внимательно… желтое… яркое… маленькое… пятнышко на моем пальце… щекочется… голова дымится… туман… под этим… скрытое… там… сиденье… пятно жира… „СоплеСтоппер“?… Нет… не он… слишком фиолетовый… знакомый… пальцы в нем… горит… холодный… понюхать… смерть… полусмерть…»

Я выбралась из такси и оказалась лицом к лицу с Зеро.

– Джонс?

– Плохие новости.

– Валяй.

– Он провез одного. НПС.

– Зомби?

– Он еще жив, Зеро. Там не было его последних мыслей.

– Зомби. Отлично. Молодец, Сивилла. Зомби убил Койота. Лучше и быть не могло. У нас тут настоящий уличный герой, убитый НПС. В том состоянии, в котором сейчас пребывает Боттлтаун, любой другой вариант, вариант с участием тени, наверняка приведет к очередному бунту. Наверное, надо вызвать зомби-бригаду, пускай эти мусорщики разбираются дальше.

Плотские копы чихали и смеялись по очереди. Дело стало

чепуховым. Зомби пользовались популярностью у публики, потому что в обязательном порядке были страшными и агрессивными, и такой образ существа, рожденного от безнадежного союза живущего и трупа, в те дни еще не умер. По сути, для копов они были досадной помехой: иногда приходилось их зачищать, как мусор на муниципальной дороге. За пределами Лимбо, особенно при дневном свете, зомби были слабаками – это был парадокс их стопных путешествий.

Зеро сунул виртовое копоперо в рот, чтобы напрямую поговорить с главным инспектором Крекером. А для меня, безвиртовой, все это было тишиной – просто счастливое выражение лица Зеро, когда он докладывал новости боссу, который наверняка держал за руку жену в момент родов.

Все, что мне оставалось, – смотреть и дрожать от непричастности. Предсмертное сообщение Койота снова и снова крутится у меня в голове, рисует узоры. Теневые узоры… это имя, которое он произнес в конце… «…подумай обо мне, Бода… спой ту песню еще разок…»

Зеро достал перо изо рта и начал рычать на плотских копов.

– Давайте, убирайте всё здесь. Конец кина. Копы уже были по уши в процессе, приказывали толпе псов очистить место происшествия, Мол, игры закончились.

– Зеро, это по уму? – сказала я.

– Какие проблемы, Дымка?

– Думаю, решение преждевременно.

– Испытай как-нибудь меня в постели, тогда и поговорим о преждевременном.

– А что насчет цветов?

– Зомби их туда засунул. Койот посадил зомби. Зомби убил его и засунул цветы в рот.

– Так глубоко?

– Черт, я же не знаю, как работают эти зомби. Может, они у себя там в Лимбо осваивают всякие полезные навыки. А что им там еще делать?

Не обращая на меня внимания, он начал орать каким-то вуайеристам, чтобы те убирались домой. – А что будем делать с Бодой? – спросила я.

– Крекер вполне доволен вариантом с зомби. И я совершенно согласен с шефом. – Зеро зарычал на толпу собак за лентой.

– Что со вскрытием?

– Естественно. Я договорился с робо-Шкурником на завтра.

– Завтра?

– Думаешь, это самая важная смерть в городе, Дымка? Слушай, у меня на руках уже случай исчезновения. Сегодня утром

Вирт украл единственного сына инспектора из Соцкорма. Расследование ведет полицейский Голубь. Может, мне не стоит ему помогать? Еще надо организовать патрулирование Боттлтауна. Крекер приказал мне затаптывать все искры. Хватит бунтов. Все ясно? – Он повернулся к бригаде. – Ладно, господа, оставляю вас разгребать говно.

Я оказалась в одиночестве внутри круга полицейских. Тело Койота лежало в полуметре от меня. Вырванный пучок цветов валялся на тротуаре. Плотский коп небрежно сгреб их в пакет для вещдоков. Один из цветков остался на тротуаре, дождь смывал лепестки, желтые крупинки смешивались с водой, и в моей голове крутились разные упрямые мысли.

Мне было тридцать шесть лет.

Дни работы в полиции. Дни сока и дыма, тумана и мяса. Дни чудес и путешествий. Дни воздуха.

Все ушло, ничего не осталось…

Водитель икс-кеба Бода едет назад в Манчестер, только что сделав отличную ездку в Боттлтаун. Время 6:01, день тот же. Несколько минут назад у нее были проблемы: На Клермонт-роуд за Александра-парк с боковой улицы вынырнула коповозка, летела, как доза «бумера» в мозг. Фургон был радужно-фиолетовый, с зеркальными стеклами, на боку – коповский логотип: искрящаяся карта Манчестера в рамке наручников. Он подрезал ее, вынудив грубо вылететь на тротуар, и Бода выпустила серпы. Она знала, что, по идее, копы и такси должны работать вместе на благо общества, и поэтому выставила лезвия на ласковое касание. Копы даже и не почувствовали, как на их фиолетовом рисунке появились пять аккуратных полос. Хорошо, ребятам будет чем заняться, когда кончится смена. Потом Бода попросила у Тошки бумерное ускорение, ушла от копов в точку, и вот она снова королева дороги.

– Хорошая работа, Тошка, – сказала Бода своей машине, и по ее такси-визору пробежали слова «ЭТО ЧАСТЬ СЕРВИСА, РОДНАЯ». Бода – ее икс-кебберское имя. Сокращение от Боадицея (Боадицея – королева древних бриттов. Около 60 года н. э. возглавила восстание против римлян).

Так же как Тошка – сокращение от Фаэтон. Драйверы обязаны отдать все свое имущество, свои волосы – воспоминания и сокровища, когда присоединяются к Улью. Их дотаксишная жизнь исчезает в шлейфе дорожной пыли, и одно из сокровищ, которым приходится жертвовать, – свое настоящее имя, имя, данное родителями. Бода – не то имя, для которого она родилась, но другого она не знает.

Фаэтон Боадицеи едет сквозь волны Манчестера,

изготовленные на заказ лезвия скользят назад в карманы.

Теперь Уилмслоу-роуд, обратно в город.

Оксфорд-роуд.

6:05.

Тот самый миг, когда мимо нее проезжает Койот в своей прекрасной черной машине. «Королевский драйв, парень», – шлет она ему, даже не зная, сумеет Ли передать это чувство. Но из головы пса приходит какой-то смутный ответ, что-то насчет девочки Персефоны на борту, так что Бода шлет ему снова: «Хороший заход в Лимбо, Кой». Ему досталось лучшее, что у нее было, – песня дороги. Романтическая чушь, естественно. Но что за черт, ведь она же чувствует себя отлично?

На такси-волне появляется Колумб.

КОНЧАЙ ПЕТЬ, ДРАЙВЕР БОДА.

И Бода прекратила, как всегда прекращала, когда Колумб появлялся онлайн.

ТЫ КАК, СОБИРАЕШЬСЯ СЕГОДНЯ ЕЩЕ ЗАЕХАТЬ НА СТОЯНКУ СЕНТ-ЭНН, ДРАЙВЕР? МОЖЕТ, СУМЕЕШЬ СДЕЛАТЬ ЕЩЕ ОДНУ-ДВЕ ЕЗДКИ?

– Будет сделано, Колумб, – отвечает Бода. На часах 6:12. Бода подключается к базе на стоянке Сент-Энн и сразу же обретает новую цель: несложный заход – отвезти одну робостерву домой в Чеддертаун после ночной «бумер»-сессии. Она рассказывала о ней так, что Боде тоже захотелось принять эту сладкую дурь. Может, попозже… с Койотом на хвосте? Точно, надо попробовать. Бода доставляет пассажира, на обратном пути подбирает другого; какой-то безумный хиппи-пес хочет пораньше включиться в вирт-конвент. Ее неудержимо влечет к Койоту, просто от запаха с заднего сиденья. Бедный пес! Несмотря на это, путешествие вышло легким, блестящим и гладким, никаких проблем. Ну, почти никаких. На обратном пути к днищу такси прилепился комочек какой-то дряни: хитрый путешественник решил проехаться на халяву в Манчестер. Вот что погано в пригородных поездках: некоторые малые зомби умудрились добраться аж сюда. Теперь один из них считал, что классно уцепился и дальше домчится с ветерком; но о чем он точно надумал, так это о икс-кебберской мониторинговой системе. На панели зажглась красная лампочка, и в кеб-глазах Боды всплыли слова «ПРОНИКНОВЕНИЕ В СИСТЕМУ».

«МЕСТО ПРОНИКНОВЕНИЯ… ТУРБОПРОВОД. НАРУШИТЕЛЬ… НЕОПОЗНАННОЕ ПОЛУМЕРТВОЕ СУЩЕСТВО. УНИЧТОЖАТЬ, ДРАЙВЕР?»

Бода подумала: да, конечно, конечно, надо уничтожать: «Сделай все как надо, Тошка, малыш».

ПРОЦЕДУРА УНИЧТОЖЕНИЯ НАЧАТА.

– Возможна тряска, пассажир, – говорит Бода вслух. Ее голос подхватывается внутренней системой и транслируется назад, герметично закрытому хипу. – Без паники.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОИСХОДИТ.

Машина на мгновение становится огненно-красной: поток движется к турбопроводу. Тысяча вольт злости, Бода переключается на заднюю камеру. Видит вопящий комок цвета дерьма, его жалкие клешни прожарены до корочки. Похоже, какая-то бездомная призрачная кошка изо всех сил цепляется за драгоценную пушистую жизнь. Потом неопрятная сосулька отваливается в пригородное небытие, подпрыгивая, как мячик на бетоне.

– Подавись, блядский зомби!

СИСТЕМА ОЧИЩЕНА, ДРАЙВЕР.

– Еще бы! Погнали.

И они едут по дорогам, Бода и Тошка, драйвер и кеб, слившиеся воедино. Она отслеживает движение, слушает радио, но на самом деле Тошка едет сам; Бода слишком занята мыслями о Койоте. Водитель черного такси вошел в ее жизнь три недели назад, в «Соловьином кафе», где таксисты отдыхали после работы. Койот ходил туда нечасто, потому что иксеры смотрели на него с подозрением, но в этот вечер он пришел, и они с Бодой разговорились. На самом деле они пошли гораздо дальше слов; просто лукаво смотрели друг другу в глаза, понимаешь? Бода еще не была уверена, но ей казалось, что между ними рождается что-то хорошее. Что-то, чего иксерам не позволялось, особенно с драйвером черного такси. Иксеры должны жениться на других иксерах. Это был их способ хранить генную чистоту. Колумб очень жестко сообщил ей, что она была на волосок от уничтожения. Бода не слушала. Как она могла слушать? Все это ее слишком затягивало, особенно когда Койот сказал ей, что не раз видел Колумба в Реале. Никто из драйверов понятия не имел, кто такой Колумб, ни даже как он выглядит, и Боде ужасно хотелось что-нибудь о нем узнать. Койот только намекнул на более глубокие тайны, но сам факт, что он свободнее Боды, разжигал ее желание. Она встречалась с ним еще четыре раза, и во второй раз почувствовала, как мысли перетекают из ее сознания в его, как будто в ней жила Тень. «Господи-такси! Что со мной такое?» – так думала Бода рядом с плотью собакопарня. Это было уже слишком. Койот отвечал на ее тайный шепот, как будто они соединились сознаниями. И когда они встречались в последний раз, две ночи назад, она дала ему наводку на заказ в Лимбо. Икс-кебам запрещено ездить за пределы города.

Внутренняя карта обрывалась на границах городского массива, и знание исчезало там, за Приграничьем, так что ни один иксер не мог проехать дальше. Чтобы отпраздновать этот заказ, они поцеловались над столиком с двумя полупустыми чашками «елейного сока», и поцелуй был таким сочным, полным обещаний. В ту ночь Бода не могла заснуть от мыслей. Может, этот таксопес заберет ее куда-нибудь в прекрасное далеко.

Боде восемнадцать лет, у нее есть парочка бойфрендов, пока ничего особенного; она просто готовится к будущему счастью. Она зажигает «напалм» от прикуривателя. Надпись на пачке гласит: «КУРЕНИЕ ВЕЛИКОЛЕПНО ПОСЛЕ СЕКСА – ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛЮБОВНИЦА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

7:04.

Боде достается еще один заказ – легкие деньги, и на обратном пути в Манчестер она настраивается на пиратскую волну…

– Тяжелый скачок в хипповские ноздри, просто беспрецедентный. Гамбо Йо-Йо уже чихает. Мои цветы тянутся к ветру, чтобы отдать запах будущего… будущего взрыва носов. Хватайте аллергические респираторы Старого Гамбо, мои детки; отправляемся в суровую поездку сквозь облака пыльцы. Последний раз нам так жестоко дали по носу во времена Плодородия 10, когда летучие семена подарили нам содержание пыльцы 862 – самое высокое в истории Манчестера. Гамбо Йо-Йо считает, что у нас все шансы побить этот рекорд. Может, Джон Берликорн решил добавить огонька? И помните, не верьте властям: только у Гамбо правильное мнение. Содержание пыльцы 125 и растет…

Вот Бода ждет очередной работы. 7:29. Стоянка Сент-Энн, десяток машин в ряд, некоторые стоят минут по пятнадцать от следующей поездки. Она выходит из машины и идет к третьему в очереди.

Бода, ты идешь, длинная и летящая, словно ангел с крылами дыма. И выглядишь ты – волосы сострижены до самого корня, на черепе лазерная татуировка черно-белых скрученных улиц. Ходячий атлас блаженства – имя тебе, одетая в хабэ и фетр, кружева и поливинилхлорид. Вазбутовые кеды на ногах, и широкий кушак обвивается вокруг твоей талии. Вельветовый рюкзачок, изящно повисший на одном плече, вмещает весь твой мир: твою древнюю карту Манчестера, и твою вязаную шапочку, и твои деньги, и твою лицензию, и твои сигареты.

Третий в очереди – Роберман. Роберман – гладкий и лоснящийся робопес, от рождения Доберман Пинчер, но все ребята зовут его Робермaном, потому что он Роберман и есть. В

нем ни следа человека, он – смесь собачьего мяса и инфы, плотно упакованная в оболочку из мышц и пластика. Такую смесь геномеханики называют хардвером. Да, в нем нет ни капли человека, но иногда псы бывают человечнее, чем люди. Его наняли иксером ради его собачьего знания темных улиц. Большинство ребят на стоянке не заговаривают с Бодой, потому что ее считают слишком нелюдимой, слишком замкнутой, слишком перекрученной, чтобы с ней связываться. Роберман не такой. Он выдает длинную серию низких рычаний, ни одно из которых Бода не понимает, но слезы в глазах Робермана рассказывают все, что надо. Она кладет левую руку на дверь его кеба; это все, что нужно, чтобы подключиться к системе. Голос Робермана звучит из колонок, его резкий вой транслятор переводит на английский все ради удобства нервных пассажиров. Эта опция незаменима, если драйвер и пассажир принадлежат к разным расам.

– Слышала плохие новости, Бода? – объявляет войс-бокс.

– Только что вернулась. Что случилось?

– Они убили драйвера.

– Черт. Которого?

Забрать жизнь драйвера считается на улицах очень крутым поступком, потому что у них отличная защита. И потому что обладание икс-кебом – приз, за который не жалко и убить.

– Не одного из наших, – давится словами Роберман.

– Не иксера?

– Контрабандиста-пса.

– Пса-драйвера?

– Черно-белого.

– Койота?

– Сделал неудачную ездку к Александра-парк.

– Койот… о Господи…

Бода смотрит вверх и вниз по улице, ищет утешения. Ничего не находит. Ничего хорошего. Только ветер и дождь…

– Ты нормально, Бода? – спрашивает Роберман.

– Да… да, конечно… я… кто это сделал, Робер?

– Копы чуют хуй.

Что значит «копы не знают ни хуя», но она уже не слушает. Конечно, одна рука крепко держится за машину, но другая рука зачем-то трет лицо.

– Ты уверена, Бода нормально? – задает вопрос Роберман.

– Бода нормально, – отвечает она, заставив свой голос хоть как-то звучать. Но все, о чем она может думать, – это человекопес, водитель черного такси. Просто последний в своем роде. Просто красота его существования: ушла в никуда. Просто возможный

отличный любовник, каких у нее еще не было. И она даже не…

– Псы точно используют этот повод. Будут проблемы.

Роберман обращается к ней. Дождь падает волнами тупой боли. Бода, у тебя нет ответа. Только искрящаяся масса церкви Сент-Энн перед глазами и видение: Койот последний раз машет рукой, проезжая мимо в своем милом черном такси.

Роберман жестоко чихает, словно к его ноздрям подключился весь мир. Любовная песня такси гаснет в сердце Боды, и дождь падает на ее куртку Официального манчестерского клуба болельщиков виртбола. Койот пригласил ее на игру, подарил ей билет на полуфинал, через четыре дня.

Теперь она пропустит эту игру.

– Роберман, мы вывели Койота на этот заказ.

– Не говори мне об этом.

– Роберман, это наша вина. Он подобрал в Лимбо девочку по имени Персефона. Вез ее в Алекс-парк. Может, этот заказ стоил ему жизни.

– Прошу, Бода, я правда не хочу ничего знать. Роберман, произносящий эти слова, кажется, испуган.

Ровно в этот момент, в 7:34, король икс-кебов Колумб слушает кеб-волну. Он слышит, как драйвер Бода называет Роберману имя Персефоны.

КЕБ-БЛЯ!

Неожиданно Колумбу становится страшно. Один процент человека включается в игру, побеждая вирт-логику. Драйвер Бода, наверное, обсуждала с Койотом заказ. Бода знает о госте. Она знает, что Койот довез Персефону до Александра-парка. Что он может сделать в изменившейся ситуации? Ему надо вывести Боду за скобки уравнения.

Меньше чем за мгновение Колумб взвесил все варианты и сделал тайный звонок. Потом он вернулся на кеб-волну…

Колумб появляется на линии, вмешиваясь в поток между Бодой и Роберманом.

ДРАЙВЕР БОДА, НА ОДНО СЛОВО, – говорит он.

– Свич? – Бода едва видит вызов босса из-за слез.

ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ ЗАКАЗ.

– Свич, я чувствую…

ЗАКАЗ ПРИШЕЛ НА ТВОЕ ИМЯ. ДУМАЮ, У ТЕБЯ ЗАВЕЛСЯ ПОКЛОННИК, МИСТЕР ДЕВИЛЬ. ЗНАЕШЬ ТАКОГО?

– Нет, я…

ЗАБЕРЕШЬ ЕГО НА ГАЙД-РОУД, АРДВИК. ВЫСАДИШЬ НА ДАКИНФИЛД. БУДЬ ОСТОРОЖНЕЕ В АРДВИКЕ. ТАМ НЕ СЛИШКОМ ВЕСЕЛО В ЭТО ВРЕМЯ СУТОК.

– Не думаю, что смогу…

ТЫ ИКСЕР.

– Мне просто рассказали плохие новости, Свич. Голос Боды сух. Она пока еще не может осознать потерю.

ДОЛЖЕН ЛИ Я НАПОМНИТЬ ТЕБЕ О ПУНКТЕ 7.2 В ДРАЙВЕРСКОМ КОНТРАКТЕ, КОТОРЫЙ ГЛАСИТ, ЧТО ВСЕ ДРАЙВЕРЫ ДОЛЖНЫ…

– Я в курсе, что он гласит.

ЧТО С ТОБОЙ, БОАДИЦЕЯ? ТЫ СХОДИШЬ С УМА?

– Уже еду. Так лучше? Я уже почти на месте. Бода забирается обратно в Тошку и запускает двигатель; ее руки пляшут по панели управления.

РАД ВИДЕТЬ ТЕБЯ ОНЛАЙН, ДРАЙВЕР.

Колумб растворился. Голос Тошки прокручивается вверх, заменяя его. Поездка начинается.

КУДА ЕДЕМ, БОДА?

– Гайд-роуд.

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ?

– Пиздуй бля, давай!

Тошка уходит в тишину. Машина тоскливо едет.

Бода просто хочет ехать; она хочет уехать от всего мира…

Но добирается она только до Ардвика, где восходящее солнце бросает яркие отблески на мертвую землю вокруг скопления заброшенных заводов. В обозначенной точке посадки ее ждет мужчина. Кроме него, в пределах видимости никого нет, и он настолько худ, что Боде приходится посмотреть дважды, прежде чем она замечает его. Незнакомая фигура, она никогда раньше его не возила. Она останавливает Тошку и говорит через систему кеба:

– Девиль?

Мужчина кивает. Кажется, он нервничает, непонятно почему.

– Залезай.

Пассажир пристраивает свою костистую фигуру на заднее сиденье. Бода видит лежащий на приборной панели билет на виртбол, подарок Койота. Она заводит двигатель. Тошка откликается тяжело, выходит только медленное «чух-чух-чух».

– Тошка, что такое?

НЕ ЗНАЮ, БОДА. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ БОЛЬНЫМ.

– Чего?

ЧУВСТВУЮ, ЧТО ТЕРЯЮ СИЛЫ…

– Да ладно тебе.

Бода слышит, как скользит вниз пассажирское окно.

– Вот тут отлично, – говорит пассажир.

– Я не в настроении играть.

Бода поворачивается и видит, как открывается окно между

ней и пассажиром. Пассажир улыбается ей. Бода жмет оконную кнопку, но ничего не выходит. Окно уже раскрылось до конца. Бода снова поворачивается назад.

Пассажир держит пистолет на уровне ее головы. Велит ей остановить такси. Бода отказывается, поворачивается к приборной панели, вызывает Свича…

ЧТО ТАКОЕ?

– У меня на борту маньяк, Колумб.

ОХ, МИЛАЯ.

– Ты проверил этого парня?

ТЫ ЗНАЕШЬ ПРОЦЕДУРУ, ДРАЙВЕР. АКТИВИРУЙ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ. Бода нажимает на Тошкину шоковую кнопку, направляя в пассажирский отсек едкую жидкость. Ничего не происходит. Пассажир просто сидит себе, лыбится, пистолет в руке направлен точно и ровно.

– Что случилось, Тошка?

НИЧЕГО НЕ МОГУ ПОДЕЛАТЬ, БОДА, – говорит такси.

– Что?

КОЛУМБ СДЕРЖИВАЕТ МЕНЯ.

Голос Тошки растворяется во тьме. Пассажир давит пистолетом ей на шею.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает она, пытаясь контролировать свой голос.

– Молчать!

– Колумб, что тут происходит?

Колумб не отвечает. Первый раз в жизни Колумб не отвечает. Глаза Боды застывают на билете на виртбол, словно тот спасет от неприятностей. Она касается его. Кажется, что она касается Койота.

Бода хватает билет, и…

И пассажир нажимает на спусковой крючок. Голова Боды чуть-чуть уходит вбок из-за ее рывка к билету. Пуля прокладывает путь у нее над ухом, по татуированной карте. Продолжая путешествие, она влетает в ветровое стекло. Стекло покрывается паутинкой трещин. Аварийные действия. Тошка внезапно срывается в движение. Ускорением пассажира и Боду отбрасывает назад. Тошка бросается вперед, делая жестокий U-образный разворот. Голова пассажира встречается с окном, пистолет падает из рук.

– Тошка? Что случилось?

СВАЛИВАЕМ ОТСЮДА! ДЕРЖИСЬ, – отвечает кеб.

Пассажирское стекло поднимается, и кеб ускоряется по Гайд-роуд, налево к Брунсвику. Пассажира отбрасывает назад, теперь он заперт в пространстве машины. Бода возвращает руки на руль.

На связи появляется Колумб. Он кричит:

БОАДИЦЕЯ, ЧТО ТЫ ТВОРИШЬ?

– А какого хуя ты творишь?

ВЫШЛО КАКОЕ-ТО НЕДОРАЗУМЕНИЕ.

– Это точно.

ДРАЙВЕР БОДА. ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕСЬ.

– У меня новый заказ, Колумб.

ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ. ЗАКАЗ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН. ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕСЬ.

– Я сажаю пассажира.

ВЫЗОВ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН. ОБЪЯСНИТЕСЬ.

– Пошел в пизду.

ЗАКАЗА НЕТ, БОДА. ТЫ МЕНЯ ВОСПРИНИМАЕШЬ?

Выбора нет.

Выбора нет ни для драйвера, ни для карты.

Пассажира по имени Девиль мотает по закрытому отсеку, и быстрый правый поворот на Аппер Брук-стрит снова посылает его в полет. Машина опасно разгоняется по улице, и Тошка выводит на визор:

БОДА, ОТПУСТИ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА. ПЕРЕСТАНЬ КОПАТЬСЯ ПОД ПАНЕЛЬЮ. УБЕРИ РУКИ ОТ ШЕСТНАДЦАТИ ШТЕКЕРОВ ПОД ПАНЕЛЬЮ.

– Что?

ПОД МОЕЙ ПАНЕЛЬЮ ШЕСТНАДЦАТЬ ШТЕКЕРОВ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВЫКЛЮЧАЙ ИХ.

– Я ничего не трогаю.

Глазами она снова впилась в дорогу, но через каждые две секунды отрывается посмотреть, как там дела у пассажира. Он выглядит как умирающая рыба под стеклом.

ЛУЧШЕ НЕ ВЫКЛЮЧАЙ ЭТИ ШТЕКЕРЫ, БОДА, ПОТОМУ ЧТО ЧЕРЕЗ НИХ К ТЕБЕ КОННЕКТИТСЯ СВИЧ. ТЫ ЖЕ НЕ ХОЧЕШЬ ОСТАТЬСЯ БЕЗ КОЛУМБА?

– А что будет с тобой?

НЕ ПЕРЕЖИВАЙ ЗА МЕНЯ.

Колумб появляется онлайн, в системе пылают его слова:

ТЫ ЧТО, ОПОЛОУМЕЛ, ИКС-КЕБ ФАЭТОН? ПО СВАЛКЕ СКУЧАЕШЬ?

ДЕЛАЮ, ЧТО МОГУ, КОЛУМБ. ВСЕ, НА ЧТО Я ТОЛЬКО СПОСОБЕН.

Бода улыбается.

– Я в деле, Тошка.

Она тянется вниз, под панель, где к машине подключены системные провода. Отсоединяет первый. Тошка кричит, и Бода отдергивает руки от панели, ХОРОШИЙ ДРАЙВЕР, – говорит

Колумб. – ДАВАЙ НЕ БУДЕМ ДУРИТЬ.

Но его голос дрожит, Бода это чувствует. Она снова тянется под панель за вторым штекером, настраиваясь на гонку на ручном управлении. Фаэтон зовет ее на убывающих волнах, его голос все темнее и темнее, буквы исчезают с ее такси-визора.

НЕ ВОЛНУЙСЯ ЗА МЕНЯ… БОДА… ТЫ ЖЕ НЕ БУДЕШЬ… БОДА… НЕ… НЕ ВОЛНУЙСЯ… НЕ…

Не обращая внимания на тающий голос, хотя он ее просто убивает, она отключает девятый разъем. Тут на сцене снова появляется Колумб.

ЛАДНО, БОДА. ДАВАЙ РАЗМЫШЛЯТЬ СПОКОЙНО. ЭТОТ ФАЭТОН ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.

– Поживем – увидим. Тринадцатый штекер.

ТЫ НЕ ОСТАВЛЯЕШЬ МНЕ ВЫБОРА.

– Да ну? Четырнадцатый штекер.

БОАДИЦЕЯ ДЖОНС, ОТНЫНЕ ТЫ УДАЛЕНА ИЗ СПИСКОВ ОСОБО ДОВЕРЕННОГО ПЕРСОНАЛА ТРАНСПОРТНОЙ КОМПАНИИ. ВСЕ НЕВЫПЛАЧЕННОЕ ЖАЛОВАНЬЕ НЕМЕДЛЕННО БУДЕТ ПЕРЕЧИСЛЕНО В ТВОЮ СИСТЕМУ.

Бода видит на своем счетчике грустно светящиеся голубым 227.60.

Пятнадцатый штекер…

ПРОЩАЙ, ДРАЙВЕР БОДА. ПРИЯТНО БЫЛО С ТОБОЙ РАБОТАТЬ.

Прощальные слова Колумба повторяет эхом слабеющий голос Тошки…

ПРОЩАЙ… БОДА… ПРИЯТНО БЫЛО… РАБОТАТЬ… МОЖЕТ, ПОСЛЕДНИЙ ШОК ПЕРЕД ТЕМ, КАК Я ИСЧЕЗНУ?

Бода включает шокер в пассажирском отсеке. Оглушающее напряжение. Машина вспыхивает. Когда в пассажира вонзается молния, он вскрикивает, а потом падает, гаснет…

ПРИЯТНО БЫЛО РАБОТАТЬ С ТОБОЙ… РАБОТАТЬ С ТОБОЙ… ПРИЯТНО…

Фаэтон скользит и останавливается. Треснувшее лобовое стекло ослеплено дождем! Сверху на бетонных колоннах тянется Манкуниан-вей. Машины разгоняются. Бода вытягивает шестнадцатый и последний штекер.

Бода – хозяйка машины. Одна-единственная.

Время 7:42, и с манчестерской картой что-то творится. Все дороги в икс-кеб-системе скрутились в тугие петли, привычные переходы разорваны, всюду новые формы. В системе находилось две тысячи машин, связанных друг с другом. Теперь там осталось тысяча девятьсот девяносто девять разорванных связей. Такую мутацию вызвало исчезновение из Улья одной-единственной

машины, потому что часть – это целое. Система целостной структуры. Иксеры по всему городу думали, что приехали по нужному адресу, но на них градом сыпались жалобы и отказы платить, потому что такси оказывалось в неправильном месте. Колумб чуть не тронулся от растерянности: он не знал, что делать дальше. Он заболел. Словно в его теле поселился вирус. Эта тварь Бода вышла из Улья. Еще никто так не делал. Колумб уже в убытках, за несколько минут девяносто семь входящих жалоб. На икс-кебы никогда не жалуются! Господи-такси! Колумб оказался перегружен, он чувствовал, что сам виноват во всех проблемах. Если бы он не попытался избавиться от Боды! Если бы не позволил своему одному проценту человека принимать решения! Невзирая на опасения, он выводит онлайн видимость своей прежней сущности. У него есть сохраненная карта, слава Берликорну, но доступ к ней – вопрос времени, которого нет. Он уже начал процесс, одновременно лично отвечая на все жалобы. На загрузку новой карты ушло даже меньше пятнадцати минут. Это была старая копия, наследие первых иксерских лет, и в ней полно пробелов и ошибок. Ничего, пока потянет.

Когда старая карта установлена и запущена, он вызывает все такси и говорит им, что можно снова развозить пассажиров, а потом объявляет, что сегодня будет день нулевой таксы; каждый может бесплатно проехать куда пожелает. Никаких платежей делать не надо. Возмещение ущерба по инструкции Свича. И когда все это сделано, он вызывает свободные такси и отправляет их искать беглого драйвера. Колумб не слишком переживает из-за Боды, но машину он хочет вернуть. Кеб по имени Фаэтон – часть системы, жизненно важный орган тела икс-кеба. Новая карта, которую он планирует, будет бесполезна, пока он не обретет целостность.

БЛЯ! ПОЧЕМУ Я ДАЛ ЭТОЙ СУКЕ…

Колумб ненавидит злость, она слишком отдает человеческим поведением. Еще ничего не кончено. У него всего шесть дней до того, как из Вирта придет новая карта. Персефона – скороцвет. Шесть дней, за которые надо найти потерянную машину и заткнуть рот Боде.

Раз и навсегда.

ЧЕРТОВ ИМБЕЦИЛ-УБИЙЦА! ГОСПОДИ-ТАКСИ! ОН ДОЛЖЕН БЫЛ УБИТЬ ЕЕ, А НЕ ОТКРЫТЬ ЕЙ ДОРОГУ ИЗ КАРТЫ!

На этом проблемы не кончаются: теперь, когда Фаэтон вышел из икс-кеб-системы, он стал просто еще одной машиной на дороге. Свич может отследить машину в городе, но не может говорить с ней. Не может управлять ею. Фаэтон стал свободным радикалом. Мавериком. Естественно, местонахождение машины

известно: пересечение Аппер Брук-стрит и Манкуниан-вей. Колумб послал туда четыре машины. И у него еще есть адрес Боды в базе: Дадли-роуд, Уоллей Рендж. Туда он шлет еще две машины – держать это место. Еще три машины – к Александра-парк, на случай если Бода решит посетить последнюю точку прибытия черного таксиста.

Все точки накрыты, Боду загоняют, но в глубине своих перекрестков Колумб чувствует, как потеря разъедает его дорожную душу.

Бода вытаскивает бесчувственное тело пассажира из отсека, потом снова забирается в Тошку. Она колдует над управлением, и в конце концов машина трогается. Дорога отстойная, машина под ее пальцами мотается, как голова больного. Только проехав пятьдесят метров, Бода понимает, что не знает, где находится.

Словно бродяга только что приехал в новый город – внутренняя карта Боды мертва и похоронена. Первый раз за девять лет она заблудилась. Потерявшаяся девочка. И от этого ощущения дрожат руки на баранке. Она поворачивает машину на боковую улицу и останавливается. Она пытается понять, что это значит, но в ее мозгу нет знания. Нет вариантов. Карта на голове болит там, где ее процарапала пуля, и она трет раненые улицы. На пальцах кровь. Слабый свет на лобовом стекле и дрожащие слова:

ОПЯТЬ ПРИВЕТ, БОДА. ХА-ХА-ХА.

– Тошка! Это ты?!

ТЫ ОТ МЕНЯ ТАК ПРОСТО НЕ ОТДЕЛАЕШЬСЯ. ПОЕХАЛИ, ДЕТКА, По ее лицу пробегает улыбка; без ее кеба иксеры в Улье тоже потеряют ориентацию. Наверняка Колумб раздобудет резервную копию, но пока Бода может спокойно путешествовать. Может, у нее есть всего несколько минут, но больше ей и не надо. Забыв о боли, Бода тянется за своим рюкзаком и достает оттуда потертый, древний атлас Манчестера. Находит в содержании Клоук-стрит, определяет свое местоположение, а потом просматривает первые страницы с общей картой Манчестера. Ее глаза останавливаются на месте под названием Уоллей Рендж. Рождается связь. Ее дом. Ее маленькая комнатка с плакатами Кида Блисса и разбитыми бутылками из-под «бумера». Через пятнадцать секунд она разворачивает кеб и едет назад, по Манкуниан-вей к Уоллей Рендж. Она не знает пути даже от А до Б, не говоря уже об от А до Я, но с картой, положенной на панель, она наверняка найдет нужную дорогу. У нее в голове звучит голос Тошки, как он умудрился это сделать?

У НАС ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ, БОДА.

– Надеюсь.

– СПОКОЙНО, СПОКОЙНО.

Тошка едет сам, вперед по улице, вираж за виражом.

В воздухе что-то, что Бода никак не может опознать, присутствие чего-то тяжкого смешивается с ее болью. Хорлтон-роуд, в пределах видимости гонятся за ней четыре икс-кеба. Руки по-прежнему лежат на руле, но в носу начинает свербеть, на глаза наворачиваются слезы. Запах цветов идет войной на ее ноздри. Она хочет чихнуть. Это словно заряд пороха, забитый в нос…

Вот сейчас… Но ощущение спадает, и Бода остается опустошенная, полная неутоленных желаний и размышлений о том, что скажет следующий знак.

Она делает головоломный поворот на Стретфорд-роуд. Первый икс-кеб пролетает перекресток, но остальные три легко проходят кривую. Со Стретфорда она уходит на Генриетту. Дорога к Сент-Джону – сзади троица икс-кебов: отец, сын и святой дух ее прошлой жизни. Взгляд Боды мечется туда-сюда: с дороги в зеркало, с зеркала в атлас. Первый икс-кеб толкает ее в задний бампер, когда они едут по Рассел-роуд, а потом сразу на Дадли, где она живет. Запах цветов льется из местного сада.

Бода еще раз пытается чихнуть. Сейчас… Сейчас…

Цветы на дожде.

Она хочет…

Чихай!

Чихай!!!

«Давай же, сволочь! Фигачь! Давай!»

Ничего. Не получается. Совсем погано, никак не чихается.

«Это нечестно».

Бода чувствует себя как неразорвавшаяся бомба.

Она едет по кривой Дадли-роуд, пока на горизонте не показывается ее дом. Два икс-кеба припаркованы перед ее садом. Бода вдавливает ногу в пол кеба. Тошка проносится между двумя машинами, сдирая желтую и черную краску с их боков. Она смотрит в зеркало, как два кеба пытаются сделать U-образный поворот и устраивают кучу малу, врезавшись в предыдущих преследователей. Две машины влетают друг в друга. Бода сворачивает налево – на Колледж-роуд. Направо – на Уитингтон. Жмет кнопку «смертельного ускорения», смотрит в зеркало. Двое еще преследуют ее. Направо на Уилбрехэм-роуд. Это быстрый маршрут, Уилбрехэм; Бода оставляет огненные следы, пытаясь удрать от погони. Если честно, она понятия не имеет, где находится и куда дальше ехать. Девочка просто ведет машину. Еще один икс-кеб вылетает с Уилмслоу-роуд и несется ей в лоб. Колумб по всей системе отслеживает ее маршрут. Как можно скрыться от его пристального ока? Бода на волосок поправляет

руль. Машина отзывается и срывает икс-кебу крыло. И икс-кеб сминается от удара. Она видит, как остальные машины теряются, пока карта Улья приспосабливается к потере. Вот она поворачивает на Кингсвей, где бы он ни был (ее атлас упал с панели во время поворота). Бода Джонс потерялась в деревне под названием Бернэйдж, два икс-кеба все еще отчаянно пытаются догнать ее. Она поворачивает на боковую улочку под названием Кингсвей-кресент, останавливает кеб, активизирует колесные лезвия.

В зеркале заднего вида пляшут икс-кебы. Задним ходом она влетает в передок первого икс-кеба. Милый сердцу скрежет стали по стали, когда она толкает преследователя назад, сцепившись бамперами, – и вот она может снова повернуть на Кингсвей. Бода двумя колесами въезжает на тротуар, сбривает краску с припаркованной машины, одновременно делая два длинных разреза в шинах икс-кеба. С первым покончено, а второй кеб теряет запал. В машине Боды включается радио. Теперь она едет спокойно. Вниз по Кингсвей. Бездомная. Не имеющая представления, где теперь ее дом.

Шрам на голове пересекает вытатуированную Кингсвей, и дорога, по которой она едет, тоже ранена: куча разбитых машин и горящих домов. Ее разум наконец-то сосредотачивается на предательстве Колумба. «Чего хочет этот пиздюк? Босс пытался убить ее! Что случилось с миром?»

– Спасибо, Ванита, за последние новости. Твой сладкий голос может превратить в песню даже историю смерти. Ну как, плохие новости о такси-псе? Койот погиб, люди. Гамбо не раз и не два ездил на этом прелестном черном такси, когда Волшебный Автобус не работал. Зовите меня старомодным, но один хиппи всегда имел пунктик на тему ярой индивидуальности бунтарей и аутсайдеров. Для меня Койот был героем.

– И для меня, – говорит Бода.

– Езда с ним была гораздо больше похожа на путешествие, чем с этими сверхчистыми и эффективными икс-кебами. У которых, к слову говоря, сегодня маленькие проблемы с большой метакартой.

– Надо думать, Гамбо.

– Я залезу в их карту попозже, чтобы посмотреть, что у них там не так. Ну что, какие сегодня секретные коп-новости? Никаких результатов, как обычно. Да, еще одно замечательное создание приняло бесславную смерть от руки очередного собаконенавистника, а что делают копы? Совершенно ничего. Когда убивают пса, полиция закрывает глаза. Йо-Йо! Койот был отличным экземпляром, и его убийство поднимет высокие волны

в собачьем королевстве. Тем временем вернемся в сады: содержание пыльцы мощно скакнуло. 195 и растет. Следующая запись памяти Койота. Пускай он найдет большую кость на собачьих небесах. «День из жизни», «Битлз». Я читаю волну – драйвер-пес был убит в своем черном-пречерном такси. Джон Леннон, как всегда, полностью в теме. Держите, ребята…

Потом звук – «битлы» творят музыку из смерти, а Бода слушает со слезами на глазах и скользит по Кингсвей. В ее сознании снова появляется Тошка:

ПОБЕРЕГИ СЛЕЗЫ, СОЛНЫШКО, – говорит он ей. – НАДО ПРЯТАТЬСЯ.

– Где, например?

Кровь из раны течет с Кингсвей на юг, вниз по шее, в темные зоны ее одежды.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНО БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО, ДРАЙВЕР.

Вторник, 2 мая

Первое движение сканирующего ножа проделало глубокий разрез на левой щеке от уголка губ к мускулам шеи. За ним последовал другой разрез, такой же, но с другой стороны, справа. Звали полицейского доктора робо-Шкурник, и его работа вполне соответствовала имени. Я смотрела, как он срезает одинаковые лоскутки кожи, пока он не зарылся глубоко во внутренности горла жертвы. На экране появилась болезненно яркая абстракция – мышцы гортани и сломанные стебли обосновавшихся там цветов. Стебли плотно забили всю глотку. Шкурник сделал третий разрез, поперек горла слева направо, потом еще один ниже, отыскивая начало. Корень отростков-щупалец находился глубоко внутри.

Шкурник вскрыл черно-белую грудную клетку Койота видеопушкой. Сломал несколько ребер, вытащил наружу, погрузил в тело оба объектива, приласкал стебли – провел по ним телекамерами на пальцах – и отправился дальше, в темноту внутренностей по карте из плоти и крови. Я следила за процессом по мониторам в комнате наблюдения, одновременно проигрывая в памяти последние слова Койота…

«позволь мне спать… спать и расти».

Несколько разрезов глубже, еще глубже – и Шкурник добрался до корней. Они вросли в стенки легких плотным клубком, как растительная раковая опухоль.

«…Господи! Языков такой длины просто не бывает!»

Зеро Клегг, песокоп, то и дело вставал, пританцовывал на лапах, натыкаясь на вещественные доказательства. Таким я его еще не видела. Обычно он наблюдал за вскрытием, как собака за прилавком мясника.

– Пес-Христос! – прорычал он. – Ты посмотри на эти корни, Джонс! – Потом он усмехнулся, как будто уже почувствовал запах смерти, но не собирался ему поддаваться.

– Есть что-нибудь по цветам? – спросила я.

Клегг опускает забрало респиратора, жестоко чихает напоследок и, кривясь, вдыхает фильтрованный воздух.

«…цветы танцуют… танцуют…»

Запах смерти, запах цветов – тесная связь.

– Сивилла, у нас ботаники уже работают сверхурочно. – Снова мое настоящее имя, признак того, что Клегг выбит из колеи, еще не пришел в себя от наблюдений за копаниями Шкурника.

– И?

– Слушай.

Зеро включает запись. Из колонок льется бодрый голос…

«Отчет по образцу 267/54, Джей Лигаль, кафедра ботаники Манчестерского университета. Второе мая, 8:04. Первое, базовые сведения: подвид Amaranthus Caudatus. Лепестки ярко-красные, расположение спиральное, собраны в длинные кисточки. Стебель длиной пятьдесят сантиметров. Реакция цветка на тесты адекватная. Второе, дополнительные сведения, строение соцветия. Тычинки тройные. На поверхности пыльников – комочки пыльцы. Очень яркий желтый цвет. Семьдесят пять микрон. Слишком велики для данного вида. Норма – двадцать-сорок. Пылинки слипаются в группы по шесть. Похоже, они движутся. Третье: частицы пыльцы реагируют на электрические импульсы. Избегают боли и опасности. Обнаружены соединения углерода. Какие-то признаки животной жизни? Неизвестная разновидность. Примечание: может, это розыгрыш? Никогда такого не видел. Запросить результаты исследований образца, отправленного Киркпатрик, профессору цитологии университета Глазго. Черт! Пыльца исчезла со стеклышка. Где она? Черт! Она танцует. Примечание: перестать чихать невозможно. Очень жизнеспособное растение. Никогда подобного… Черт! Если мне не показалось, то пыльца движется ко мне. Господи, почему мне всегда достается такая дерьмовая работа?»

Запись завершается оглушительным чиханием.

Появился Шкурник; его камеры залиты слезами и кровью, в металлическом горле отдается чихание. Даже робо страдают. Что же это за аллергия? И почему у меня ее нет? Обычно весна для меня превращается в кошмар. Но теперь все псы и робо вынуждены страдать, а вот у женщины-тени полный иммунитет. Какая-то странная аллергия. А еще я почему-то не могла перестать думать о Боде, девушке, затерявшейся в предсмертных видениях пса, таксиста с грязных улиц. «Подумай обо мне, Бода… спой ту песню еще разок». Почему эта последняя фраза с такой силой притягивает меня?

– Его убили не зомби, Клегг, – сказала я.

– Ты что, вступила в Общество защиты прав зомби? – Зеро заставил себя унять нервозность.

– Нужно дать знать Крекеру. Потому что тут не зомби, а хрен знает что, – продолжила я.

– Мы должны обставить все именно так.

– Так будет слишком просто, Зеро. Я думаю, нужно поискать улики, связанные с этой Бодой.

– Ты думаешь?

– Зомби не забивают жертве горло цветами.

– Крекер сказал закрывать дело, пока не начался новый собачий бунт.

– Говорю же, нужно продолжать расследование. В городе говорят, что Бода – девушка Койота. Знаешь, что чаще всего убийства совершают любовники?

– Это доказанный факт?

– Зеро, у тебя когда-нибудь была девушка?

– Крекер разрешил выдать тело.

– Что?

– Завтра похороны.

– Клегг, не рановато ли?

– Крекер хочет успокоить псов. А что мне делать, Сивилла? Пойти против босса?

– Слушайся хозяина. Гав-гав!

Клегг выдал свой лучший оскал, но в его колючей Тени ощущалась обида. Напряжение и страх.

Наверное, уже тогда мне стало ясно, что расследованием буду заниматься я одна.

Койот проживал в маленькой квартирке, прилепившейся над рыбно-продуктовым магазином на Ледибарн-лейн, в Фэлоуфилде. Магазин назывался «Бинго Рекс», и пока мы пробирались ко входу, вокруг рычала толпа недовольных парней-псов, а Зеро профессионально огрызался в ответ. Бинго оказался жирным, вазоватым женатым псом; он провел нас через сырость комнаты, где одетая в лохмотья весьма человекоподобная жена улыбалась разбитыми губами, погружая кусочки рыбы в емкость с некачественным тестом. Лестница из комнаты вела в темноту с застарелым запахом псины. Зеро зажимал нос, как будто не хотел признавать, что этот запах принадлежит таким же собакам, как он.

– Все нормально, Зеро? – спросила я.

– Конечно, Дымка, – ответил он. – Пошли.

Было почти полтретьего. Сегодняшние газеты и перья уже набросились на происшествие. «Пес-герой убит цветами?», «Убийство на цветочной поляне», «Лепестки смерти».

Заголовки. Хуже всего, что Гамбо Йо-Йо решил им тоже помочь и сейчас издевался над копами, свободно подключаясь к информационной волне. «Цветы Зла» – такое название выбрал Гамбо.

И вот мы – недовольный коп и его Тень – ищем какую-нибудь зацепку. Я не могла не жалеть Зеро, который разрывался между обязанностью делать свое дело и преданностью своему хозяину, Якобу Крекеру. Зеро убеждал меня, что идет просто за компанию, и я, хоть и не верила, все равно была ему благодарна.

Открывается исцарапанная когтями дверь, и вид из нее – сама аккуратность. Недавно вычищенный ковер. Односпальная кровать со свежим бельем. Полка с книгами. Коллекция моделей «Эйрваз» (обыгрывается название авиамоделей Airfix) – все аккуратно собраны и подвешены на проволочках к потолку – и огромная ламинированная карта, приколотая к стене.

– Эти комнаты убитых… – сказал Зеро.

– Что с ними? – спросила я.

– Всегда такие пустые, – он выдвигал ящики из буфета. – Ага! – объявил он. – Порнография!

В лапах у Зеро очутилось розовое перо. Он положил его в рот и на долю секунды закрыл глаза. Потом вытащил перо и сказал:

– Хорошее. Человеческое. Никаких сук в течке. У него был хороший вкус.

– Знаешь, Зеро…

– Что?

– Иногда я тебя не понимаю.

– Иногда…

Зеро Клегг посмотрел на меня, как будто хотел сказать: «Иногда я сам себя не понимаю. Так что заткнись на хуй».

В его Тени ощущалась такая горечь, что я решила заняться делом, ради которого мы пришли.

– Давай искать, – сказала я.

Мы вдвоем осматриваем личные вещи псодрайвера в надежде найти след, но тут только разное барахло, оставленное прокатившимся по одинокой жизни пассажиром: крошки печенья, танцующие под потолком самолетики и густой холодный чай в фарфоровой чашке. Раскрытые на середине дешевые детективы на полу у кровати. Программы манчестерского виртбола аккуратно разложены по папкам. На комоде лежит дневник официального члена клуба. Я открыла его, перелистнула последние страницы, увидела имя «Бода» и сразу захлопнула. Опустила дневник в карман, чтобы Зеро не увидел.

– Нашла что-нибудь? – спросил Зеро.

– Нет еще, – соврала я неизвестно почему. Дальше Зеро продолжал поиски улик на зомби-пассажира, потому что ими можно было бы успокоить городских псов, как считал Крекер. Копы все надеялись найти зомби и по-быстрому закрыть дело. Но зомби – не прирожденные убийцы, они лишь отчаянно пытаются выжить. Мир в то время непрерывно балансировал на острие ножа между разными видами. Через окошко над кроватью Койота до меня доносился лай собаколюдей: рычащие голоса, полные ненависти и страха.

– Господи, как я это ненавижу, – сказал Зеро, – эти копания в

вещах убитого. Такую тоску наводит! – Он поднял вверх прозрачную пластиковую капсулу.

– Что это? – спросила я.

– Наноблохи.

– Что?

– Робоблохи. Продаются в магазинах для домашних животных. Симбиоз, Дымка. Взаимовыгодное сотрудничество. Не дают собачкам запаршиветь.

Меня передернуло до самых глубин Тени: до чего дошли собаколюди! Зеро уже отворачивал крышку, и я ни с того ни с сего испугалась. «Не выпускай этих чудовищ из банки!» Ну что тут с собой поделать?

– Посмотри-ка сюда, Клегг, – сказала я, чтобы отвлечь его. Я изучала большую карту на стене. – Видишь, что тут такое?

– По-моему, какой-то бред. А что скажешь?

– По-моему, места, куда он ездил.

Карта утыкана булавками и исписана фломастером. Это была карта Манчестера с прилегающими областями. Лимбо изображен в виде клубка змей, извивающихся на грязных дорогах.

– Видишь вот здесь? – сказала я, и Зеро подошел ближе. – Здесь Койот забрал пассажира.

Я показала на булавку, одиноко торчащую из карты в Лимбо, за Литтлборо, на северо-востоке от города, где карта плохо прорисована из-за неизвестных районов. Блэкстоун-эдж. Прямо под булавкой собачьим почерком написана дата – первое мая, вчера, и время – четыре утра. Ниже номер телепера.

– Думаю, надо позвонить по этому номеру, Клегг, – сказала я. ЩЧ.

Клегг глубоко вдохнул и чихнул, уронив баночку с наноблохами.

– Вот черт! Ну вот, это все из-за тебя. – Он тут же начал чесаться.

– Я не говорю, что его убила обязательно Бода, – сказала я. – Но она могла. Мы с тобой должны делать свою работу или нет?

– Думаешь, мы делаем свою работу? – чесался Зеро от блошиных укусов.

– Можешь достать у Колумба для меня фотографию Боды? Если не она убила Койота, она может знать, кто это сделал. Стоит хотя бы попробовать.

– Крекер сказал – нет. Крекер сказал закрывать дело. Всё.

Я не могла понять, почему Крекер и Зеро Клегг так возражают против поисков Боды. Это же основное направление расследования. Может быть, что-то происходит, какие-нибудь закулисные интриги? Или я просто неправильно читаю тени? Все

равно, я точно не хотела, чтобы тот дневник попался на глаза Клеггу.

– Крекер – хозяин, – продолжал Зеро. – Он босс. И в его списке дел есть вещи поважнее. Иксеры снова жалуются на Гамбо Йо-Йо, потому что он продолжает ломать карту. Крекер хочет, чтобы я его выследил.

– Зеро, почему меня должен интересовать какой-то старый хиппи?

– Потому что так получилось, что он нарушает закон.

– У меня сильные предчувствия в связи с этим делом, Зеро.

– Оставь их при себе и хватит называть меня Зеро. – Он никак не мог перестать чесаться из-за прыгавших по нему наноблох.

– Дай мне одну попытку, пожалуйста. Давай найдем, чей это номер. Поможешь мне?

– Я же пришел с тобой сюда, так ведь? Черт. Хорошо остальным, им ты никогда не нравилась. А то бы им пришлось потратить на тебя чертову уйму времени.

Я ничего не ответила.

Позже в тот же день Зеро поехал со мной на север, на мертвые равнины. На улицах Манчестера через асфальт и гудрон пробивались цветы, и, пока мы ехали, следом за нами бежали стаи собак. Повсюду виднелись признаки пыльцы. Зеро чихал и чесался, пропихивая между челюстей голубое телеперо. Он попробовал номер, который был написан на карте Койота, и сказал, что там слышен только шум статики. Потом чихнул еще раз и облаял аллергию. Из-за этой поездки было много споров, особенно когда я попросила три патрульные машины: по одной сзади и впереди. И тяжелое вооружение. И в том, и в другом мне отказали. Зеро был полностью согласен, говорил, что никакой ублюдочный зомби не захочет с ним связываться. Но я заметила в его глазах страх – особенно когда мы проезжали через территории мутантов в Северном Манчестере.

– Пес-Христос! – говорил он мне. – Что с миром творится? Никого на себя похожего не осталось. Мать их, посмотри только! Дымка, видишь вон ту тварь? Что это за херня такая? Мутанты ебучие! – Последнее он проорал из окна.

– Знаешь что, Зеро? – сказала я. – А ведь говорят, что в некоторых из них есть и собачья кровь.

– Нуу… Дешевый наезд, Дымка. Пес-Христос! Это только доказывает, какие уроды эти зомби.

Потом мы подъехали к северным воротам – на выезд, внутрь гигантской скорлупы, где летели искры с шок-дубинок и с огромных грузовиков счищали прицепившихся зомби. Мы втиснули машину в очередь за вазовозом. «Пылающая комета»

могла бы целиком поместиться в тени от задних колес – сейчас городская стража светила лазерами под прицепом в поисках контрабанды. Сквозь проволочную сетку мне было видно въезд, где трейлеры поливали жидкостью от зомби.

Грузовик перед нами проехал вперед, и, когда Зеро передавал стражу свой полицейский код, со стороны въезда донеслось рычание, а потом что-то шлепнулось о забор.

Зомби-заяц, смытый с одной из машин на входе.

Колотит по сетке руками и ногами.

Зеро закричал на тупо стоявшего таможенника:

– Пес-Христос! Ну уберите его куда-нибудь! Прилетевший зомби просунул скользкие руки в ячейки сетки и почти скреб когтями по нашей машине. Шипящий жир брызгал на лобовое стекло. Зеро вытащил пистолет:

– Прикончу урода.

Опустил стекло. Я велела ему успокоиться, но когда пес в Зеро брал верх, его было не остановить. Стражи добрались до зомби первыми и затыкали его шок-дубинками. От жуткого воя попятился даже Зеро, а в воздух поднялся запах горелой полумертвой плоти. Зомби прожарился насквозь. Тогда я подумала о своем любимом незаконнорожденном Сапфире, который лежит совсем один в своей спальне там, в квартире. Как же мне его защитить?

Мы проехали через КПП, свернули с главной дороги и понеслись по грязной колее, мимо разбитых машин и обгорелых вагонов, торчавших на пустоши, от которой целые мили до ближайшей железной дороги.

Лимбозона.

Мы обнаружили большой засохший дуб с переплетенными ветвями, скрючившийся от ветра. За ним в колыхавшееся небо поднимался последний телеграфный столб.

Точный ориентир. Блэкстоун Эдж.

Кругом были только пожухлая трава и сухой ветер. Зеро бешено чихал, осматривая пустоши в поисках зомби, и рука, которую он держал у кобуры, каждый раз дергалась.

– Ты в курсе, что тут есть дыры, да? – сказал он. – Дыры в Вирт.

Я пошла дальше по пустоши. С одной из чашек телеграфного столба свисал длинный провод: бугристые корни росли из его конца и всасывались в мокрую землю.

На юг от города, как раз на краю карты, где пустоши Лимбо еще не взяли свое, под нависшей скалой стоит икс-кеб. Здесь безопасно, не будет разборок с копами. Дорога растворяется в пустоте сразу за Элдерли Эдж. Драйвер отъехал как раз

настолько, чтобы отвязаться от Колумба.

Путь до этой скалы прошел в одиночестве благодаря атласу. Бода заплатила внушительную сумму угрюмому пограничному жителю, чтобы узнать расположение тайной дороги. Прошлую ночь она провела в машине, слушая шорох листьев по стеклу и стоны зомби на пустырях. Она включила все защитные системы, и Тошка обещал ей, что глаз не сомкнет, но все равно ее сон прерывало урчание грохотавших мимо вазовозов, а по раненой дороге гуляла боль. И еще больнее становилось, когда приходили мысли о Койоте. Ее не покидало ощущение, что это она его убила, что она виновна. В темноте ее мозг часами прокручивал варианты. Если бы только Роберман не рассказал ей про заказчика из Лимбо. Если бы только она не сказала о нем Койоту. Если бы он не позвонил по тому номеру. Если бы только она любила его сильнее или полюбила раньше. Если бы только, если бы только… В ее жизни слишком много «если бы». А что собирается делать Колумб? Что она сделала такое, что вызвало его гнев? Тут Бода полезла в сумку и достала записную книжку. В ней нацарапан номер, по которому звонил Койот. Номер в Лимбо. Может, позвонить по этому номеру? И там выяснить что-нибудь об убийце псодрайвера. Она хочет найти убийцу? Да, потому что тогда она сможет простить себе, что дала Койоту номер. Но как ей добраться до телефона, снова не подключаясь к карте? В конце концов, она провалилась в сон, а потом проснулась с тем же самым вопросом. Она уже много часов сидит в кебе, голодная и расстроенная. Сегодня второй день ее новой жизни: темнеет, наступает время зомби – и девушка боится.

Где-то в глубине Лимбозоны над горизонтом вспыхивают огни. Она не хочет думать, что там. Она слышала столько разных историй. Здесь Бода в безопасности, сейчас, когда с одной стороны власть, а с другой – хаос, пока она в состоянии защищаться от зомби. Но нужно что-то менять. По дороге проносится еще один вазовоз. Тошку трясет из-за вибрации.

МНЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЭТО ТЕРПЕТЬ? – говорит он.

– А у нас есть другой выбор? – спрашивает Бода. – И как это я до сих пор слышу твой голос? Ты же по идее должен был замолчать навсегда.

ВООБЩЕ-ТО Я НЕ ОТКАЗАЛСЯ БЫ ОТ ЧЕГО-НИБУДЬ ПИТАТЕЛЬНОГО.

– Питательного?

БЕНЗИН, РОДНАЯ.

– Я бы тоже, – отвечает Бода. – В смысле от еды.

Мимо грохочет второй грузовик, похожий на освещенный огнями океанский лайнер. Бода запускает мотор Тошки и

выруливает на дорогу вслед за грузовиком, догоняет огни, дрожащие в глубине Лимбо.

Через двадцать минут они въезжают на стоянку перед отдаленной заправкой с кафе. Унылые, как руины, одинокие строения стоят посреди пустырей Лимбо. Рассыпающаяся неоновая вывеска гласит: «ОБЕДЕННО-ЗАПРАВОЧНЫЙ САЛУН КАНТРИ ДЖО. БЕНЗИН БЕЗ НАЛОГОВ. ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА ПЕРЕД КРАЕМ СВЕТА. ЕСТЬ КОМНАТЫ». По небу гуляют лучи лазеров, установленных на крыше кафе. Бода платит за бензин и спрашивает мальчика-пса у колонки, есть ли у них свободная комната. Тот только кивает на светящуюся вывеску и рычит:

– Читать умеешь, сука-тень? Спроси Джоанну.

«Что значит – сука-тень? Это он про меня?»

Она проходит через вращающуюся дверь салуна и чувствует легкое замешательство. Изнутри слышна музыка в стиле кантри, женский голос исполняет песню, смешиваясь с грубыми мужскими выражениями радости. Бода стоит снаружи, смотрит поверх створок дверцы…

Как раз напротив, на деревянной сцене, призванной изображать обстановку горного ранчо, поет и играет на гитаре женщина. Певица представляет собой нечто условно-блондинистое и одета в стиле Дикого Запада: стетсон, галстук-шнурок и цветастое льняное платье.

– «…Упрямый бычок убегает от нас, но мой Джо, свив лассо, повалил его в грязь».

Потом она начинает припев про то, как что-то там «проснулось в надломленном сердце». Толпа неотесанных дальнобойщиков с ревом одобрения и взрывами чихания охотно присоединяется. И еще какой-то странный шум вроде хлюпающего жужжания слышен из глубины комнаты. Там движутся черные тени. Песня заканчивается, исполнительница пробирается к стойке бара, с улыбкой, но твердо пресекая все заигрывания из толпы.

Бода входит.

Ее встречают молчанием. Воздух пронзает одинокий хриплый свист. За ним следует невероятный чих. Примерно половина водителей сидят в импровизированных респираторах – цветные банданы закрывают рот и нос. Один из них шлепает по колену, приглашая Боду сесть.

Бода вежливо отказывается.

Дальнобойщики – это ладно, с ними Бода еще может смириться, сама крутит баранку девять лет, но когда она проходит в глубь бара, из угла выходят тени и приближаются к ней.

«Зомби! Вот дьявол!»

Существа смотрят на нее сквозь испарения дыма и пота. Дальнобойщики сидят в одном конце комнаты, зомби – в другом. Между ними мерцает плотный поток воздуха – как занавес, скрывающий от глаз что-то неприятное. Певица улыбается ей из-за стойки. На стене висит впечатляющий набор атрибутики Дикого Запада, в том числе пять-шесть револьверов и винтовка. Дальнобойщики и зомби пялятся на голый карточереп Боды. Бода вынимает из сумки вязаную шапку, натягивает на голову и затем спрашивает певицу:

– У вас есть «бумер»?

Смех со стороны дальнобойщиков. Снова чихание.

– Мало кто заказывает «бумер» в здешних местах, – отвечает певица. – Есть приличный «бурбон», «Джек Дэниелс». Устроит?

Бода кивает, платит за огненную воду и выпивает половину. В двух шагах от нее, отделенный дрожащей воздушной завесой, стоит большой зомби – мужчина двух с лишним метров ростом, издали даже похожий на человека. Конечно, он весь скользкий, и некоторые части тела какие-то разболтанные, но по сравнению со своими собутыльниками, которые оборванной кучей выстроились вдоль невидимого барьера, этот громила – просто вирт-звезда. И, кажется, он и сам так считает. Его ярко-желтый стетсон сдвинут на затылок. Барменша шагает сквозь воздушный занавес, чтобы обслужить большого зомби, и потом переходит обратно, на сторону дальнобойщиков.

– Ты Джоанна? – спрашивает ее Бода.

– Когда как, – ворчит большой зомби.

«Боже мой, они разве умеют говорить?»

– Не обращай на Бонанзу внимания, – говорит барменша. – Вообще он большой осел.

– Я ее проинформировал, – отвечает Бонанза. – Просто проинформировал.

Бода игнорирует его, удивляясь, насколько это просто. Зомби ведь должны быть злобными.

– У вас есть комната на ночь? – спрашивает она барменшу.

– Детка, можешь переночевать у меня! – орет один дальнобойщик.

– Сколько угодно, – сообщает ей Джоанна. – Комната и питание. Еду могу принести прямо в номер. Вряд ли тебе захочется сидеть с этими парнями.

– Спасибо. А телефон тут есть?

– Рядом с «напалмовским» автоматом.

Бода пробует набрать номер и получает в ответ: «ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН». Она идет обратно к стойке.

– Это перофон, – говорит она. – У вас есть обычный телефон? Который принимает деньги?

Барменша пристально всматривается в глаза незнакомой девушки и наконец говорит:

– Пойдем со мной. Он в задней комнате.

Они проходят в комнату, и барменша представляется Джоанной, сестрой Кантри Джо, который сейчас в Приграничье.

– А что здесь за место? – спрашивает Бода. – Я не знала, что тут есть город.

– Значит, ты не знаешь совсем ни хрена, – отвечает Джоанна. – Тут скорее даже не город, а община со своим образом мыслей.

– Мне понравилась песня.

– Ну, спасибо.

– Что значит «маверик»?

– Тоже не знаешь? Вообще-то надо бы. Это старое ковбойское слово. Означает корову, которая во время перегона скота не хочет бежать вместе со стадом.

Они входят в какое-то подобие жилой комнаты. По стенам развешаны коровьи рога. Едва слышно играет древнее радио, настроенное на волну Гамбо Йо-Йо. Коллекция акустических гитар на деревянной стойке. На шатком столе – старинный дисковый телефон.

– Видишь ли, я не могу принимать перья, – продолжает Джоанна. – Я дронт. Думаю, ты тоже, раз пришла сюда и спросила про бесперьевой телефон?

– Наверное.

– Ты в последнее время часто чихаешь?

– Совсем не чихаю. Я несколько раз пыталась. Но ничего не получилось.

– Так и знала. Я тоже.

– А что такое?

– Из всех дальнобойщиков, которых я знаю, сейчас не чихают только те, которые дронты. У тебя не возникает какое-то странное чувство?

– Какое?

– Ну, не знаю. Наверное, беспокойство. Вот у меня да. У тех дальнобойщиков тоже. Знаешь… как будто нужно идти. Такое чувство, что всех дронтов кто-то зовет.

И что Бода должна на это ответить?

– Как получилось, что в твоем баре сидят зомби? Из-за них не бывает проблем?

– Девушка, вы сама наивность. Я делаю деньги на проблемах. Приграничье – страна мутная. Тут нужно налаживать отношения с

людьми.

– С людьми?

– Естественно, зомби тоже люди. Мы – последнее напоминание о городе перед началом Лимбо, и тут приходится идти на уступки. «Салун Джо» – конгломерат. Ты видела Волшебную Стену в баре? Волшебная Стена – изобретение Джо.

– Держит зомби на расстоянии?

– Держит зомби отдельно.

– А у меня получится пройти через нее?

– Я бы не советовала.

– Но ты ведь ходишь.

– Я слегка особенная. Как тебя звать?

– Бода.

– Бода, ты откуда-то сбежала, верно?

– Вроде того.

– Дай посмотрю твою голову.

Бода стягивает вязаную шапочку. Джоанна присвистывает.

– Фью-ю. Ни фига себе пропахало! Ого… в тебя стреляли?

Бода поднимает руку к ране.

– Да ничего. Просто задело.

– Там грязь. Дай-ка… вот… ох, Господи! Скверная штука. Давай я перевяжу.

– Да не нужно. Все нормально.

– Стой тут.

Джоанна скрывается на кухне и появляется вновь с бинтами и банкой мази. Она заставляет Боду пригнуться, чтобы нанести мазь.

– Тебе нужно к доктору.

– Нет.

– Давай хотя бы наложу повязку.

– Никаких повязок.

– Ладно.

Когда Джоанна заканчивает хлопотать, Бода распрямляется и вынимает записную книжку из сумки. Находит нужный номер – заказ, который ей отдал Роберман, а она передала Койоту. Больше не было ничего – ни адреса, ни имени, только номер телефона. И вот она снова ждет гудка, а мысли у нее разбегаются. «Кто там, на другом конце провода? Этот телефон убил Койота». Какая-то девочка по имени Персефона. Щелчки разрядов, а за ними…

Последний телеграфный столб где-то в темноте на пустошах к северу от города. Со столба спадает единственный провод и пробирается по полям. Он ползет сквозь заросли, постепенно становится зеленым, превращаясь из провода в побег. Бежит по

глине и торфу – провод-ветка.

Бода стоит в комнате Джоанны, слушает шуршание в трубке. Что-то лопается, раскрывается. Голоса темноты. Жизнь трав. Подземный шторм. Она слушает, как трескаются семена, скрипят растущие корни, скользят черви, раскрываются цветы.

Тишина в трубке невыносима. Единственная зацепка дала на выходе только шум, который она не может понять. Она осторожно кладет трубку на рычаг, разрывая соединение. Пути вперед больше нет.

Бода забирается в свою сырую комнату. Комната – значит кровать и комод. Столик. И все.

Койот…

Она не может перестать думать о Койоте. Как он обещал сводить ее на второй этап полуфинала по виртболу в этот четверг. О Манчестере. О том, что не нужно быть частью системы. Так сказал ей Койот четыре дня назад в «Соловьином кафе». Неужели всего четыре дня назад?

Икс-кеб – система. Койот – нет.

«Он погиб из-за меня». Вот о чем она думает.

Позже, во время ужина – два яйца, сосиска, жареная картошка и бобы – Бода слышит, как внизу Джоанна поет «Тебе сегодня одиноко» и как Лимбо тихо шепчет в темноте за стенами ее комнаты. Дорога до дома в Уэллей Рэндж будет долгой. Если она вообще туда доедет. Если она вообще захочет туда поехать. Зачем туда возвращаться? Рана на голове уже заживает; короста закрывает Кингсвей. Может быть, ей стоит ехать дальше, в глубь Лимбо. Как-нибудь устроиться там, посреди иссушающего ветра и темноты. Такая перспектива ее все больше привлекает. Время сидеть тихо и время срываться с места. Завтра они с Тошкой поедут в убийственные пустоши. С Манчестером покончено.

Бода влезает на скрипучую кровать. Несмотря на свое решение, ей будет трудно обойтись без той массы удобств, которую предоставляет таксишная карта. В полусне она позволяет себе немного подумать о плавно вьющихся нитях, по которым когда-то пролегал ее путь, на которых прошла ее жизнь. О наставлениях Робермана. Такое нежное прикосновение. Она помнит, как ездила вместе с ним, когда ей было девять с половиной; тогда она только присоединилась к иксерам. Три года она была его ученицей, каталась на заднем сиденье, впитывая великое знание робопса. В двенадцать у нее случилась первая менструация, и тогда Колумб объявил, что настало время подключить к карте ее собственный кеб. Церемонию инициации она прошла с легкостью и без всяких проблем – если не считать встреченных там огненных демонов – и получила новое имя –

Боадицея и с ним новую личность, готовую на все ради цели.

Теперь она не может доверять Колумбу. А если не Колумбу, то кому вообще она может доверять?

Она тянется к первобытному радиоприемнику, включает его, крутит настройку, пока не появляется слабый голос Гамбо Йо-Йо, пробивающийся через границу карты. Человеческий голос. Пират-хиппи поставил песню под названием «Blue Suede Shoes». Бода надеется, что музыка как-то ее успокоит. Но всю песню она думает только о том, что потеряла. Больше нет икс-кебов, нет Койота, кончилась прежняя жизнь. Она как чистый лист, как заснеженная равнина. Всю жизнь она посвятила икс-кебам, теперь плывет по течению и даже не помнит, что было до них. Не помнит даже своего настоящего имени.

Как бы я хотела быть сейчас с тобой, Тошка. Лететь с тобой по дороге. Она устала, но не может уснуть и в сумерках разума представляет себе разговор с кебом.

КАК ТЫ, БОДА? – спрашивает Тошка.

«Бывало и хуже».

ЧЕМ-НИБУДЬ ПОМОЧЬ?

«Просто тоскливо, но я, наверное, привыкну».

ХОЧЕШЬ ПРОКАТИТЬСЯ?

«Утром. Конечно. Уедем далеко-далеко».

НА ЗАКАТ?

«На восход. Утром восходит солнце».

Я ЗНАЮ.

«Ладно. И мы поедем на юг, не на восток».

ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ ГОРОД?

«Чтобы все забыть. Ты на самом деле говоришь со мной?»

КОНЕЧНО. Я В ТВОЕЙ ТЕНИ.

«Не может быть». Мгновение и… «Неужели я такая? Правда?»

ТАКОЙ ТЫ БЫЛА ДО ИКС-КЕБОВ, БОДА. МЫ С ТОБОЙ ГОВОРИМ ЧЕРЕЗ ТЕНЬ.

«Я дронт? Я не смогу попасть в сон?»

БЫСТРО СХВАТЫВАЕШЬ, ДРАЙВЕР.

Завернутая в тонкую простыню, Бода улыбается сама себе и шепчет:

– Раз-два, голова, три-четыре, покатили… Под окном сигналит Тошка. Четыре раза. «Спокойной ночи, Тошка».

СПИ, МАЛЫШ.

И когда затихает золотой голос Элвиса и в эфире снова появляется Гамбо, Бода шокирована, как никогда…

– Боадицея, Боадицея, Боадицея! Ты там слушаешь, маленькая убийца? Слушайте все. Боадицея, или просто Бода – имя молодой иксерки, которая вчера утром поломала схему икс-

кебов. Вот почему карта в отрубе и столько проблем у всех пассажиров. Йо-Йо! Гамбо покопался в памяти икс-кебов – кеб этой девчонки был рядом с Алекс-парк, когда случилось убийство.

Бода садится на постели:

– Что?

– А еще она любовница Койота, нашего замечательного таксопса, которого убили вчера. Завтра его похороны, тут полиция расстаралась. Слушайте, как завертелся сюжет. Почему это копы не гоняются за Бодой, а вешают убийство на какого-то мифического зомби? Если копы закрывают глаза, мы сами должны смотреть в оба. У Гамбо Йо-Йо к слушателям есть просьба: присмотрите за этим съехавшим с трассы драйвером. Бода ездит на беглом кебе с именем Фаэтон, а на голове у нее потрясная татуировка, карта Манчестера. Если увидите ее, дайте Гамбо знать, номер старый: 7-7-7-Y-Y. Вы знаете, он не прослушивается. Колумб предложил четыре золотых пера тому, кто приведет девочку обратно. Не ловитесь на удочку этому старому кеб-заправиле. Гамбо предлагает пять золотых! Йо-Йо! Приведите мне убийцу. Концентрация пыльцы 225 и продолжает повышаться, Сейчас Спенсер Дэвис из шестьдесят пятого: «Беги, не останавливайся». В пятьдесят девятый раз Гамбо наблюдает возрождение шестидесятых. Так что хе-хе, беги, не останавливайся, девочка. Скоро увидимся.

Играет песня. Бода в ужасе. «Что это значит? Я была у Алекс-парк, когда убили Койота? Нет, не была. Это подстава Колумба. То он попробовал меня убить, теперь… Сволочь, за мной будет гоняться весь Манчестер».

Даже люди в этом баре…

Бегом, киса, бегом!

Она спрыгивает с кровати, собирает вещи, осматривает окно. Ржавые гвозди, которыми забита рама, глубоко сидят в дереве. Тошка все так же терпеливо ждет под окном, в ласковом неоновом свете вывески остановки-перед-концом-света. Моросит дождь. Рядом с Тошкой под дождем грузно стоит одинокая фигура. Судя по виду, тот самый зомби. Бонанза, так его вроде зовут? Зомби всматривается в ее окно на первом этаже. Бода вздрагивает.

«Включай зажигание, Тошка. Убираемся отсюда».

Как можно тише она пробирается к двери.

Джоанна уже там. На ней длинное платье леопардовой расцветки, отделанные мехом туфли на шпильке, ее светлые волосы слегка растрепаны.

– Куда это ты собираешься? – спрашивает она.

– Расхотелось оставаться в комнате, – отвечает Бода.

– Ты слушаешь Гамбо, детка? – Джоанна говорит низким мрачным голосом. – Сейчас была интересная передача. Вся про беглых драйверов и собакоубийц. И предложение там было чрезвычайно выгодное. Самой мне перья не нужны, но я ведь могу их продать. Сделаю деньги и снимусь отсюда.

Джоанна подходит так близко, что там, где толстый слой косметики на ее лице смазался, Боде видна черная щетина. И шагая вперед, Джоанна вынимает из-под платья пистолет. Направляет его на Боду.

– Это настоящий кольт сорок пятого калибра, девочка. Лучшая пушка на Диком Западе.

– Не надо, это не я.

– Я же сказала, дорогая – мне просто нужны деньги.

– Мистер Йо-Йо?

– У меня что, мужской голос?

– Значит, Ванита-Ванита?

– Да. Что такое?

– Я хотела бы поговорить с мистером Йо-Йо. Это звонит Кантри Джоанна. Есть очень важные новости для Гамбо. Мы сейчас в эфире? О Боже мой…

– Нет, леди, мы не в эфире. Успокойтесь. Я предполагаю, вы нашли Боадицею?

– Да, так и есть.

– То же самое говорят еще пара тысяч человек.

Бода вынимает пачку «напалмов». Надпись на пачке: «КУРЕНИЕ ПОМОГАЕТ ПЕРЕНОСИТЬ НОЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО – ЛИЧНЫЙ ЭЛВИС ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Она закуривает сигарету, глубоко затягивается, пускает струю дыма от себя к Джоанне. Бода сидит на подушке на полу в жилой комнате за баром Кантри Джо. Джоанна опирается о стену напротив, обливается потом. В одной руке у нее пистолет, в другой телефонная трубка.

– Эта сигарета моя последняя? – спрашивает Бода.

– Заткнись! – кричит Джоанна грубым голосом и продолжает говорить в трубку. – Слушайте, мисс Ванита, тут все без обмана. Девушка у меня. Сидит передо мной. Я держу ее на мушке.

– Докажите. У нас есть доступ к голосовым образцам иксеров. Дайте ей что-нибудь сказать.

Джоанна колеблется. Она прижимает трубку плечом, чтобы достать из серванта бутылку «бумера».

– Мне казалось, ты его не употребляешь? – говорит Бода.

– Тебе много чего казалось. Отъебись!

Бода поднимается с подушки, Джоанна заглатывает две дозы «бумера». Бода хорошо знакома с действием «бумера», поскольку

сама пробовала его много раз. Две дозы погружают вас в беззаботное блаженство.

– Ванита, вы слушаете?

– Я жду, леди.

– Ладно, Боадицея сейчас подойдет к телефону. Вы готовы? – Джоанна жестом зовет Боду. Бода берет трубку и говорит:

– Ванита, это Бода, бывшая сотрудница компании «Икс-кеб». Меня держат в…

– Хорошо, хорошо! Распознавание прошло. Бода, не клади трубку. Гамбо, давай сюда. Мы ее нашли…

– …Боадицея! С тобой говорит Гамбо Йо-Йо.

– Гамбо, я невиновна. Пожалуйста, послушай…

– Дай сюда телефон! – Джоанна выхватывает у Боды трубку. – Гамбо Йо-Йо, это Джоанна. Девушка у меня, так что давайте к делу.

– Безусловно… Пять золотых перьев, как обещано.

– Нет, кое-что еще. Мы сейчас в эфире?

– Нет.

– Дайте мне эфир, Гамбо. Я хочу выступить по радио. Видите ли, я фолк-кантри исполнительница.

– Я не могу вот так просто пустить тебя в эфир, Джоанна. Нужно решить несколько технических вопросов. Разреши мне…

– Гамбо, слушай. Песня называется «Маверик покидает стадо». Моя самая известная песня. Может, твоим слушателям понравится. Посмотрим, что ты скажешь…

И Джоанна начинает петь в трубку ту песню, которую Бода слышала раньше:

Наш рыдван километрит по проселкам вперед,
Мой дружок матерится на меня, что идет дождь.
Упрямый бычок убегает от нас,
Но мой Джо, свив лассо, повалил его в грязь.
И в надломленном сердце проснулся тогда Маверик,
что плевал на любые стада.
Не задушишь арканом, не пустишь под нож.
Маверик покидает любые стада.

Голос Джоанны кристально чист, она летит по нотам, как та самая девушка-ковбой из песни. Бода не может оторвать от нее глаз; Джоанна поет как последний раз в жизни. Отчаяние таится в мелодии и в словах. Песня, история, которая в ней рассказывается, трогает до глубины души. Боже мой, эта женщина действительно умеет петь: каждая нота сияет. Блестящая песня…

А бычок все бежит по широким полям,
Джо привстал в стременах, кожа в каплях дождя.
Он кидает лассо – и стоит под дождем
Тот бычок, Что не хочет ни клейма, ни в загон.

Бода берет одну из гитар Джоанны. Перебирает струны, следуя за простыми аккордами мелодии. Джоанна закрывает глаза и, как ни странно, улыбается Боде, когда они вместе начинают припев.

И в надломленном сердце проснулся тогда Маверик,
что плевал на любые стада.
Не задушишь арканом, не пустишь под нож.
Маверик покидает любые стада.

Песня завораживает Боду. Или голос? Что-то в Джоанне напоминает ей о Койоте. Певица и пес занимают одно место в новорожденной Тени Боды, тот же уголок одиночества и недосягаемой красоты.

Но веревка слабеет у него на рогах,
Он без страха опять убегает в луга.
Он уже не вернется, и, слезу задушив,
Завтра утром, Джо, я продолжу жить.

Бода осознает, что поддалась очарованию. Нужно отвлечься от песни, от обстановки вокруг.

«Тошка, едем!»

Движение Тени – и внезапно Бода становится кебом, который управляет запуском двигателя, и ведет его через Тень, разгоняясь по направлению к неоновой вывеске. Бода заносит гитару над головой, готовясь ударить Джоанну. Джоанна открывает глаза, спокойно поднимает пистолет: палец лежит на спуске, ствол направлен прямо в голову Боде. Джоанна продолжает петь. Снова припев…

И во мне поселился дух свободных коров.
Променяв мир скотов на стада облаков,
Я не стану домашней, не узнаю стыда.
Так во мне поселился…

Снаружи гремит взрыв, вспышка света в окне, и у Боды всё переворачивается внутри, когда Тошка врезается в вывеску. Джоанна оборачивается на звук:

– Что за хрень?

Бода поднимает гитару выше и наискосок наносит удар по ее голове…

Песня отдается эхом в разбитом инструменте, порванных струнах и полых костях Джоанны. Светлый парик слетает, обнажая наголо выбритый череп. Джоанна кричит – на этот раз обычным мужским голосом. Падает телефон. Джоанна пытается прицелиться снова, но у Боды теперь преимущество. Она выхватывает пушку и направляет ствол на Джоанну.

– Сядь.

– Пожалуйста… не делай мне больно. – Он уже переключился и теперь плачет женским голосом. – Не надо… Останутся следы…

– Сядь!

Джоанна садится.

– Ты и есть Кантри Джо, так? – спрашивает Бода. – Ты трансвестит.

– Я не трансвестит. Не смей. Я просто таким родился. Я дитя Плодородия 10. И все. Я особенный. Совсем особенный. Я еще с тобой посчитаюсь.

Бода поднимает трубку:

– Гамбо? Ты еще там?

– Бода, что происходит? – отвечает Гамбо.

– Отцепись от меня, Гамбо.

– Я выполняю долг перед обществом.

– Я невиновна. Невиновна! Я сделаю все, чтобы узнать, кто убил Койота. Объясните это своей аудитории, мистер Гроза Радиоволн. Понятно?

Она отшвыривает трубку.

– Что теперь будешь делать, дорогая? – спрашивает Кантри Джо.

Хороший вопрос.

Бода забирает бутылку «бумера», кладет ее в сумку. Потом ей на глаза попадается валяющийся на полу парик. Она кидает его следом за бутылкой.

– Так, Джо, – говорит она. – Уверена, у тебя найдутся красивые шмотки.

Наверх, в спальню Джо, не отводя от него пистолета. Сияющее царство шелка и разноцветных лент. Парики разных цветов. Бода выбирает несколько вещей попривычнее.

– У тебя есть ключ от этой комнаты? – спрашивает она.

Глаза Джо полны слез и измазаны растекшейся тушью. Он

показывает на ключ, который торчит в двери.

– Ты не станешь меня бить, Бода? Нет?

– Слушай, – отвечает Бода. – Мы, маверики… мы всегда ищем друг друга. Так?

– Так.

– Потому что кому еще мы нужны?

Кантри Джо валится на кровать, на пушистое покрывало.

– Ты хороший человек, Джо, – говорит ему Бода. – Просто на ранчо сегодня день не задался.

Голос у Кантри Джо дрожит:

– Мне понравилось, как мы с тобой пели, Бода. Правда понравилось…

Закрыв дверь в комнату, Бода проходит вниз по лестнице и через бар. В темноте мерцает завеса Волшебной Стены, и со стороны половины зомби чувствуется какая-то животная сила. Только вот дверь наружу заперта на засов, а окон в баре нет. Сила с той стороны Волшебной Стены зовет ее, и когда она вглядывается внимательнее, оказывается, что ее манит пальцем Бонанза в своем желтом стетсоне.

– Это не опасно? – спрашивает она.

Блестящий палец снова делает знак.

Бода проходит через воздушную завесу.

Воздух обтекает ее, гладит кожу, сотканные из дыма пальцы танцуют по ее телу. У нее кружится голова, она почти счастлива. И пройдя через преграду, она чувствует, как в ней открываются новые способности. Она чувствует, что встретила здесь еще одну часть себя.

Наконец-то у нее появилась сила.

Бонанза ведет ее к другой двери, для зомби, которая открывается на автостоянку. Когда она бежит через парковку, одно из платьев Кантри Джо выпадает и тонет в грязи. Тошка здесь, запутался в неоновых трубках. Бода отключает защитные системы и нежно проводит рукой по корпусу кеба.

«Как ты, Тошка?» – передает она.

НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО БЫ НЕ ПОПРАВИЛИ НЕЖНЫЕ ЛЮБЯЩИЕ РУКИ, – отвечает он.

Бонанза стоит рядом, улыбается, с полей стетсона стекает дождь, блестит мокрая лоснящаяся кожа. Бода пожимает ему руку. Тень касается зомби, женщина – мужчины.

– Спасибо, – говорит она.

– Не за что, – бормочет он в ответ. – Удачи в дороге.

– Зачем ты мне помогаешь?

– Я не тебе помогаю. Бода забирается в кеб.

НУ ЧТО, ДРАЙВЕР? – спрашивает Тошка.

– Едем, Тошка.

КУДА?

– Назад, в Манчестер.

Обратно к началу, чтобы найти убийцу, – и Бода думает, что неплохо бы начать с самого Колумба. Койот тоже хвастался ей, что видел Колумба, но как все-таки найти это туманное создание, особенно сейчас, без подключения к карте и без Койота?

Силуэт Бонанзы дрожит посреди дождя, когда Бода сдает назад и выезжает из обломков вывески на дорогу. Она видит, как из двери для зомби появляется Кантри Джо. Как наклоняется подобрать измазанное грязью платье. Он подходит к Бонанзе и колотит его по груди, снова и снова бьет полумертвую плоть маленькими руками. Зомби просто стоит без сопротивления, пока певица не падает в его огромные объятия. Два силуэта, отдаляясь, сливаются в один – Бода с Тошкой уезжают прочь от огней придорожного кафе.

Второе тело нашли сегодня ночью, за несколько минут до того, как старый день перешел в новый: во вторник, в 11 часов 49 минут. Над клочком земли в Александра-парке вилась туча мух. Каждое насекомое стремилось урвать свою долю, и все они бешено жужжали, чувствуя аромат мертвой плоти. Сотни жирных тварей. Пришлось поставить акустическую бомбу, чтобы мы могли подойти к насыпи, похоронившей под собой тело.

Ее нашел какой-то бродячий человекопес, который искал в рваном тумане что-нибудь съедобное и убежал, напуганный находкой.

Полночь. Звонок копам. Звонок Сивилле Джонс.

Когда раздался звонок, я еще не спала – так меня загрузили новости от Гамбо Йо-Йо и прочитанное в дневнике Койота. Последние страницы были заполнены признаниями в любви к Боде, а между ними был вложен клочок бумаги – послание в стихах псодрайверу, под которым стояла уверенная подпись Боды. «Уведи меня, прошу, по кривой дорожке в ночь» – так оно начиналось. «Уведи меня, прошу, по кривой дорожке в ночь и волною лепестков и стеблей меня омой». Знакомый почерк. Еще между страницами был воткнут билет на манчестерский виртбольный матч в следующий четверг. Судя по дневнику, Койот звал ее с собой. Что-то меня зацепило в любовной истории из дневника: ощущение, что ты кому-то желанна.

Когда я читала дневник, наклонилась над детской кроваткой в старой комнате Белинды. Животом я касалась оградки кровати, нависая грудью над ребенком. Он сосал мне левую грудь. Естественно, молоко не появлялось, из меня давно вышли все соки. И все-таки моему дорогому незаконному сыну это шло на

пользу. Ночью он стал довольно сильно чихать. Я закрыла ему глаза и нос мокрой фланелькой. Он что-то пробулькал в ответ. Я могла только догадываться, что его слова были о любви ко мне, потому что никто не смог бы их перевести. Мой Сапфир говорил на рыбьем языке. Моя Тень уловила какие-то обрывки его любви. Я ненадолго взяла Сапфира на руки, придерживая деформированную головку, потом снова дала ему грудь. Звонок оторвал меня от материнских обязанностей. И поэтому смотреть на то, что мы нашли в парке, оказалось еще тяжелее.

До парка мы ехали как по расцветающему саду. Крошечные ростки пробивались сквозь асфальт дорог, а наросты зелени скруглили углы магазинов и домов. По докладам специалистов, ожидалась самая тяжелая весна, еще хуже, чем во времена Плодородия 10. В парке мы обнаружили холмик в форме луковицы – перекрученные стебли цветов поднимались из земли, издавая невыносимое зловоние. Зомби найден, виновный обнаружен. Эта поездка домой стала для него последней, конечный пункт – яма в неосвященной земле. Упокойся среди цветов. Слепленное из грязи тело полностью преобразилось.

Зеро ждал меня там.

– Знаешь что, Дымка? Жалко мне, что его нашли уже таким. Потому что я очень хотел сам его завалить. Крекер порадовался бы. А когда радуется хозяин, радуюсь и я. А этот сволочной зомби взял и подох, и я остался ни с чем.

– Хочешь попасть на отстрел зомби? Раньше у нас отстреливали собак.

– Не расстраивайся, Дымка. Зомби не люди.

– Наполовину люди. Я опустилась на колени рядом с телом.

– Какого хрена ты делаешь?

– Работаю.

– Здесь на хрен не нужен тенепоиск, Джонс.

– Это мне решать.

– Боже мой, а если б ты раздавила таракана, его бы ты тоже обработала? Дело закрыто. Поехали.

– Поздно, легавый.

Я уже опускалась в потухшее сознание, скользя пальцами дыма по мыслям мертвого зомби…

«Тьма… ни огонька… ни следов жизни… полужизни… любой жизни… истощение… мои Тени несутся сквозь слои темноты… глубже… темнота глубже… такой холод… смерть раскрывает объятия… я падаю в них… нужно освободиться… назад к жизни… и затем… вспышка света, скрытая в глубине… взрыв… весь мир… весь мир взрывается зеленью… чересчур много цвета… огромные цветы, липнущие к горлу в Тени… папоротники любви… цветы в

огне… танцуют… танцуют…»

Назад…

Я прорывалась обратно в повседневную жизнь, в настоящую жизнь, которой мне так не хватало.

Я надеялась, что Зеро хоть чуть-чуть заинтересуется результатами, но когда я вернулась на землю, то обнаружила в его глазах отвращение к моим теневым методам. Он пренебрежительно закинул в рот коп-перо, чтобы отменить тревогу.

– Крекер, хозяин, мы нашли урода. С ним больше никаких забот.

Что-нибудь в таком роде, наверное. Он вытащил перо и перевел слезящиеся глаза на меня.

– Одной заботой меньше, Дымка, – сказал он. – Собакоубийца найден и обезврежен. Бля! Аааааааапп-чххи! – Он опять начал чихать. – Эти цветы меня прикончат.

– Ну ладно, – сказала я. – А кто убил зомби?

– Какая на хуй разница? Пес-Христос! Зомби не считаются.

– Его убили цветы, Зеро. Так же как Койота. Я нашла у них обоих в мыслях один и тот же образ. Взрыв. Какой-то сад.

– Крекер сказал, завтра похороны псодрайвера. Крекер собирается объявить газетчикам, что Койота убил зомби, а полиция его подстрелила. Ну и какое твое мнение, Дымка? Хороший план действий, нет? Остановит он собачьи бунты?

– Думаешь, Гамбо Йо-Йо тоже схавает эту лажу?

– У Гамбо нет вооруженных отрядов, Дымка.

– Уверен? А ты его слушал в последнее время? Зеро кивнул.

– Значит, ты в курсе, что он рассказал в новостях кучу всего об иксерке по имени Боадицея? Она покинула их ряды вчера, через несколько часов после убийства. Известна еще под именем Бода. Есть контакт, Зеро?

– Пес тебя раздери! – рыкнул Зеро. – Что тебе до этой Боды? Влюбилась ты в нее, что ли?

– Ты ведь наврал мне, Зеро.

– Чего?

– Гамбо утверждает, что Бода попалась на кекберских записях. Она была в Александра-парке вчера в 6:19. Когда убили Койота. Ты об этом знал?

– Она его девушка, Дымка, и всё.

– Ты знал?

– Его девушка! Пес-Христос! Может, они там трахались в кустах. Откуда ты знаешь? Может, пока они развлекались в парке, в кеб залез зомби. Им показалось, что они его замочили, так? Но ты же знаешь, как трудно убить этих полумертвых окончательно.

Они же со смертью заодно. Она им как мать.

– Зомби тоже убит.

– Может, это Бода. Ну и ладно. Одним зомбяком меньше. Смотри, зомби убивает Койота. О чем он мог думать в последнюю секунду – о политике, что ли? Не думаю. Так что, Дымка, в твоем расследовании ключевая фигура – все равно наш кобелек. Или тебе объяснить, что такое любовь?

– Что-то тут не так, Зеро.

– Опять что-то там чувствуешь Тенью, Сивилла?

– Я вчера пробовала просмотреть записи икс-кебов. Хотела узнать, кто в понедельник утром возил пассажиров в Алекс-парк. В ответ выскочило «доступ закрыт». Я как-то думала, что кебы и копы работают вместе. Что-то не так, Зеро, и я собираюсь искать дальше, а ты как знаешь. Гамбо заявил, что Бода сейчас где-то на юге Приграничья.

– Ну, тогда удачи, Дымка. Девчонка сейчас уже может быть в каком-нибудь ебаном Лондоне. В общем, не в нашей области.

– Поедем посмотрим, Зеро. Юг Лимбо.

– Что с тобой, Джонс? Ты зря веришь Гамбо. Думаешь, этот пират что-нибудь знает? У тебя соображалка временами не отключается? Аааааааапчхххи, бля! Прошу прощения. Давай-ка уберемся подальше от этой кучи сорняков.

– Помоги мне, Клегг, Крекеру необязательно знать.

– Необязательно?!

– Я тебя прошу помочь.

– Ты меня просишь предать хозяина.

– Когда-нибудь настанет день, когда ты освободишься, Зеро.

Глаза Зеро по-собачьи засияли.

– Знаешь, Джонс, – прорычал он. – Вы, люди, иногда меня так раздражаете.

До этого я никогда не слышала, чтобы Клегг наезжал на людей. Он тут же понял, что сказал, и собачий блеск в его глазах угас.

Люди-копы копались в земле, извлекая тело зомби из могильного холмика, образованного цветами. Зеро лаял какие-то инструкции, просто чтобы выпустить пар. Копы яростно чихали, а со мной все было отлично: никаких признаков аллергии. Хлюпающий носом Зеро повернулся ко мне.

– Что такое, Джонс? Ты не чихаешь. Может, ты какой-нибудь мутант? – Потом его полные слез глаза открылись – слезы, наверное, от пыльцы, а может, и еще от чего-нибудь. – Я хочу тебе помочь, Джонс. Правда хочу…

– Правда хочешь?

Большой песокоп снова отвернулся и поскакал по траве

трахать мозги людям-полицейским. Тогда я и поняла, что случилось что-то из ряда вон, что-то среди самих полицейских. И Зеро тоже здесь замешан.

Этот пес не решался взглянуть мне в глаза.

Среда, 3 мая

Его зовут Голубь. Томас Голубь. Он путешествует по головам незнакомцев, как перо. Вот каков он собой: тело конькобежца, оранжевые волосы выстрижены ирокезом, пара копокрыльев и кровеносная система, по которой течет вирт. Томми Голубь – лучший вирт-ангел манчестерской полиции, и сейчас он летит в Рио-де-Бобдениро с кучей тестов для тамошних фантомов. Его копработа – искать и уничтожать незаконные сны; находить пиратские вирты. Прислушайся к хлопанью его призматических крыльев, разгоняющих цвета в дыму сознания. Совершенство. Томми Голубь – чистый, человеческий путь к фантазии – хорош настолько, что ему даже не надо принимать перья. Он по большей части человек, конечно, не считая крупных кусков вирта, живущих в его плоти.

Рио-де-Бобдениро. Щедрый ломоть сознания. Идеальное перо при тоске и одиночестве. Оно дает путешественнику насладиться подборкой снов мистера Бобдениро. Бог его знает, кем он там был; кто говорит, реально живший убежденный убийца, отправивший на тот свет больше пятнадцати человек. Другие говорят, он был кинозвездой (кино – это то, что люди принимали до изобретения вирта). Опять же еще говорят, что он был настоящим маменьким сынком, даже из родительского дома сумел уйти только через дверь снов. Как бы то ни было, сны у него были жестокими и тошнотворными. Людям нравилось подключаться к его видениям, ненадолго поселяться в его сознании. Ненависть приветствуется. Любовь под запретом. Вирткоп Томми Голубь летел в псевдоперо под названием «Охотник на оленей» распутывать зацепку. На улице появились пиратские «бобдениры» – продаются по сниженной цене, сдобренные экстранасилием, и менеджеры уже оплакивают недополученную прибыль. Другая копработа Томми Голубя – находить и вытаскивать обмененных невиновных. Каждый раз, когда виртварь нелегально проникала в Реал, кто-то другой, кто-то случайный, а следовательно невиновный, должен был занять ее место в снах. Этот принцип назывался законом обмена Хобарт, потому что два человека или объекта, участвующих в обмене, должны были быть одинаковой ценности. Небольшой разброс допускался, если он оставался в пределах постоянной Хобарт. Хобарт была первооткрывателем Вирта, и она добавила этот закон, чтобы поддержать баланс между сном и реальностью. Том сейчас занимался пятью пропавшими невиновными, которые «исчезли», но самым интересным из них был девятилетний

Брайан Ласточка, потому что у него была самая высокая хобартианова ценность. Том почувствовал тяжелое присутствие Вирта в опустевшей спальне мальчика, оно тянуло на 9,98 по шкале Хобарт. Сам Том весил 9,99, так что выходило, через обмен прошло что-то очень мощное. В те дни двери между двумя мирами еле держались, а стены теряли стабильность. Раньше, бывало, случался один обмен в пять лет. Сейчас выходил скорее один в месяц. Похоже, Манчестер стал очень тонкой пленкой между Виртом и Реалом. Может, потому что мисс Хобарт придумывала здесь перья Вирта. В любом случае у Томми Голубя было поганое ощущение, что, если исчезнет стена в Манчестере, процесс охватит всю страну. Голубь бросил все дела, разыскивая пропавших людей, но этот паренек Ласточка был хуже всех. До сих пор никаких зацепок, только перьевые намеки то здесь, то там. И это была еще одна причина, по которой Томми Голубь выискивал Рио-де-Бобденирo – следы нарушений в Вирте обычно свидетельствовали об ослабевшей двери.

Вариация Бобденирo «Охотник на оленей» была основана на Вьетнамской войне, и Том приземлился в сознание вьетконговского офицера, заставляющего Бобденирo и его соактера играть в русскую рулетку на вылет. Бобденирo убедил гуков зарядить в пистолет три пули. Два пустых патронника уже отщелкали; настало время поражать, смеяться и строить рожи, а потом отвести ствол от своей головы, в лоб офицеру, в которого как раз заглянул Томми Голубь. Теперь Том ждал, что в любой момент ему вышибут мозги: пистолет уже двигался (со скоростью света, согласно сценарию) в его сторону. Но потом мерцание слева, зеленое мерцание, желтые искры…

Аааааааааапппччччхххиииииииии!

Бобденирo чихает. Промах. Томми Голубь, заправленный игрой, тянется к собственному пистолету, стреляет. Голова Бобденирo взрывается. Остальные гуки валят соактера. В замедленной съемке волны пороха и крови. Два популярных вирт-актера лежат неопрятными кучами. Гуки не знают, что делать дальше; раньше всегда получалось по-другому. К этому моменту они всегда уже мертвы. Они похожи на призраков, в их движениях нет смысла. Томми Голубь, внутри головы главного гука, не может поверить в то, что только что сделал: он убил Бобденирo во всемирно известной сцене с русской рулеткой! Виртуальное святотатство. Удар по системе. Крылья Тома наливаются тяжестью.

Гуки направляют оружие друг на друга, в массовом порыве к сокращению рабочих мест. Цель их жизни – умереть от рук звезд – покинула их. Все, на что они теперь способны, – поубивать друг

друга, имитируя классическую развязку, и чихать во время стрельбы.

Томми Голубь чувствует, как пуля товарища входит в его сердце, но он уже выскакивает, вырывается в Реал. Где законы работают. Его крылья тяжелы, тяжелы, ужасно тяжелы; всего его вирт-знания едва хватает, чтобы оторваться от земли, от схлопывающегося сознания гука. Пуля убивает его. Последний рывок…

Прорвался. Назад, в отделение манчестерской полиции, Рио-де-Бобденро выползает из его сознания – тяжело дышать, хрипеть, возвращаться в плоть.

Том чувствует, что законы нарушены, но только не пиратами. Все гораздо опаснее. Он знает, что чихание – вирусное вторжение, нечто, чего не было в оригинальной программе игры. И исходит оно от желто-зеленого мерцания, которое он заметил на вирт-стенах. Там была точка инфильтрации, и Тому придется разобраться с этой дырой. Копы вокруг него, настоящие плотские копы, тоже чихают, совсем как в игре. Цветы прорастают через крошечные трещинки в стенах отделения. Копы поливают цветы микробами. Томми Голубь знает об аллергии все; знает также, как эксперты предсказывают урожайный год. Он знает, что дорожная полиция жалуется на цветы, прорастающие сквозь дорожные покрытия, что это вызывает кучу пробок.

«Господи Боже, аллергия уже добралась до Вирта. Вирус обосновался и там. На что нам теперь надеяться?»

А потом Томми Голубь опять чихает, на этот раз в Реале.

Аааааааааааппппччхххххиииииииииииииии!

Ему надо возвращаться в Рио. Надо найти этот прорыв.

Голоса сотен псов сливаются в подвывающий хор. Чихающая, лающая молитва за хорошего парня, помесь пса и человека. Стая соболезнующих псов стоит на задних лапах, ровными рядами по всему Южному кладбищу. Статуи каменных собак то тут, то там среди более привычных могильных камней.

Похороны Койота. Хороший выдался денек. Солнце плещется на могилах, укутанных мутировавшими побегами самых изумительных цветов. Оплакать Койота пришли из самых дальних уголков манчестерской карты, потому что этого вольного пса-таксиста знали на улицах и как пса, и как таксиста.

Шел второй день дела «Цветов Зла». В активе два тела: одно – полупса, второе – зомби. Большие копы аккуратно закрыли дело. Но я, Сивилла Джонс, теневой коп, я не могла прекратить поиск. Кроме того, безумно взметнувшееся содержание пыльцы, больше 500 гранул на кубометр по утреннему сообщению. Весь город чихал, и газеты требовали лекарства.

Гамбо Йо-Йо призывал людей вооружаться против цветов и полицейских. В своих передачах он в пику копам устроил охоту на убийцу, подкалывая Крекера с его дешевой фишкой про зомби-убийцу. Этот пират ушел дальше меня, и это меня злило. Но, несмотря ни на что, дело рассыпалось. Крекер поставил Зеро на новое дело. Я запросила Колумба загрузить мне фотографию Боды; в ответ – отказ. Но это «дело цветов» разъедало мою Тень. Я вновь и вновь видела вспышки зеленых взрывов, которые поймала в головах Койота и зомби. А чего стоили цветы, растущие по всему городу… Определенно, тут была связь. Но какая? И ниточка к Боде, которую копы упорно отрицали. Имя Боды, пойманное в голове умирающего таксопса, убитого цветами. Цветы, цветы, цветы. Моя Тень расцветала и зацветала. Что случилось с цветами? И что это значит? Как цветы могут приносить проблемы? Я работала одна, странный союзник Гамбо; если копы спят, охраняй себя сам. И вот я неофициально пришла на похороны Койота.

Мне было страшно. Меня пугали все эти кошмарные псоглавцы и сукодевки. Огромная толпа выла-причитала, оплакивая утрату. Мою Тень обтягивал страх, хлопья дыма тянули царапины по коже, псы с сердитым сопением втягивали ноздрями запах копа и запах тени. Там были все сочетания. Не слишком много чистых людей и чистых псов, зато сотни безумных помесей-мутантов. По большей части злобные твари – челюсти пса на человеческом лице, побеги человечности отблескивают на морде, поросшей шерстью. Даже теперь, с расстояния в сто шестнадцать лет, я еще чувствую следы моего омерзения, мой внутренний страх перед собаками. Особенно в таких количествах. К Зеро у меня выработался иммунитет, но тогда, в день похорон, меня душил мех, и моя Тень истекала паникой. Я боялась, мне хотелось, чтобы З. Клегг был рядом со мной, но песокоп сказал, что похороны – полный глушняк, и повторял как мантру: «Дело закрыто».

Ну да, дело было закрыто, но меня терзало смутное предчувствие, что Бода может появиться на похоронах жертвы. Я уже отказалась от мысли прошерстить Лимбо – тут Зеро был прав, – но если Бода действительно так любила песопарня, она вполне может прийти, чтобы проводить его в последний путь. Улицы донесли, что ее череп украшает карта центра Манчестера. Пять желтых перьев Гамбо еще ждали нового хозяина, так что охотников наверняка полно. И я одна из них. Проблема: если Бода появится на похоронах, она наверняка приедет в гриме и, может, даже на другой машине. А может, она уже мертва, стала жертвой голодных обитателей Лимбо. Пять икс-кебов стояли у

ворот кладбища, так что они еще считали, что она где-то поблизости.

Горячее солнце жгло мою Тень. Цветы на могиле налились и распустились. Казалось, их слишком много и они появились слишком рано: не то еще время года для такого изобилия. Большие жирные соцветия свисали со стеблей, обвивающих каменные надгробия. Меня тошнило от запаха, я впивала аромат, растворяясь в нем. На ближайшем надгробии надпись: «Брайан Альбион… любимый сын… не умер… сменил мир». Слово «любимый» было частично замазано липким собачьим дерьмом. И повсюду рыла гибридов выхаркивали мокроту из глоток – казалось, солнечное небо моросит дождем собачьих соплей. Они испоганили мою лучшую черную униформу.

Вот гробовщики пробираются через толпу псов с гробом Койота на плечах. Крышка усыпана орхидеями, и гробовщики никак не могут перестать чихать. Надо отдать им должное, гроб при этом не раскачивается. Псы расступаются, словно их тренировал Моисей; лай и подвывания прекращаются, слышно только тяжелое дыхание сотен глоток. Я видела процессию, которая шла за гробом Койота. Молодая женщина и девочка-щенок, обе в трауре.

По моей информации, женщина – бывшая жена Койота. Ее зовут Твинкль. Она чистый человек, ей всего двадцать два года. Она познакомилась с Койотом в шестнадцать. У него в то время еще не было такси. Это был безбашенный покоритель улиц, находившийся в поиске. У Твинкль был пунктик насчет песопарней. Она дружила с хорошим робопсом по имени Карли, когда была маленькой, и, может быть, ее одержимость от этого. Песопарни ей никогда не надоедали, а Койот был лучшим из всех. Они любили и смеялись, и поженились в июне. Сделали всё как надо: произвели на свет полукровку, поселились в Боттлтауне. А потом Койот нашел черное такси. Дела пошли в гору, но подъем закончился, и он начал брать опасные заказы, возвращаться домой раненый. Твинкль насмотрелась на раны в детстве, и теперь ей хотелось простой спокойной и бескровной жизни. Разногласия привели к ссорам, ссоры – к разборкам, а разборки – к разводу. Классическая схема.

Девочку-щенка звали Карлетта. Четыре года. Дочь Твинкль и Койота. Разве она не красавица? Персиковая человеческая кожа, усеянная черными пятнами. Карлетта крепко держалась за руку матери, уверенно вела ее следом за медленно плывшим гробом. У нее была собачья любовь к хозяину, хотя ее собачьи корни выдавали только несколько тонких полосок шерсти на щеках. И тут она чихнула, и мне захотелось подбежать к ней, обнять ее

дымными руками, прижать к себе, вытереть ее мокрый нос. Твинкль вытерла ей нос, и я почувствовала ревность. Я оказалась способна на такие чувства?

Вот гроб достиг края могилы. Псы вокруг тяжело дышат, чихают, даже подвывают. Это не вой голода, это вой сочувствия. Я поборола дискомфорт от собачьих звуков и могу поискать в толпе Боду. Морг под наблюдением копов, вооруженных против возможных собачьих беспорядков. Ни следа девушки с картой на голове.

Гроб погружается в землю, священник-пес читает литанию…

«Плоть к плоти, кость к кости…»

Среди копов движение. От деревьев за моргом доносится собачий вой. Начались проблемы? Я перевела внимание на плакальщиков. С этой стороны все спокойно, но теперь я заметила одного из копов в гражданском чуть в стороне от основной группы. Он пошел к проблемной точке типичной развязно-уверенной походкой…

«Когти к когтям…»

Я вижу Твинкль, прижимающую Карлетту к груди. Жест любви. Позади сквозь волны ярости идет большой коп, его контуры размыты, словно он покрыт мехом…

Зеро?

«Прах к праху…»

Что здесь делает Зеро Клегг? Он все утро бубнил мне, что поездка на кладбище совершенно бессмысленна. Я посмотрела вниз, в могилу…

Твинкль бросила на крышку гроба одинокую собачью фиалку. Голубой цветок с прожилками желтого. Я подняла глаза…

Зеро растворился в тумане.

Роберман Пинчер идет с церемонии через ворота кладбища туда, где припаркован его икс-кеб. Он уладил дела с системой, чтобы получить отгул на похороны Койота. Кое-какие собачьи связи. Прямо в этот момент, за несколько шагов до входа Нелл-лейн, в голове робопса появляются чуждые мысли. Как струя дыма, всплывает его имя…

«Роберман…»

Роберман выдает три низких рыка, которые можно перевести единственно как «Робопес-Христос!».

«Не пугайся, иксер».

Роберман оглядывается, ищет того, кто с ним говорит. Рычит: «Кто-куда-ехать?» Перевод: «Кто здесь?» Но видит только надгробия вокруг, каждое с посланием смерти.

«Это Бода».

Рычит себе под нос:

– Куда ехать?

«Я слушаю. Я в твоей Тени, Роберман».

Рычит:

– Что за?

«В твоей Тени, пес-драйвер, говорю тебе. Иди смотри, драйвер. Большой вяз слева от тебя. Правильно. Продолжай искать. Горячо. Сразу за этим надгробием, правильно».

Роберман заходит за надгробие, и около вяза стоит женщина, ждет его. Длинные белые волосы, ковбойские сапоги, широкая клетчатая юбка, жилетка без пуговиц. Роберман бросается бежать прочь от этого видения, но щупальца чужой Тени достигают его сознания…

После похорон я вернулась в отделение и обнаружила на столе сообщение от Крекера. Мне было предписано прибыть с докладом в его офис, чем быстрее, тем лучше. Когда я приехала, Зеро уже был там. На его лице был респиратор.

– Ублюдок!

Я немедленно пошла на него, невзирая на присутствие Крекера.

– Что?

– Что ты делал на похоронах Койота, Клегг?

– Сивилла… – Его дрожащий голос был приглушен респиратором. – Я не…

– Я тебя там видела. Ты мне говорил, что идти туда бессмысленно.

– Я только пытался… – начал Зеро и, несмотря на респиратор, чихнул. Как через глушитель.

Крекер заговорил за Клегга.

– Инспектор Клегг просто следил там за порядком, Джонс. Это была моя инициатива. Я боялся собачьего бунта, а с псами никто не умеет справляться лучше Клегга. Он выполнял роль охранника.

– Вы что-то от меня скрываете, – сказала я. – В пизду вас обоих. Выкладывайте все как есть.

Крекер поднимает пальцы к свежему синяку на лбу. Ему славно досталось. «Жена ударила». Извиняется. В его сжатом рту покачивается градусник. Тонкое дрожащее тело втиснуто в кожаное кресло. Он предлагает мне сесть. Я отвечаю, что лучше постою.

– Ты все еще ищешь убийцу Койота, Джонс, хотя мы выяснили, что его убил зомби.

– Вы знаете, что это не зомби, сэр. С делом как-то связана иксер Бода. Вы слышали, что Гамбо рассказывал о ее утренних передвижениях?

– Не важно, что там думает Гамбо Йо-Йо. И не важно, что думаешь ты, Джонс. Не важно даже, что думаю я. Гораздо важнее сохранить в городе мир и спокойствие. Я закрыл это дело. Клегг целиком и полностью переходит на поиски Гамбо. Мне надоело, что этот пират лезет в коп-систему. Что касается тебя…

Крекер перевел взгляд на бедного песопарня. Зеро опять чихнул на всю громкость, и Крекер грубо сказал ему:

– Я с тобой закончил, Клегг. Можешь идти. Зеро выбрался из кресла и со слезами поплелся к двери, умоляя Хозяина простить его. Когда за ним закрылась дверь, Крекер посмотрел на меня.

– Садись, Сивилла. Давай поговорим по-дружески. Я села в освободившееся кресло Клегга. Обивка еще хранила тепло его тела.

– Так вот, – начал Крекер. – Колумб уже сообщил мне, что ты была днем на похоронах Койота. Твоя «Комета» засветилась на карте именно там и именно тогда. Именно поэтому я тебя и позвал.

– Вы работаете в тесном контакте с Колумбом, сэр?

– Ты знаешь, как это бывает, Джонс… Копы и кебы работают вместе ради общественного блага.

– Отличный лозунг, сэр, но можно ли мне узнать…

– Можно ли мне узнать, что ты делала на похоронах этого пса? Это была несанкционированная поездка.

– Клегг тоже был там.

– По моему приказу.

– Я искала драйвера Боду, сэр.

– И что нашла?

– Ничего, сэр.

– Хорошо. Просто отлично.

Крекер был растерян, я видела это в потоках дыма в его Тени. У него был от меня какой-то важный секрет, а усилия, с которыми он удерживал темную сеть на месте, причиняли его мозгу боль.

В нашем текучем мире темная сеть – это жирный стоп-сигнал, перекрытая дорога на карте, дверь, закрытая для дыма; разновидность антиваза, которую мыслитель может выставить против взгляда чужака. Руки Крекера вертели градусник, постукивали им по столу, где отдыхала закрытая папка, а потом снова засунули его в рот. Потом он вытащил его и посмотрел на шкалу. На его лице застыла хмурая гримаса.

– Я беспокоюсь, Сивилла. Очень беспокоюсь.

– У вас аллергия, сэр? – спросила я.

– Пока нет, слава богу, но у меня уже свалилось двенадцать полицейских. Ты-то сама ничего не чувствуешь?

– Ничего, чтоб не сглазить, – я постучала по его столу.

– Хорошо. Отлично. Клеггу тяжело приходится. Ты видела слезы? Как он шмыгает носом? Это не подобает защитнику правопорядка. Согласна?

– Я уверена, он делает работу как надо. Он хороший полицейский.

– Вполне, вполне.

Крекер сделал паузу, короткую, будто собираясь с мыслями.

– Можно я буду честным с тобой, Сивилла?

– Хотелось бы.

– Ты представляешь, что значит эта должность? Шеф полиции? Ты можешь себе представить, под каким давлением мне приходится работать? На мне висит много людей. Очень много людей. Я имею в виду не только преступников, еще я имею в виду власти, и общественную собачью дружину, и собственно психов-псов, и роботов, и вирт-людей, и теней. А еще всякие самозваные охранники вроде этого треклятого хиппи Гамбо. И естественно, икс-кебы. Иногда мне кажется, что весь город лег мне на плечи. Сивилла, ты, наверное, заметила – мои плечи очень слабые.

Я ничего не ответила. В окне офиса открывался вид на город, мерцающий маревом жары. Дороги плавились, дома исходили желтой порослью.

– Я чистый, естественно, – продолжал Крекер. – Ты это знаешь. Ни робо, ни пес, ни силы Тени, ни прямого доступа к Вирту. В моих жилах слишком много Плодородия 10, нельзя не признать, но кроме этого… Иногда мне кажется, что я последний настоящий человек в этом городе. Чистый человек. Сивилла… Толпа гибридов со своими проблемами надеется на копов. Поэтому я и нанимаю таких, как ты: теневых копов, робокопов, и песокопов вроде Клегга, и вирт-копов, таких как Томми Голубь. Но мир в наши дни стал очень подвижным, текучим. Слишком текучим. Это опасно. Открываются границы между видами. Частично надо винить Плодородие 10, знаю по себе. У меня двадцать детей, и эту ораву надо содержать.

– Двадцать один.

– Что?

– Двадцать один ребенок, сэр.

– Замнем для ясности. Не хочу тебе плакаться. Трудности учат нас жизни, так ведь? А знаешь самую тяжелую из всех моих забот? Нет, нет… Это не растущий уровень преступности и это не аллергия. И даже надвигающийся собачий бунт я готов принять – я сделал карьеру на кипящих эмоциях. Нет. Больше всего меня тяготят икс-кебы. Ага! Тебя это шокирует. Вот так. Икс-кебы постоянно стоят за моей спиной. Естественно, я говорю о Колумбе. Но что я могу сделать? Без икс-кебберской карты я не

могу охранять порядок в этом городе. Они мое бремя. Давай говорить как есть, Сивилла… Я у них в кармане. Мы все там, все копы до единого. Ты понимаешь?

– Стараюсь, сэр.

– Хорошо. Это то, чего я хочу. Дух. Ты чертовски правильный коп, Джонс.

– Чего конкретно вы хотите от меня, сэр?

– Теневой коп Сивилла Джонс… Я искренне хочу найти эту Боадицею.

– Но…

– Пожалуйста, дослушай меня.

– Но вы хотите закрыть дело Койота?

– Оно закрыто. Койота убил зомби. Я сумею скормить это общественности. Не волнуйся. Гамбо Йо-Йо – это масса воздуха. Опасного воздуха, нельзя не признать, но я с ним как-нибудь управлюсь. Есть и другие вещи… Ладно, скажу проще. Колумб требует вернуть Боду и особенно ее такси.

– Колумб? Боже…

– Сивилла, пожалуйста, без богохульств. Нам нужны икс-кебы. Спокойно. Я прекрасно понимаю твою злость. То, что я говорю, очень просто. Я обманывал тебя, Джонс, и это причиняет мне боль. Но лучше пусть будет плохо мне, чем тебе, такой хорошей.

– Что вы говорите?

– Гамбо сказал правду о местонахождении Боды утром в понедельник. Она была у парка. Но нет, я думаю, Гамбо напрасно считает ее убийцей. Мне кажется, она знает, как умер Койот.

– И вы послали по этому следу Клегга? Не сказав мне?

– Мне пришлось. Слишком много на меня свалилось. Но этот пес слишком болен, чтобы вести такое большое дело. Он не сдвинулся с мертвой точки.

– Почему вы не могли послать меня?

– «Икс-кеб» стыдится того, как ушла Бода, и того, что она повредила карту. Колумб боится, что общественность отвернется от его бизнеса. Он не может позволить себе такие накладки, как понедельничный хаос на карте. Люди найдут альтернативный транспорт. А если Колумб не может себе что-то позволить, то тем более не могу я.

– А что с этим делом не так?

– Сивилла, я не могу охранять этот город без карты иксеров. Вот почему я согласился помочь Колумбу вернуть машину Боды на трассу. Он не может запустить карту на неполной системе. Теперь слушай внимательно, Сивилла Джонс. Я хочу, чтобы ты нашла такси Боды для Колумба.

– Почему я? Почему теперь?

– Я верю, что ты лучше других подходишь для этой работы. Преступления Боды… Кража автомобиля, повреждение городской карты. Нужно ли напоминать тебе, Сивилла, что это серьезные правонарушения? Возможно, также информация об убийце Койота. Это наша часть сделки. Колумб получает такси. Мы получаем Боду. Ты будешь работать одна. Никаких препятствий.

– Почему только сейчас?

– Тебе приходится спрашивать?

– Сэр?

– Твоя Тень не тянет против меня, Джонс. – Он подтолкнул ко мне закрытую папку. – Посмотри. Мы скачали это у Колумба.

Внутри папки была фотография шесть на четыре, с надписью: «Драйвер икс-кеба: Боадицея», напечатанной снизу, следом номер машины. Она была сделана еще до татуировки на голове: милое, невинное лицо, даже с иксерской стрижкой.

С первого же взгляда с лица девушки спала маска прожитых лет.

А потом Крекер убрал темную сеть из своего сознания, и я увидела мысли, которые он скрывал от меня.

– Она моя дочь? – спросила я.

– Потому что она твоя дочь, Джонс. Именно. Ее настоящее имя Белинда, если не ошибаюсь? Вот почему я не хотел, чтобы ты вела это дело. Слишком личное. Так я и сказал Клеггу. Наверняка ты что-то подозревала?

– Господи пиздец!

– Тише.

Мир ускользал от меня.

– Почему я должна стремиться арестовать собственную дочь? Сэр?

– Потому что она нарушила закон, Джонс. Разве этого для тебя недостаточно? Ты будешь следовать каждому приказу – таков твой долг перед обществом. Но есть кое-что еще. И это секретные сведения, Джонс. В Боде была Тень еще до того, как ее приняли в иксеры. Но ты должна это знать, ты сама дала ей Тень. Знаешь, что это значит? Мы не можем допустить, чтобы Тень оказалась замешана в убийстве пса. Если псы узнают об истинной сущности твоей дочери… Можешь представить себе последствия, Джонс. Ее линчуют. Я хочу арестовать эту драйвершу-беглянку. Может, мы сумеем снять с нее все обвинения. Это нормальное дело, Джонс. Мы будем следовать процедурам закона, но надо очень внимательно подойти к их применению. Я обеспечу тебе любую поддержку, какая понадобится, я даже отдам тебе Клегга на подхват, несмотря на его болезнь. Но только ты можешь

закончить это дело, Джонс. Материнский инстинкт, все такое. Кто еще может найти нашу злодейку?

Я встала, соглашаясь на задание. Делая решительный официальный шаг к краю пропасти.

Вечер того же дня. Роберман работает в вечернюю смену, с шести до двух. В 9:07 он направляется за пассажиром к Манчестерскому корабельному каналу, к доку Олд Траффорд. На воде заунывно поблескивает луна, пробегает рябь от ветра, шуршат камыши. Роберман выходит из машины, отсоединившись от системы. Вот он стоит на набережной, ждет, когда тени станут длиннее. Пассажира не видно, только ветер и мусор, но вот далекая фигура выходит из-за свалки, и одна из скоротечных теней поднимается султаном из-под лобзика тьмы. На этот раз Роберман принимает Тень гораздо проще, понимая, что бежать некуда. Он мысленно рычит на образ далекой девушки, возбуждается, смущенный и злой.

«Ты там, Бода? – думает он, позволяя мыслям идти тропами Тени, которых не знает любопытное сознание Улья Колумба. – Правда? Ты назад, Бода? Чего ты хочешь от меня?»

«Подойди поближе».

Роберман идет к фигуре, отлитой из дыма у стены сломанного подъемника.

Бода неподвижно ждет его. На ней светлый парик Кантри Джо, прячущий под собой все ее приметы, и взгляд у нее отчаянный. Они общаются, робопес и драйвер-беглянка, на отличном человеческом английском. Бода преобразует рычания Робермана в ясные картинки с помощью Тени.

– У тебя появилась Тень? – спрашивает Роберман своим новым чистым голосом.

– Еще дотаксишная, Робер. Я могу слышать твои мысли.

– Так уйти, оставить Улей. Это было жестоко.

– Меня заставили уйти.

– Какая мне разница? Иди на хуй, предательница.

– Это Колумб – предатель. Он пытался организовать мое убийство.

– Колумб не стал бы так делать.

– Мне нужна твоя помощь, Роберман.

– Тень-в-дерьме, бля.

– Извини, что бросила тебя.

– Ой ли? Наверное, тебе не хватает карты, Бода?

– Есть такое дело.

– И как ты перемещаешься?

– Экспрессом.

– Пес-Христос! Эти дребезжалки еще ездят? Все автобусы

вроде утилизовали годы тому как.

– Я меняюсь, Роберман. Я любила карту, но свободные дороги мне нравятся больше. Я стала сильнее. Я не могу вернуться в иксеры. Колумб из плохих ребят.

– Ты ищешь неприятностей, Бедовая Джейн (Бедовая Джейн – Марта Джейн Кэнери, одна из легенд Дикого Запада).

– Это верно. Я вооруженная, затянутая в кожу сука из прерий, которая ищет опасности. – Бода вытаскивает пистолет, который забрала у Кантри Джо. – Мне надо поговорить с кеб-боссом, пронто, пронто.

– Кеб-бог! Убери эту фиговину!

– Это кольт 45, Робер. Нравится?

– Убери! Не надо… Не надо направлять его на меня!

– Расскажи, как мне встретиться с Колумбом?

– Никто не встречается с Колумбом! Он не настолько реален.

– Ты учил меня водить такси, Робер. Мне надо обсудить с Колумбом смерть Койота. Кажется, бывший шеф каким-то образом с ней связан. Койот сказал мне, что Колумба можно увидеть, если правильно проделать все процедуры. – Она достает из пистолета все патроны, кроме одного. – Может, ты знаешь дорогу?

– Что ты делаешь?

– Просто тренируюсь.

Бода прикладывает пистолет к своему виску и… Роберман кричит:

– Бода!

…жмет на спуск.

Щелк.

– Кеб-бог по дороге в ад!

Роберман обнаруживает, что снова дышит.

– Как ты думаешь, Робер? – говорит Бода, направляя пистолет на пса-таксиста. – Одна пуля, шесть гнезд. – Хочешь испытать удачу?

Ветер раздувает отражение луны на воде канала до тех пор, пока Роберман не оказывается весь посеребрен. Цветы шепчутся около его задних ног.

– Ты окончательно рехнулась, женщина! – говорит он.

– Теперь, когда Койот мертв, – отвечает Бода, – мне больше незачем жить. Единственное, чего я хочу, – найти того, кто его убил. Ты должен рассказать мне, где прячется Колумб. И если пистолет тебя не убедил, может, это поможет…

– Убирайся из моей головы! – кричит Роберман, когда свирепая боль вонзается в его череп.

– Знаешь, мне начинает нравиться сила Тени.

– Прошу, Бода… Мне очень больно…

– Хорошо, так лучше? Как, тебе нравится? – Выражение робоблаженства появляется в глазах пса-таксиста. – Тебе нравится теневой трах, пес-драйвер? Сексуально, как ад, готова спорить. Почувствуй, как я вхожу… О да. Мило. Интересно… Если я войду в тебя достаточно глубоко, может, я найду кое-какие секреты. Твоя дотаксишная жизнь, Робер? Хочешь узнать про нее?

– Нет. Прошу, нет. Бода!!! Уйди из меня! Я не хочу знать!

– Я любила Койота, – говорит Бода спокойно, тщетно исследуя волны сознания Робермана. – Я должна найти, кто убил его. Колумб утверждает, что я была на месте преступления. Он говорит, что я убила любимого пса. Ты что, не видишь, что босс отмазывает себя? Колумб связан с убийством. Поможешь мне найти его убежище?

– Даже если я очень захочу, мне нечем помочь тебе, Бода. Я простой драйвер. Может, даже Гамбо Йо-Йо не знает, как его найти. Колумб слишком хорошо спрятался.

– Почему ты не рассказал копам правду о том, где я была во время убийства?

– Разве я могу пойти против карты, Бода?

– Я думала, мы друзья.

– Друзья? Как я могу быть твоим другом, если ты ушла из карты?

– Выходит, Колумб сильнее дружбы? – Задавая этот вопрос, Бода снова приставляет пистолет к своему виску.

Пластиковые глаза Робермана закрываются. Ему нужно время все обдумать: уж больно ядовитый вопрос. Он вдыхает хорошую дозу пыльцы. Потом чихает, по-робопесьи сильно. Капли мокроты и соплей испещряют иксерскую униформу. Момент сомнения – Бода против Свича Колумба. Свич оказывается сильнее.

– Койот был женат, – говорит Роберман Боде. – Вот. Это знание для тебя. Ты была в курсе?

– Что?

– Ага. И ребенок. Девочка-щенок. Ее зовут Карлетта. Так говорят на кеб-волне. Колумб рассказал все нам.

– Он никогда бы…

– Они живут в Боттлтауне. Колумб отправил нас туда ловить тебя. Они были на похоронах. Ты их не видела?

– Я не могла подойти близко. Койот никогда не рассказывал…

– Естественно, нет. Ну что, теперь ты меня отпустишь?

Бода нажимает на крючок…

– Бода, пожалуйста!..щелк.

– Кто рассказал тебе о заказе в Лимбо, который выполнил

Койот? – спрашивает Бода.

– Колумб… Колумб дал его мне.

– Ты что, не видишь, что происходит, Роберман? Зачем Колумб это сделал? Заказ в Лимбо? Это полная ерунда.

– Не знаю… Не знаю зачем.

– Можно ли тебе верить?

– А у тебя есть выбор, Бода?

Бода отказывается от Тени в пользу дружбы. Разворот к доброте. Тень уменьшается. Зона доброты по ту сторону икс-кебов.

– Что-то не так, Бода, – говорит Роберман. – Что-то не так с Колумбом.

– Давай подробнее.

– Новая операционная система. Карта становится текучей. Иногда… карта… он ее меняет.

– В смысле?

– Мне страшно, Бода. Я получаю сообщения. Шепот в рядах. Никто не знает. Колумб жаждет власти.

– Он собирается изменить карту? Почему мы должны этого бояться?

– Не знаю. Правда не знаю, – отвечает Роберман. – Но Колумб не оставит тебя в покое. Что бы он ни планировал, ему понадобятся все машины.

– Передай Колумбу, что я найду его, – говорит Бода.

– Передам, – отвечает Роберман. – Будь осторожнее…

И Бода исчезает в изгибе тени, падающей от стены сломанного подъемника. Подъемник отражает слабый свет луны, и луна плывет в безоблачной вышине над водой, которая плещет в стену канала, ведущего в город Манчестер.

Не знаю, какое имя теперь твое, дочь. Надо ли называть тебя Белинда или все-таки Бода? Я вернулась в свой дом на Виктория-парк после того, как получила задание от Крекера. Вся собранная информация по «делу цветов» лежала на столе. Ребенок Сапфир звал из своей комнаты, но я пыталась сосредоточиться на всех поворотах этой истории, придать делу хоть какую-нибудь форму. Снова и снова я возвращалась к фотографии драйвера Боды, взятой из базы икс-кебов. Точно ли это моя дочь? Я изо всех сил пыталась стереть с лица девять лет изменений. Добавить волос на бритый череп. Я знала, что Боде сейчас восемнадцать и что она присоединилась к Улью, когда ей было девять. Естественно, я не могла ни на минуту забыть, что моя дочь Белинда покинула меня на грани своего девятилетия. И что потом она исчезла из всех баз данных.

Почему, почему? Что двигало тобой, дочь моя? Ты так

ненавидела меня за наследственный дар Неведающего? Или это была постоянная борьба против неправильной любви, протест свидетельницы споров матери и отца? А когда твой отец ушел, ты отправилась куда глаза глядят, почувствовав себя нелюбимой?! Я могла бы любить тебя, дитя мое. Я сумела бы, несмотря на пыль и сомнения.

Дочь моя, теперь тебе восемнадцать. Есть ли лучший способ исчезнуть, чем раствориться в икс-кебберской тайной карте дорог? Мне надо было привести в порядок чувства к этому делу, потому что я не могла заставить себя не смотреть на фотографию: взгляд драйверши кружил мне голову полузабытыми воспоминаниями. Долгие годы я искала твои следы, дочь. И моя попытка разыскать ниточку по имени Боадицея обернулась тем же самым поиском?

У себя в комнате все еще плакал Сапфир. Я встала и пошла к нему. Я баюкала сына в руках. Мой первый ребенок. Сапфир Джонс.

Я никогда не говорила тебе, Белинда, что у тебя есть брат. Вы оба были детьми Плодородия 10, как, впрочем, и ваша мать. Плодородие 10 было ответом властей на черный воздух Танатоса, на чуму стерильности, которая накрыла Англию за годы и годы до того, как я появилась на свет. Под влиянием Плодородия 10 было зачато десять тысяч детей. Желание было перегрето. Чистые хотели большего, чем чистота: они хотели псов, хотели робо, хотели порождений Вирта. И от этого рождались дети. Плодородие 10 сломало клеточный барьер между видами. Власти запретили использование Плодородия 10. Естественно, их никто не послушался. Плодородие 10 стало незаконным наркотиком, жидкостью или пером, и в конце концов надежно осело в генной структуре. Наркотический «Казанова» – больше не было пределов тому, что можно любить. Даже мертвые были желанны.

Наша история, Белинда…

Даже мертвые были желанны, особенно недавно умершие. Они мерцали волнами разложения. Чистые и псы, робо и вирты – все они предались удовольствию некрофилии. Химические руки Казановы протянулись далеко, в самые темные гены. От этих совокуплений рождались дети; смешанные создания, исторгнутые из мертвого лона. Они бывали двух видов: мальчики и девочки, уродство и красота. Власти назвали их «неполноценные существа», НПС. Зомби, призраки, полуживущие – так их тоже называли. Таким был и мой Сапфир. Их уродство было позором для властей; НПС было запрещено жить в городах. И они влачили свою безрадостную полужизнь в унылых местах, на пустырях, которые называли Лимбо. Но если ребенок рождался девочкой…

Тогда в ней была только тень смерти. Такая девочка прекрасна из-за темного присутствия, дымного тела, которое она несла в себе. И поскольку в каждом живом существе есть тень смерти, хотя и неосознанная, теневые девочки могли соединяться Тенью с живущими. Они могли читать в сознании других потаенные желания. Власти боялись Тени, но невозможно бороться с расплывчатым врагом. У этих красавиц по венам тек дым.

След смерти, уцепившейся за жизнь. Помни это, моя милая.

Белинда, твоя бабушка была мертва, когда дала мне жизнь.

Я никогда не рассказывала эту историю тебе, по крайней мере полностью. Ее детали были слишком кровавы для твоей красоты. И ты не дала мне возможности, ты ушла слишком рано. Вот мой ответ.

Твоя бабушка была свежепохороненным трупом, твой дедушка принимал «Казанову» и любил мертвых. Их свадебным ложем стала разрытая земля Южного кладбища. Через два месяца родилась я. С Плодородием 10 это происходит быстро. Рожденная в колыбели почвы и цветов, с даром Тени. Моя жизнь одиноко текла до момента, когда я узнала: я не могу принимать вирт. Чувства дронта. Проклятие. Моя одинокая жизнь теней и дыма. Сон стал пыткой. Я не могла видеть сны. Я передала эту неспособность тебе, Белинда, и за это проклятие ты ненавидела меня. Фокусы, которые я научилась проделывать – отвечать учителям еще до того, как они задали вопрос, или бросать дохлой кошке на улице кусок новой жизни, влив в нее свою Тень, или заставить рты прохожих произносить мои слова, – стали для меня утешением. Одиноко, так одиноко. После эпизода с зачатием Сапфира, наверное, я просто упала в руки твоего отца. Он был очень чистым человеком, и я думала, что, может, он слегка ослабит проклятие: проклятие несна и проклятие смерти – мне надо было многое свести на нет. Но этой мечте не суждено было сбыться. Атрибуты смерти передаются от матери к ребенку, от ребенка к ребенку. Я знаю, ты ненавидела меня за свою неспособность видеть сны, но, если честно, все могло быть много хуже: ты могла родиться мальчиком. Тень благословила тебя. Тебе этого было недостаточно? Естественно, да, но прошу тебя, помни, что твой отец мучился тем, что не смог дать тебе способность сновидений. Он считал, что это его поражение как мужчины. Тебе тяжело далось его отсутствие, я помню, но что он еще мог сделать, кроме как уйти? Это было причиной? Было ли?

Возвращаюсь из воспоминаний на Виктория-парк и еще крепче прижимаю моего умирающего сына к себе. Сапфир Джонс, Сапфир Джонс, Сапфир Джонс.

Двое моих детей. Один потерян и обретен вновь. Второй все

еще потерян.

Белинда, теперь я тебя найду.

Много лет назад, после серии реконструкций, было решено, что зоопарк на Бельвью нежизнеспособен. Когда же люди переключились на электронные удовольствия, а потом на перьевые путешествия по Вирту, зоопарку осталось только закрыться. Последнее касание смерти. Главное слово сказали деньги. Владельцы распродали или отпустили всех грустных животных. Закрыли ярмарку, потом гоночный трек, потом концертный зал, танцплощадку, собачьи бега, ресторан, борцовскую арену. Осталось только одиночество: ветер, овевающий высохшую траву, дующий сквозь решетки пустых клеток. На долгие годы Бельвью стал пустырем, украшающим районы-призраки восточного Манчестера. Единственное, что здесь менялось, – окислялся металл и рассыпался ржавчиной, и нищета разъедала остатки надежды. Только проститутки нашли применение этому запущенному пейзажу. Бельвью стал их привычными угодьями.

Но потом появилось отличное сочетание пса и пластика. Появилось интересное предложение, которое прошло утверждение у властей, – и собачьи бега открылись вновь. Каждую среду, пятницу и субботу ночной воздух был напоен звуками и запахами робопсов, вонзающих в землю навазженные когти, загоняющих насмерть какого-нибудь зомби-кролика. После появления Плодородия 10 появлялись на свет еще более странные, причудливые формы. Иногда слишком причудливые, обладатели слишком интересного набора генов, чтобы их игнорировать. Так что снова открылся зоопарк – и его населили детьми «Казановы», неполноценными. Вуайеристы мечтали о нем, предприниматели вкладывали туда деньги. О, это возбуждение от вида омерзительного зомби, запертого за решеткой! Новый зоопарк в Бельвью пользовался огромным успехом.

Среда, 3 мая. Ночь. Мы определили время как 10:12 вечера. Псы свободно бегают по освещенному прожекторами стадиону, а зоопарк закрыт на ночь. Клетки наполнены громким сопением. Полуживые твари спят. Кошмарные помеси мертвых женщин и псов, котов, робо и виртов. И чистых. Их зовут монстрами, этих созданий, хотя я знаю, что это неудачное слово. Во мне та же плоть, меня спасает только мой пол. Может, этой ночью проснулся кто-то из этих бедняг. Может, его заинтересовали звуки из близлежащего цветника. Вот его глаза привыкли к мраку, в пространстве прорезались формы цветов. Фигуры двух людей, слившихся в одну фигуру, и падающие на них лепестки. Прожекторы собачьего трека дают тускло-желтые отблески.

Ополоумевшие робопсы с шумом мечутся по треку. Пробивается другой звук: тихий шепот, смешанный с жесткими приказами. Может, в твари достаточно человека, чтобы опознать этот звук. Может, за годы, проведенные в клетке, она видела такую картину много раз: проститутка с клиентом. Может, она знает достаточно, чтобы понять, что эти однообразные крики – звуки любви, одного из видов любви, оплаченной любви. А может, это тупая тварь, рожденная с мертвым мозгом, живущая только ради теней и мяса, не понимающая ничего из того, что видит. Может, она тогда просто чихнула, и вокруг юной пары заколыхались цветы, и лепестки падали, как лезвия в ночи…

Она, наверное, видела и другую фигуру, протекшую сквозь воздух. И наверное, слышала крики.

Свидетельница добралась до нас в 10:46, упала на гортонское отделение сама, как листок, и ее Тень трепетала от Страха. Это тамошний сержант позвонил мне: он знал, что я участвую в «деле цветов». Я еще была на ногах, никак не могла заснуть. Вместо этого я пила, курила и размышляла; перебирала записи по делу, билеты на виртбол, отметки в дневнике, смотрела на фотографии, вспоминая детство Белинды. Смотрела на Сапфира в его спаленке. Он чихал, по его лицу текли слезы, меня пугало его состояние. Я не хотела оставлять его одного, но моя работа, увы, не в том, чтобы быть образцовой матерью. В 11:05 я оказалась в гортонском отделении, протискивая свою «Пылающую комету» сквозь толпу слюнявых человеко-псов. Зеро уже ждал меня на месте. Я отвернулась от него.

– Это одна из ваших, Дымка, – сказал он. А потом поправил свой новый респиратор на ленточках, пока шел за мной в комнату для допросов. – Ты-то не хочешь надеть респиратор, Сивилла? – Он говорил и смотрел на собственное запястье. – Пес-Христос! У нас тут соплей полон дом. – Он купил себе новый счетчик пыльцы, модель в форме наручных часов. – Боже! 785! Сивилла, 785 гранул! 789… 791… эта сука растет.

После разговора с Крекером у меня появилась к Зеро масса вопросов, но надо было слишком многое сделать. Поговорить с девушкой в комнате. Она оказалась юной теневой шлюхой: дрожала и плакала в паузах между взрывами ураганного чихания. По комнате плавали облака запаха.

– Мы перепробовали всё, – сказал Зеро. – Всей ценной информации – что ее зовут Миазма и что кого-то убили. Твердит что-то про цветы. Девочка в шоке.

У нее была хилая Тень: хватает, чтобы знать желания мужчин, но вряд ли достаточно, чтобы пустить ее в ход. Толпа копов пялилась из-за двери, все в респираторах по самые жабры, так что

я просто захлопнула дверь перед их чиханием и послала свою Тень к потерпевшей, касаясь ее сознания. Наши Тени перемешались; она была так благодарна за мое прикосновение, что я чуть не расплакалась вместе с ней. Мне не пришлось требовать – ее Тень раскрылась, как бутон, и она рассказала мне всю историю словами дыма… потоков…

«…Я потерялась в поиске денег… поиск любви и денег… деньги… любовь… в чем разница?… он был печальным и милым робомальчиком… умолял о любви… накорми меня, сказал он… накорми меня, Тень… и дал денег в обмен на любовь… сад… кормлю его… нас покрывают цветы… запах такой сладкий… хороший мальчик, только печальный… цветы помогают нам кончить вместе… дала бы и просто так… бедный Ди-Фраг… но для цветов…»

– Его так звали? Ди-Фраг? Его уличное имя?

«…да… робомальчик… он так пытался быть жестким, настоящий дилер Вирта… но Ди-Фраг слишком мягкий для этого… он мне понравился… и запах цветов… не мог перестать чихать… я тоже… и мы смеялись потом, вместе… любил работу носом… он так это называл, работа носом… я смеялась, пока его глаза не распахнулись, и я думала, это я, мое удовольствие заставило его глаза расцвести… но почувствовала лепестки на спине… как рука хорошего любовника… повернулась за его взглядом, увидела мерцающий воздух, и зомби выли в клетках… маленькая девочка… прекрасная девочка… плывущая в летящих лепестках… цветочная девочка… у нее были лепестки…»

– Расскажи мне о девочке, Миазма. Как она выглядела?

«Плывущая… ребенок… девять, десять… совсем ребенок… поцеловала нас обоих лепестками… у нее глаза из зеленых лепестков… запах внутри меня… моя Тень увяла, а потом зацвела… девочка целует робомальчика… он улыбается, а потом… потом начинает кричать… я бежала всю дорогу… бежала…»

– Расскажи мне о девочке. Опиши ее.

«…Сказала, что она Персефона… ее имя текло… как лепестки, да? Совсем как лепестки… девочка поцеловала его до смерти!»

Тут Миазма закричала одновременно со своей Тенью и одновременно чихнула, попав в мою Тень своей слизью. Взрывы золота там, где ударяются частицы. Я вижу, как они гибнут в огне, хотя я пытаюсь отстраниться.

Еду на коповозке в зоопарк.

Собачий трек уже закрыт на ночь. Только темнота и дыхание. Теневая шлюшка ведет нас к постели из цветов.

– Я бы сделала это и просто так, – продолжает повторять она, слова с трудом выходят из ее губ, из глаз течет слизь, несмотря на респиратор, который мы дали ей. – Просто так, просто так…

– Наверняка, девочка, – хрипит Зеро. – Давай, отведи нас к любовному гнездышку.

Он немного привык к шлюхам, больше, чем к теням. В этой комбинации есть изюминка. Миазма разглядывает заросшие тропинки садов Бельвью.

– Теневая блядь, лучше бы тебе сейчас признаться, – требует Зеро.

Я считаю, что в таком настроении он невыносим.

– Зеро! Она напугана.

– Она напугана! Черт, мы все тут напуганы. Такое ощущение, что все общество развалилось и теперь бегает напуганное. Хреново идут дела, Дымка. – Он озирается вокруг, тяжело дышит через респиратор, его меховой лоб покрыт потом, он постоянно косится на клетки. – Блядь! Какие пиздюки платят деньги, чтобы смотреть на эти трупы? Это противоестественно.

Я хочу посоветовать ему приглядеться к собственному покрытому мехом лицу, а потом уж говорить о противоестественности, но мне ли лезть? Шлюха плачет, цветы словно ползут к нам в темноте, и все, что я слышу из клеток, – тихий шорох, словно сухие листья трутся друг о друга.

Зеро начинает орать. Он орет на Миазму, на зомби в клетках, на плотских копов, на меня, на весь мир, который довел его до такого. Песокоп и в самом деле страдает. Он читает цифры на своем наручном счетчике… 799… 801…

802. Миазма не может перестать чихать даже в респираторе и продолжает показывать на цветы. Ее Тень зовет меня, просит посмотреть, посмотреть на цветы. «Посмотри, как двигаются цветы. Посмотри на формы…»

Зеро, протестуя, задирает морду к небу.

– Это выстрел в молоко, Сивилла. Давай засадим эту шлюху за ложный вызов.

Но я уже разглядываю цветы, смотрю в просветы между лепестками. Вижу форму, вижу тело. Миазма сказала правду – он был действительно молодой и милый робомальчик. Красив лицом, силен в пластиковой кости и мягок в чувствах. Приятное сочетание плоти и инфы, упакованных в красоту. Но ничего из этого больше не осталось. Тело стало картиной, составленной из цветочных лепестков: они плыли по ветру от клеток и составляли цветные картины в соответствии с информацией. Нам не осталось физического тела, только грани между структурами. Это был момент смерти, пойманный растительным дисплеем. Венок

воспоминаний.

– Тело здесь, Зеро, – сказала я.

– Ничего не вижу, Дымка.

– Ты не смотришь, Зеро.

Тогда он замолчал, и его собачьи глаза поймали видение формы тела в определенной комбинации лепестков.

– Ты проводила теневой поиск? – спросил он дрожащим голосом.

– Здесь больше нечего искать.

Но я все равно попыталась. Опустила ладони на цветы. Те касались меня, словно испытывая желание. А потом мой разум погрузился в тень цветов. Все, что мне досталось, – старая история про зелень; старая в том смысле, что я почувствовала в этот раз, как будто открываю дверь в миф. Взрыв цветов, который я видела в последних мыслях Койота. У зомби. Теперь у робомальчика. Мне надо было вырваться.

– Дымка? – Голос Зеро достиг моего слуха, пока я страдала от зелени. – Что происходит, Дымка?

Но у меня правда не было времени на него, несмотря на то что Крекер теперь фактически сделал меня начальником песокопа. Может, эта перемена власти и была причиной его очевидного дискомфорта? Но ведь до этого Зеро лгал мне про бесполезность Боды. Могла ли я доверять ему? Могла ли я доверять Крекеру? Могла ли я доверять хоть кому-нибудь?

«Этой чихающей девочке нужно помочь, Зеро». Я отправила это сообщение через Тень прямо в его сознание, потому что не хотела портить момент разговорами. «Могу ли я попросить тебя начать разбирать наше лоскутное одеяло?»

– Ты же знаешь, я ненавижу все эти дымные штучки, Сивилла, – залаял на меня Зеро. – Хочешь говорить – говори словами.

Но сообщение вроде бы прошло, потому что в следующую секунду я уже слышала, как он орет на гортонских копов, чтобы принесли фонари, чтобы отвезли теневую шлюху в больницу, чтобы начинали копать.

– Ты чего там хуи пинаешь? Дай сюда лопату! Бля!

Он срывал свое разочарование на подчиненных, коллегах-людях. Еще он чихал через респиратор снова и снова, и я знала, что его аллергия все тяжелее и тяжелее и будет еще хуже, много хуже.

– Пес-Христос! – хрипел Зеро. – Содержание пыльцы уже дошло до 820, Сивилла.

Гортонские копы нашли только пластиковые части Ди-Фрага, погребенные глубоко в почве под его недолговечным портретом.

Они были туго обвиты побегами, эти пластиковые части. Плоть стала цветами.

В тот вечер я узнала, что по городу ходит девочка из воздуха и травы и зовут ее Персефона. Что истинный наш убийца – маленькая девочка, ребенок; снова что-то абсолютно новое. Какой-то новый вид. В тот вечер мне хотелось объявить тревогу по всему городу.

Глаза мои вычленяли темные формы в глубине клеток. Цветы изменяли этих полуживущих. Девочка… Наверное, это она разбрызгивала вокруг свою силу, засевала все цветами. Зомби танцевали и цвели в дерьме и пыли, цветы свисали с их дубленой кожи, лепестки падали из их ртов. Это было отличное шоу флоры и фауны, смешанных в единое целое.

Новые виды.

Я чувствовала исполненную страха Тень Зеро, ползущую за моей спиной. Странная смесь собачатины и дыма; страх перед зомби – это точно, но еще страх передо мной. Страх перед делом. Там, в глубинах Тени, темнели смоляные водовороты, там, где спрятались в клетках все его тайны.

– Что ты делаешь, Джонс? – спросил он.

– Смотрю на зомби.

– То еще хобби. – Он делал все, что мог, чтобы удержать маску старой жесткой личности З. Клегга, но какое напряжение было в его струящейся Тени! – У тебя есть что-нибудь по делу Боды?

– Возможно.

– Хочешь мне рассказать?

– Ты любишь виртбол, Клегг?

– Терпеть ненавижу.

– Какая жалость. Завтра мы вместе идем на большой матч.

– Что здесь общего с поисками Боды? Черт… – Чихает так громко и жутко, что зомби подпрыгивают в клетках, машут на нас конечностями, покрытыми лепестками.

– Будь здоров, Клегг.

– Спасибо. Извини, что врал тебе.

– У тебя последнее время очень тяжелая Тень, песокоп.

– Я страдаю, Сивилла. Правда страдаю. Так много причин, что даже не знаю, о чем рассказывать.

– Знаю. Тебя напрягает, что Крекер отдал мне дело Боды.

– Ну да, это неприятно. Я просто выполнял приказы, Си. Мне было очень плохо, когда я узнал, что она твоя дочь. Я не знал, что делать.

Я протянула руку и похлопала шерсть на его плече. Похлопала? Как обычно хлопают пса? Ну да, что-то вроде этого.

Но на какой-то миг Зеро выглядел счастливым. А потом он отпрыгнул от меня. Он уходил по джунглям цветов, и его Тень уменьшалась.

Миазма умерла в ту ночь – первая жертва аллергии. Первая жертва, убитая не убийцей, но тем, что убийца оставлял за собой: гранулами пыльцы. Я знала, что аллергия и убийца – сестры. Цветы и смерть. Дело повернулось в тот момент…

Куда бы я ни поглядела, везде возникали новые виды. Может, ученые были правы; мир стал более текучим.

Позднее, ночью, я прижала Сапфира к себе. НПС № 57261. Как же я его любила! Его прерывистое дыхание, его слезящиеся глаза. Его взгляд, полный огня. Сапфир не хотел ничего, кроме жизни. Это была единственная вещь, которую никто не мог ему дать. Даже я, его мать, не могла ему помочь. Он навсегда останется на грани. Совершенно противозаконный. Если бы Крекер узнал, что я скрываю его, моя карьера была бы разрушена. Зомби нельзя находиться в городской черте. Сапфир был моей страшной тайной.

Но это был мой сын, и я держала его. Разве он не нашел дорогу из Лимбо, чтобы вернуться ко мне? Это что-то да значило? Разве он не умирал от аллергии? Разве его не было в списке будущих жертв?

Пусть только попробуют забрать у меня Сапфира. Копы или цветы – они почувствуют мои дымные руки на своих шеях.

Четверг, 4 мая

Солнце грело поле, толпа ждала начала игры. Вечерний матч, не освещенный прожекторами. Духовой оркестр играл королевский гимн. «Эту страну я люблю и останусь здесь навсегда». Музыка, как золото, переливалась на косметической травке, подвергнутой тонким генетическим изменениям, чтобы приобрести цвет спелых зеленых яблок, такой пронзительный, что во рту становилось кисло. Но даже сквозь эту траву прорастали цветы, и в музыку этого дня отдельной партией вплетались завывания ровняющих траву косилок, на ножи которых намотались мясистые стебли.

Кругом меня болельщики начищают бело-синие (белый и синий – цвета домашней формы «Манчестер Сити»; цвета «Манчестер Юнайтед» – белый и красный) перья вазом, надеясь на хорошую игру. На перьях были нанесены номера, каждый соответствует номеру игрока на поле.

Интерактивный виртбол.

Здесь можно поучаствовать в матче в теле одного из игроков. Левый защитник – самое дешевое перо, центрфорвард – самое ценное. Но Сивилла Джонс все равно была лишь наблюдателем. Не в игре, а в толпе. Просто зритель. И кстати, зверская аллергия постоянно вынуждала участников, чихая, ронять свои перья.

Был полуфинал Кубка золотого пера «Ваз Интернешнл». Четверг. Вторая игра. Матч-борьба, матч-реванш. Противник – «Манчестер Юнайтед», первую игру они выиграли 2:1. Афиши и рекламки ваза, универсальной смазки, повсюду в Манчестере соскальзывали со щитов под собственной массой. Над трибуной напротив качались огромные надувные перья красного и белого цветов. С рядов Кеннел-лейн доносился вой фанатопсов.

Я заняла позицию на уровне игрового поля, наблюдая, как люди пробираются сквозь ряды к своим местам. У меня были бинокль и рация. Зеро контролировал вход, которым должна была прийти Бода, если бы она появилась. На каждом билете написано, через какой вход можно с этим билетом пройти. Клегг был против рации. Он привык к перьевой связи, его стесняли устаревшие способы. Я вызвала его и спросила, что он заметил.

– Как и до того, никаких признаков, Дымка Джонс. Я не понимаю, чего мы тут ищем.

– Продолжай наблюдение.

Я дала отбой и навела бинокль на отмеченные мной четыре свободных места. Чуть раньше я порасспрашивала в кассе – и там сказали, что некий Пес Койот купил четыре билета на места

рядом друг с другом около десяти дней назад. Ладно, один он купил для себя, я нашла его в дневнике, второй – для Боды/Белинды. Кто еще двое? Ну, это я скоро узнаю. Но, конечно, больше всего меня интересовала Белинда. Явится ли она? Я попыталась погрузить себя в ее чувства. Если она действительно любила Койота, наверное, она придет. Но ведь я уже ошиблась насчет похорон. Да и чего я вообще жду? Представляешь – моя родная дочь, а я не знаю, чего жду.

Молодая девушка идет по ряду к местам. Я кручу настройку, пока в фокус не попадает ее лицо. Она? Чей лоб прикрывает эта рыжая челка? Нет, девушка проходит мимо всех мест и садится дальше, рядом с молодым песопареньком.

Я занервничала. Просматривала в бинокль все близлежащие места и проходы. Каждая замеченная девушка немедленно попадала в фокус. Во всех мне видится что-то от дочери. Одна особенно привлекает мое внимание. Те же возраст и фигура. Длинные темные волосы под кепкой с малиновым козырьком. Место, конечно, не то, но кто знает, что могла придумать Бода? Я делаю наезд. Теперь лицо висит прямо передо мной, сквозь тонкие красивые черты видна боль. Нет. Ее Тень пуста. Я перевожу бинокль обратно на места Койота. Самое правое занято.

Наезд…

Она. Моя дочь. Ее Тень. На ней парик. Похожа на какую-то девушку-ковбоя, но это она. Изображение трясется, мои руки на холодной керамике окуляров дрожат.

Бода сидит на месте по билету Койота, вжимается в кресло, сама не знает почему, а на светлый парик от Кантри Джо ложится распыленная в воздухе слизь. Карта под чехлом парика покрывается потом, но Боде уютно в новой одежде. В женской одежде. Бывшая маскировка превратилась во что-то вроде униформы. Появились первые признаки женственности. Она – новый человек, и путь этого человека ведет обратно к детству. Палит солнце. Цветы прорываются через трещины в бетоне трибун, касаются ног. Кружатся сине-белые перья. В воздухе туман пыльцы. Бода едва видит поле сквозь все это: перья, золотую пыльцу, выбросы соплей. Ночью она пряталась в дешевой гостинице на Уилмслоу-роуд в Фэлоуфилде. А что она делает тут?

«Хочу, чтобы ты кое с кем увиделась».

Ей вспоминаются последние слова Койота. Она окружена толпой, несмотря на угрозу поражения, звучат веселые песни, но соседнее место все еще свободно. И следующее за ним тоже. И следующее. Три пустых места. Белое пятно на картине. Она спрашивает себя, почему она пришла. «Естественно, потому, что

Койот купил мне билет». Я хочу знать о нем все. Только тогда будет понятно, почему его убили. Но я же злилась на него за то, что он не рассказал о жене и дочке-щеночке. «Разве нет?» И все равно… может быть, и лучше, что у меня больше нет этого лжеца? И нет Робермана, работы и жмущей карты Манчестера заодно? Кажется, я окончательно закрыла себе путь к успеху.

Прекрасно. Положить на успех.

Боде нравится новоприобретенный образ крепкой девушки-ковбоя, но все-таки, несмотря на это, она здесь. Она ждет. Ждет выхода игроков. Вот, идут. К лицам плотно прижимаются респираторы. На майках ваз-слоганы. Солнце просто-таки стекает на поле. На траве ковер цветов. Свисток…

Удар.

Виртбол.

Болельщики кричат в перья, ведя своих игроков к воротам. Чихающие тактики.

Через толпу к Боде пробираются два человека. Чистая и собакодевочка.

Я регулирую резкость. Похоже, человеческая девочка и собакодевочка, еще младше. Я уже видела эту девочку-щенка. Где? Ну конечно! Похороны Койота. Она его дочь. Ее зовут Карлетта. Дочь Твинкль и Койота. Я смотрю на нее все с той же материнской нежностью. И та же глупая мысль… Почему бы моей дочери не быть такой? Я снова перевожу бинокль на Белинду. Она напугана. Почему?

Волосы человеческой девочки собраны в косу, в которую тут и там вплетены яркие синие, желтые и алые перышки. Каждое из них вызывает у Боды нехорошее чувство – оперенные волны набегают на ее Тень. Она хочет уйти со своего места, так страшно. Но нет, решение уже принято. Будем держаться. Девочки садятся рядом с Белиндой.

«Хочу, чтобы ты кое с кем увиделась».

Это про них говорил Койот? Одна из этих девочек – его дочь?

«Боже!»

Это уже слишком.

На девятой минуте «Юнайтед» открывают счет. Болельщики издают дружный стон. Теперь «Сити», чтобы пройти, нужны три гола. Чистая девочка и молодая сучка поглощены игрой. На самом деле она даже не сучка, эта девочка: на щеках торчит несколько тонких усов, и все. Я гляжу на нее сквозь линзы, стоя на боковой линии, и думаю, когда мне начинать, когда вызывать Зеро. Сейчас, посреди чихающей толпы, арест неминуемо приведет к беспорядкам. Так что пусть себе поиграют немного. Я вталкиваю свою Тень внутрь дочери, вслушиваясь на

расстоянии…

Бода еще раз обдумывает то, что ей удалось выловить из мыслей Робермана на берегу канала. Этот щенок – в самом деле дочь Койота? Но кто тогда девочка, которая сидит дальше? Может быть, у Койота был не один ребенок? Черт его знает… Бода больше не может ему верить. Даже мертвому.

«Сити» отыгрывают гол.

Толпа беснуется. Из ртов вылетают перья.

Между губ собакодевочки зажато перо. У чистой нет никаких перьев, но глаза все равно стеклянные, как будто она внутри чужого тела, проворного тела одного из игроков. Тут душа Боды съеживается от страха, оттого что эта девочка рядом. От одного ее присутствия хочется сжаться в комочек. До Боды доходит: эта как бы чистая – на самом деле виртовка. Человеческая сущность изменена способностью прямого включения в мир Вирта. Ей не нужны перья: она может просто войти в сон и за него не платить. И она твой враг, Бода, твое проклятие. Неведающие не переносят сновидцев. Твои гены ведут безнадежный бой, прямо как сине-белая команда внизу, в неразберихе на поле. Твой страх силен, Бода, но несравненно сильнее страх твоей матери, просто потому, что смерть держит ее крепче.

Поверь, дочь моя.

Бода жмется подальше от обперьенной девочки. «Юнайтед» забивают еще один. 4:2. Прощай, финал. Синие перья падают в отчаянии, свисток провозглашает конец первого тайма. Играет оркестр.

Что теперь? Разум Боды в смятении.

Может, поговорить с виртовкой?

– Ты знаешь Койота? – спрашивает Бода. Кажется, полжизни прошло, пока она задавала вопрос.

Девочка просто смотрит на нее; в глазах еще мелькают пасы и фолы только что прерванной игры.

– Да, я знала его, – отвечает она.

– Близко?

Чего ты ждешь от этого разговора, Бода? Того, что будет легче?

– Шизовый песопарень был Койот, – говорит девочка.

– Вроде бы вполне нормальный, – говорит Бода, надеясь на возражения. Возражения не следуют, и Бода продолжает: – Вы родственники?

– Нет, просто друзья, – отвечает девочка. – Вот Карлетта – да. – Она гладит собакодевочку. – Карлетта – его дочь.

– Правда?

Тень Боды как ломкая шелуха от такой близости Вирта. И это

все, ради чего она приехала в город? Встретиться с двумя девочками: одной из перьев, другой из собачьей плоти? Она думала встретить каких-нибудь подпольщиков, друзей Койота, повстанцев, которые выведут ее на Колумба.

– Ты дронт, да? – говорит девочка. – Я вижу пустоты вместо частей, которые должны принимать перья.

– Как тебя зовут? – спрашивает Бода, заглушая в себе эмоции.

– Меня – Блаш, – отвечает девочка. – Мне двенадцать лет. Теперь ты скажи.

– Что? Сколько мне лет?

– Как тебя зовут, глупая.

– Белинда, – Бода говорит первое, что пришло на ум, чтобы не раскрывать себя.

– Белинда? А…

– Что такое?

– Я думала, здесь будет Бода.

Несколько секунд Бода смотрит на оркестр, играющий на изумрудном поле.

– А почему ты так думала?

– Знаешь что? – говорит Блаш. – Когда-нибудь я стану знаменитой.

– Правда?

– Я буду знаменитой виртрисой. Во мне есть Вирт, понимаешь? На следующей неделе играю в «Коматозной дороге». Может, посмотришь? Роль-крохотулька, но я все равно собираюсь произвести впечатление, понимаешь? Вообще, сериалы – это ладно, но мои перья настроены на сны помощнее. Чтоб все прямо ошизели, понимаешь? Наверное, нет. Наверное, не понимаешь. Да, наверное, у тебя и не получится посмотреть меня на следующей неделе.

– Ну, я могу посмотреть по телевизору.

– Печально. Шиза! Кто сейчас смотрит телевизор? Только дронты, да? Койот много говорил о Боде.

– Да? – Это точно. Как с ума сошел, все время только об этой иксерке. Говорил, что купил ей билет на эту игру. Называл ее своей новой избранницей.

«Новой избранницей». Вот как Койот тебя называл, Бода. Разве неудивительно? Удивительно и хорошо.

– А почему он ее так называл? – спрашивает она.

– Да что тут спрашивать? – говорит девочка. – Шизанутая дронт. Ну да. Шизанутая дронт. Потому что стала спрашивать. Потому что ее сильная Тень сжимается от страха в темноте. Потому что позволила появиться шизоидным сомнениям.

– А как ты тут оказалась, Блаш?

– Мне тоже купил билет Койот. И еще один – Карлетте. Он сказал, что я должна встретить здесь Боду. Сказал, что это важно. По-моему, вот его место… Блаш смотрит на пустое место рядом с собой, и глаза ее влажно блестят. – Я не думала, что Бода появится на самом деле, – говорит Блаш, чихнув. – Во всяком случае, после того как умер Койот. И после того как узнает, что за ней охотится Гамбо Йо-Йо. И я была права, так ведь?

Тишина, слышно только дыхание толпы. Иногда в воздух вырывается чих.

Потом…

– Когда-то я была Бодой.

– А-а. А теперь ты кто?

– Не знаю. Бода – мое иксерское имя. Настоящего я не знаю.

– Это ты? Во шиза!

– Ты сказала, Койот говорил про меня?

– Это точно. Койот говорил, что мне понравилась бы Бода. Сказал, что ей можно рассказать про всякое. Что я могу ей все объяснить. Я только не знаю, с чего начать.

– Расскажи про себя.

– Я Блаш. Меня сделали Дездемона и Скриббл. Ты слышала про Скриббла?

– Нет.

– Ошизеть. Ну ладно, Скриббл – мой папа. Я никогда его не видела. Сейчас он внутри Вирта. Но, знаешь, я думаю, что когда-нибудь он будет известным, как я. Он к нам вернется. А Дездемона – моя мама. Раньше она ходила в Вирт к Скриббу, но теперь до него не добраться. Может, он работает над каким-нибудь большим сюжетом. Ну, например, про то, как он вернется к нам, понимаешь? Ну да ладно. Дез – одна моя мама.

– А у тебя их несколько?

– Ну да. У меня две мамы. Скриббл сделал меня с двумя мамами. Вторую зовут Синдерс. Синдерс О'Джунипер. Слышала про нее?

– Нет.

– Ошизеть. Она всемирно известная порновиртриса. Это от нее у меня перья в крови, от Синдерс. Но все равно, моя настоящая мама – Дез. Она живет с нами. Мы все живем в Боттлтауне. Дез, я, Твинкль и Карлетта. Там нет мужчин. Может, ты захочешь нас навестить? Вот, давай я напишу тебе номер. И не бойся, что Твинкль что-нибудь сделает. Она все понимает. А может, ты сама ревнуешь? Не надо, прошу тебя. Жизнь и так коротка.

«Тебе-то откуда знать, девочка?» Вот как думает Бода, но вслух ничего не говорит, не отправляет это послание через свою

Тень. Бода держит себя в себе.

– В общем, вот мы все сидим и ждем, понимаешь? – говорит Блаш. – Ждем, когда падет небесный огонь. Койот ответил любовью на любовь.

– А Твинкль – это кто?

– Жена Койота. Отца Карлетты.

– Он был женат на Твинкль?

– Ну да, когда-то там. Потом они развелись. Но он заезжал поболтать с Карлеттой, привозил ей игрушки и перья. Он мог с ней разговаривать по-собачьи, понимаешь? У нас ни у кого это не получается. Койот – единственный мужчина, которого мы пускали в дом. И он говорил с Карлеттой на одном языке, а со мной – на другом. Больше человеческом, улавливаешь смысл? И рассказывал про тебя. Всякую шизу.

– Типа какую?

– Типа такую, что лучше тебя только зеленые райские перья и навазанный хлеб. Что ты вроде как особенная. И думаю, так и есть. Ты убежала из Улья, да? Клево было, наверное?

– В общем… – Видно, как сверкают глаза у Блаш. – Да. Было клево.

– С ума сойти! А Койотов черный кеб пока у копов. Как ты думаешь, что с ним будет?

– Не знаю. Может, перейдет Карлетте или его жене. Как там ее зовут?

– Бывшей жене. Твинкль.

– Какая разница.

Команды вернулись на поле к началу второго тайма. Болельщики громко закричали. Блаш кладет Карлетте в рот бело-голубое перо с номером 9, потом закрывает глаза, чтобы лучше чувствовать поле. Бода, шум давит на тебя со всех сторон, но ты думаешь только о смысле слов Койота, льющихся в тебя через разум этой девочки. Сама она, девочка-щенок, дочь Койота, молча сидит рядом, не умеющая говорить, но умеющая рассказать завитками дыма. Оно красиво, ее молчание, но в нем есть оттенок грусти. Ты чувствуешь эту грусть в щенячьей Тени. Как будто Койот опять говорит с тобой, но теперь по-собачьи. Усы и язык. «Вот чего он хотел: чтобы я с ней увиделась». Твои мысли. Он хотел рассказать тебе все о своей семье, о девочке по имени Карлетта. Все разъяснить и покончить с этим, а потом… может, начать сначала? Теперь вместе с тобой?

Койот уже не сможет ничего начать сначала.

Бода говорит Блаш:

– Я невиновна. Не я убила Койота.

Блаш на секунду отводит глаза от поля.

– Я знаю, глупая. Всё, ш-шш… Пенальти!

«Сити» пробивают пенальти. 4:3.

– Есть! – вопит Блаш. – Еще два – и мы пройдем. В финал. Станем знаменитыми. – Она поворачивается к Боде: – Койот выбрал тебя, беглый драйвер. Родственные души и прочая фигня. Правильный выбор.

– Спасибо. Так кто хотел его убить?

– Никто не хотел убивать Койота. Все его очень любили. Кроме… Может быть…

– Кого?

– Ну… Компании «Икс-кеб»…

– Я знаю. – Компания хотела убрать его с дороги. Ваш босс…

– Колумб, ага.

– Так почему ты его не спросишь?

– Колумб не выдает информацию о себе. Он ловкач.

«Сити» забивают еще один. Поровну. Ужасно чихают фанаты. Их рты сочатся вазом.

– Отличный гол! – кричит Блаш. – Чувствуешь, какой был удар? А, конечно, нет. Дронты, шиза! Ну что с вами поделать…

Карлетта чихает. Блаш нежно гладит ее по шее.

– Бедняжка Карлетта. Что ты думаешь об этой аллергии, Бода? Говорят, что сначала должно стать хуже, чтобы потом стало лучше. Ты знаешь, откуда взялась эта напасть, да?

Бода говорит, что понятия не имеет.

– Из райского пера.

– Это что такое?

– Ошизеть. Не знаешь? Конечно, нет. Из райского пера. Оно называется Пьяный Можжевельник. Я как-то раз ходила в Черный Меркурий. Знаешь про перо Черного Меркурия?

– Знаю, конечно. Но, по-моему, Колумб давно уничтожил все копии?

– Уничтожил, конечно. И в Глубокое Горло тоже теперь не попасть. Послушай, девица… Люди, которые хотят врубиться, найдут способ. И чем жестче сюжет, тем приятнее до него добраться.

– Ты не по годам развитая, Блаш.

– Вот уж ни фига. Разве я виновата, что во мне живут перья и что меня воспитывали в доме без мужчин? Я не придумываю правила, я просто кладу на них.

– Где ты нашла Черный Меркурий? – спрашивает Бода. – А, извини, забыла. Тебе же не нужны перья.

– Правильно. Обычно. Но некоторые сны сидят слишком глубоко. Доступ закрыт, понимаешь? Кондом-защита. Наверное, сам Колумб их заблокировал.

Черный Меркурий – ранняя версия икс-кекберской карты, Колумб использовал ее для предварительной настройки. Меркурий создала отобранная команда вирт-дизайнеров, потом Колумб с помощью этого виртпринта убедил власти разрешить ему поставить настоящий Улей. Несколько краденых копий! Попали на улицу. По словам Блаш, Колумб встроил в перо предохранитель, ограничивающий прямой доступ к демокарте. Он должен был помешать таким, как Блаш, виртлюдям нелегально подключить к карте какой-нибудь кеб. Но за деньги можно было достать бутлеги, а через них кто угодно мог ездить по карте, пусть и по недособранной ранней версии. Когда икс-кебы только начинали работу, нарушители вызывали в системе хаос, поэтому Колумб послал вирткеб, укомплектованный датчиком с перонаведением. Этот перистый драйвер быстро отловил все нелегальные включения в карту и затем удалил их из системы. Юзеры поимели бесполезные кремового цвета перья и недельную головную боль. Черный Меркурий перестал существовать.

– Даже я не могу войти туда без всего, – говорит Блаш. – Мне тоже нужно перо, и Койот сделал мне приятное – подарил копию на день рождения.

– У Койота был Черный Меркурий?

– Был, конечно. Как, ты думаешь, он мог так свободно ездить по дорогам? Ты знаешь, что собой представляет карта Улья?

– Я драйвер.

– Ну да. Но все-таки? Это не обычная карта. Она как бы живая. В некотором смысле даже более живая, чем настоящие дороги. Ну ладно, значит, как-то раз я въезжаю в Черный Меркурий, так? А это дурной сон, точно. Кот Игрун в своем журнале так и называл его говенным пером, но я просто ну ошизела от любопытства. Так что я его приняла. И оказалась в роли Майка Меркурия, драйвера суперкеба. Он самый крутой иксер в мире Черного Меркурия – это ты, наверное, и без меня знаешь. И вот я пытаюсь сделать ездку до демо-Боттлтауна, и чтобы меня не поймали экспресс-демоны. Карта Улья крутится у меня в голове. Защита выставлена на полную. Что тут может случиться? Если Майк Меркурий стартует рядом с тобой, то ты и ахнуть не успеешь, а он уже за горизонтом. Мне всего-то надо было довезти пассажира до дома 666 в квартале Ананасной Луны. Все было чики-поки, и вдруг Майк начал чихать. С ума сойти, да, представляешь? Он так чихал, что у меня руль вылетал из рук. Я открыла таксишную карту и вызвала демо-Колумба. Но в центре карты появилась такая расширяющаяся дырка. Понимаешь, разные миры отделяет друг от друга стена. Иногда она становится тонкой, как пленка, – сейчас такое происходит все

чаще. Ну вот, и через дырку в Черный Меркурий летела вся эта желтая муть. Какая-то крупа. Не знаю. Она полностью забила мне нос. Но через дырку в карте я успела рассмотреть мир с другой стороны. Пьяный Можжевельник. Шизанутая хрень. Почитай у Кота Игруна. Это райское перо. У богатых есть шанс попасть туда после смерти. Дальние Пределы, детка. Потом я выехала обратно в Реал, а эта желтая дрянь так и засела у меня в носу. Я чихала как сумасшедшая. Крепкая штука. Вот поэтому я считаю, что аллергия появилась из Пьяного Можжевельника через таксишную карту.

Тут Блаш чихает, как бы подтверждая свои слова, вместе с ней чихает Карлетта.

«Карлетта… Она могла быть моей дочкой».

Бода думает об этом, а потом начинает злиться, что дочь Койота страдает от аллергии. Бода не может забыть про эту глупость. Бессмысленная, жалкая. Она понимает все свои чувства, но ничего не может с ними поделать.

– Я предполагаю, что Колумб специально пропускает сюда аллергию, – говорит Блаш. – Он открывает дыры между мирами.

Бода встает.

– Уходишь? – спрашивает Блаш. – Не понравился мой рассказ? Я думала, он тебе поможет. Койот велел мне помогать тебе. Или тебе не нравится быть рядом с виртовкой? Ты боишься?

Нет, не в этом дело. Не только в этом. Бода обнаружила следы прокравшейся в нее Тени. Сильной и опытной Тени. Похоже на…

«Твою мать!»

Пробуждаются воспоминания. Дотаксишная жизнь…

Дым ее забытой матери.

«Кто моя мать?» Карлетта смотрит на Боду пристальным взглядом, какой бывает только у собак. Неизменно влажные глаза.

Блаш не перестает тараторить:

– Ты позвонишь старикану Гамбо, Бода? Объяснишь ему, что невиновна. Может, он скажет тебе, как добраться до Колумба…

Бода извиняется, проталкиваясь между бело-голубыми болельщиками, отчаянно пытаясь избавиться от вопросов Блаш и ощущения материнской Тени.

– Бода, ты пропустишь окончание игры. Койот хотел, чтобы ты пришла. Он любил тебя, – преследует ее голос Блаш…

Но Боды уже нет. Время 8:56 вечера. Она пробирается через сопли и перья. К турникетам выхода на Мэйнроуд.

Я вызвала Зеро по рации. Сказала ему, что моя дочь сейчас уходит и что «на голове у нее длинный светлый парик. Жилет-

болеро. Клетчатая юбка. Не пропустишь». Потом пробралась через толпу к тому же выходу.

По следу, как всегда…

По пути к выходу Бода снимает светлый парик, меняет его на черный. Тоже украден у Кантри Джо. Но она все еще чувствует в своей Тени присутствие матери. На выходе она проходит мимо крупного человекопса. Он смотрит ей прямо в лицо. По его Тени Бода понимает, что он почти узнал ее. Его дым пахнет плохо, похоже на копа. Но странное дело… он пропускает ее.

Когда я выбралась наружу, то обнаружила там Зеро, обескураженного и встревоженного. Как потерявшийся пес.

– Где она? – спросила я. – Никто со светлыми волосами не выходил, – ответил он.

– Ты упустил ее?

Тогда Зеро заплакал и начал чихать, а я не могла утешить его. По-моему, этот пес слишком опустился. Что с ним такое? По переулкам, ведущим от стадиона, убегала темноволосая девушка. И она пропала в лабиринте улиц Мосс-сайд.

Может быть, у нее был не один парик.

Я потащила Зеро к «Пылающей комете».

Бода убегает от матери-Тени. Сначала по Мэйн-роуд, потом по маленькому переулку. Это плохой район, песопарни за мусорными баками царапают землю когтями и лают на нее. Она не знает, куда идет. Медленно спускается тьма. Мир превращается в лабиринт закрытых магазинов и брошенных домов. Второй парик, черный, спадает с головы. Она слышит, как где-то сзади перед слишком узким проездом остановилась машина.

«Блядь, сколько же мне еще идти?»

Бода выходит на другую улицу, которая вроде бы называется Броудфилд-роуд. Без карты она совсем потерялась. Видит у растаманского фургончика нескольких сутулых песопарней смешанной крови. В колонках машины стучит догкор. Бода чувствует, как ее Тень съеживается от их присутствия. Хотя за последние дни волосы немного отросли, на ее голове видна карта. Они знают, что Бода подозревается в собакоубийстве. Белая девушка. Так сказал Гамбо по радио. Они окружают ее полукольцом.

Потом звук машины, быстро проезжающей по Броудфилд. Машина с визгом тормозит, изнутри раздается голос, усиленный динамиками:

– Так. Полиция. Оставьте ее в покое.

Запомнившиеся ей голос и Тень матери.

Песопарни сматываются. Бода тоже убегает по кривым

улочкам. Убегает от своей матери.

Клермонт-роуд. Внезапно она понимает, где находится. Впереди нее – запущенный райский сад, Александра-парк. Здесь все началось. С другой стороны Принцесс-роуд к воротам парка подъезжает полицейская машина. Бода оглядывается: по зелени и цветам за ней бегут двое копов. Ее мать и еще кто-то. Тень и пес. Бода падает. Клубок корней. Ее нога запуталась там. Мокрый запах травы, земля бьет ее по лицу. Мать-Земля.

Это конец.

Мы с Зеро подошли к упавшей. Зеро сильно чихал из-за немыслимого изобилия цветов в парке. Он достал пистолет, я была без оружия. Вот моя дочь.

Я подошла. Ближе. Протянула руку. Коснулась ее.

Белинда вскрикнула и дернулась. Она укусила меня. Наши Тени столкнулись и переплелись. Но я сильнее ее, я лучше знаю Дым. Я заставляю ее волю подчиниться моей, пока она царапает мне ногтями щеки. Господи, как будто ей снова семь лет и мне приходится наказывать ее за какие-то шалости! Мы обе уже на земле, давим цветы. Дождем летят лепестки. Белинда кричит и ругается на меня Тенью, а потом что-то холодное и твердое…

Отключка.

Удар по затылку.

Я пришла в себя. Лежу на траве. Голову заполнила боль. Через щелки между веками я вижу, что Зеро и моя дочь стоят друг напротив друга. Пистолет Зеро направлен прямо ей в грудь. В Тени Белинды пульсируют злоба и страх. Поверх нее Тень Зеро, ощетинившаяся прыгающими блохами и грубыми костями. Из Зеро ушло все человеческое. Зеро окончательно превратился в пса.

Я выдавила из себя несколько слов:

– Клегг, что ты делаешь?

Он не ответил. Пистолет не шелохнулся. Солнце пробивалось сквозь древесный полог, ярко-красными волнами высвечивая парковые цветы. Лицо Зеро было спрятано под маской от пыльцы, но я видела его уверенность. Еще раз я спросила его, что он делает.

– Исполняю приказ, – ответил он.

– Это Крекер тебе приказал?

– Хозяин сказал мне убить вас. Обеих.

– Ты как, Белинда? – спросила я. Дочь не ответила: – Клегг, послушай меня, пожалуйста, – я старалась говорить спокойно, потому что Тень легавого была такой нервной, что я боялась, он может сорваться в любой момент, – Крекер обманывает тебя. И всех остальных тоже. У него свои планы.

Рука с пистолетом напряглась.

– Клегг! Слушай меня. Крекер тебя использует.

– Хозяин дал команду, Джонс. Я буду послушным псом.

Поднятое нашей борьбой облако тяжелой пыльцы все еще летало в воздухе. Пыльца не могла проникнуть в нас, поэтому устремилась к Зеро. Он чихнул.

Аааааааапчхххххххххи!!!

Зеро покачнулся, его пистолет дрогнул. Я попыталась встать.

– Джонс! Не двигайся. Ты меня уже злишь.

Я застыла.

– Не зли меня, пожалуйста. Я пытаюсь оторваться от Крекера. Правда пытаюсь, – брови Зеро над краем респиратора покрылись потом. – Но ты же понимаешь, Сивилла… Ты против него. А он сильнее тебя. Он зовет меня. Мне нужно убить вас – и всё. Всё просто.

– А ты не хочешь подумать зачем? – сказала я. – Крекер больше не коп.

– Чего?

– Он хочет нарушить закон. Зеро, я думаю, он связан с делом о цветах…

– Хватит меня так называть! Я не Зеро, – снова напрягся он.

– Хорошо… Зулу. На миг он закрыл глаза, а когда открыл их, Белинда вошла в его сознание. Я почувствовала Тенью, как она вступает в него. Она заставила его отвести руку, так что пистолет теперь смотрел на меня. Зеро трясся от страха, голова у него распухла из-за вторжения чужой Тени:

– Сивилла, она хочет, чтобы я выстрелил в тебя…

Тут Белинда вытащила из сумки пистолет. Я говорю «пистолет», но на самом деле это была какая-то древность. Кольт? Выглядел он как игрушка. Где она его взяла?

Моя дочь бросила на него жестокий взгляд.

– Белинда, не делай глупостей…

Звучало это совсем неубедительно, но что я могла сделать? Белинда быстро, почти незаметно глянула на меня, как будто имя что-то ей сказало.

Белинда выстрелила в Зеро.

Мне показалось, что она стреляет из пистолета в первый раз.

Зеро крикнул. Он упал, зажимая плечо. Белинда побежала к кустам.

– Белинда, Белинда… – Мой голос летел за ней среди деревьев.

– Сивилла, – выл Зеро. – Помоги… помоги мне…

Мне пришлось принимать решение – бежать за дочерью или помогать тяжелораненому Клеггу, глупой жертве привязанности к

хозяину…

Решение не потребовало много времени: законы копов оказались главнее.

Я опустилась на колени рядом с легавым, прижала его голову к груди.

– Все хорошо, Зеро, – прошептала я. – Переживем.

Зеро скулил и чихал, прочувствованно извиняясь за то, как себя вел. Я велела ему помолчать и в сумраке ветвей стала покачивать его теплое тело вперед-назад, вперед-назад.

Там, куда убежала моя дочь, остались лишь смятые листья. Она не сказала мне ни единого слова.

Некоторое время спустя Бода пробирается среди цветов, которые плотно покрывают землю и вспыхивают яркими пятнами даже в темноте. Совершенно одна на Южном кладбище. Ночь скрыла ее следы. Черный парик пропал, как выпавший по дороге волосок, но светлый сохранился и теперь занял свое место. Ее обритая голова потеет. Убила ли она легавого, которого привела с собой ее мать? Была ли это на самом деле ее мать? Запах от нее был точно таким, как от забытой Тени ее матери. Как она меня назвала?

Белинда?

Слишком трудно обо всем этом думать.

Эта мертвая земля слишком давно не видела людей. Слишком много цветов, слишком много пыльцы в воздухе. Люди предпочитают прятаться за дверями и шторами, за респираторами и пленками защитных мазей. И думают, что это действительно что-то изменит. Бода видит пылинки, плывущие в желтом ночном воздухе над кладбищем, несомые ветром от растения к растению или поймавшие какого-нибудь попутного жучка. Пчелы опухли от нектара. Все растет, но нос Боды – дверь, закрытая для крошек жизни.

Наедине с Койотом.

Она подходит к могиле. Собаколюди скинулись и купили ему памятник. К сожалению, у скульптора не было готового памятника с далматинцем, так что могилу Койота охраняет молочно-белый лабрадор. Изваяние обвивают плющ и цветы. Скульптурная морда высовывается из цветов, черные листья похожи на пятна на каменном теле. Пес Койот по-прежнему в пути. Бода погружает лицо в цветы, покрывшие могилу псодрайвера. Глубоко вдыхает пыльцу, надеясь, что она вызовет какую-нибудь реакцию. Что угодно, только бы снова почувствовать себя живой. Ее жизнь разваливается на куски.

«Моя мать касалась меня».

Ничего. Ни слез, ни щекотания в носу.

«Может, я уже умерла?» Остались только вопросы, лишь одни они имеют смысл. Койота убил Колумб? Колумб впускает пыльцу из Вирта? Связана ли смерть Койота с появлением аллергии? Копы и кебы работали вместе?

Под зарослями Бода почти различает высеченный в камне глаз, глаз псодрайвера, смотрящий на нее. Карта обрастает ежиком волос. Через три дня ее день рождения. Ей будет девятнадцать, может быть, пора привести себя в порядок? И вообще, как может помочь карта на голове, когда она только и делает, что мотается по дорогам, а ее преследуют и копы, и кебы? Не говоря уже о Гамбо Йо-Йо. И о собственной матери. Она даже не может теперь подать заявление на Соцкорм, потому что ее имя и местонахождение окажутся в информационных банках. Все деньги она потратила на бесконечные разъезды, которые ни к чему не привели. Девушка на ночном кладбище у могилы песопарня, которому она писала песни и посылала стихи о любви, но по-настоящему его не знала. «Вся тяжесть мира давит мне на плечи, клонит меня лечь в землю. Я не поддамся. Я не сделаю того, чего от меня хотят». Беспорядочные мысли отравляют разум Боды, пока она вырывает с корнем цветы с могилы Койота. Ее пальцы изрезаны в кровь шипами, а Тень танцует среди зарослей, захваченная растениями. Койот стоит перед ней – безмолвное изваяние, водитель мертвых дорог. Бода отрывает от надгробия комок плюща. Плющ сопротивляется ее усилиям, распуская бутоны и изворачиваясь, пока снова не оплетает изваяние целиком. Она опускает на могильный холмик один-единственный цветок орхидеи.

Пятница, 5 мая

Колеса с трудом продирались сквозь мягкие цветы, ковром покрывавшие дорогу. Светофоры Оксфорда и Витворта стояли, доверху опутанные побегами, не разглядеть было даже смену красного на желтый, желтого на зеленый – повсюду виднелись зеленые стебли, красные и желтые соцветия. Впрочем, все равно моя машина ехала почти в полном одиночестве. Аллергия дала мне достаточно времени на размышления. В моей голове безраздельно властвовал больной Сапфир, оставшийся дома. Я даже купила ему респиратор Гамбо Йо-Йо. Смазала ноздри «СоплеСтоппером». Покрыла комнату «Аутентичным защитным слоем Гамбо Йо-Йо». Все напрасно: мой ребенок умирал. Я уже знала это. Аллергия превратила мой город в цветущую пустыню. Манчестерский рай, не нужный никому, даже псам, которые наконец-то попрятались в антипыльцевые убежища. Может, они просто готовились к большой битве, копили силы. Пятница, утро. По улицам ходят редкие патрули копов, в основном робо, но и они в респираторах по самые глаза. Достается всем. Копы больше не занимаются преступлениями, сейчас они скорее защитники: не пускают людей на улицу, в облака пыльцы. Над дверью дворца Вирттеатра лазерной пульсацией начертано: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА: СОДЕРЖАНИЕ ПЫЛЬЦЫ РАСТЕТ. НЮХАТЬ ЦВЕТЫ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО». Коломбины, японики, мимозы и тысячи других видов цветов, растущих из трещин в асфальте, ловили меня за колеса. Шестьдесят пять процентов населения сейчас страдали от жестокой аллергии. Число известных жертв, не считая первых убийств, уже исчислялось двузначными цифрами. Небоскребы Манчестера задыхались под гнетом растительности. Джунгли, через которые мне надо было проехать. Умерло так много людей, а расследование все еще не сдвинулось с мертвой точки. Никаких ниточек к цветочной девочке по имени Персефона. Шеф Крекер повсюду развесил бюллетень о моем «противоправном поведении», и копы по всему городу пытались взять мой след. Естественно, я исчезла из отделения, мое местоположение неизвестно с момента вчерашнего фиаско с Клеггом и Бодой. Я была в самоволке, отстранена от дела, а город тем временем сходил с ума. Содержание пыльцы за последние часы тревожно выросло до 1200 и росло все больше, совсем как цветы, стремительно накрывавшие город. Плохие времена для планеты Земля. Город истекал слезами. Если Манчестер окажется под заклятием цветов, то затем волна накроет весь мир – все города, один за другим.

Власти уже установили карантин на четырех воротах, чтобы помешать вазовозам распространять аллергию. Может, уже было поздно. Следом за пиратом Гамбо Йо-Йо народ обвинял полицию в бездействии.

На Рочдейл-роуд я проехала знак, гласивший: «Добро пожаловать в Намчестер». Передо мной стояли семь небоскребов Нама, погруженные в тишину, башни, облитые солнцем. Десять лет назад эта местность была разорена Высотными войнами, сейчас в башнях жили те, у кого жизнь удалась.

У ворот Первой крепости, представлявшей собой влажный цементный блок, увитый цветами, меня встретил Зеро. Его лицо было закрыто новейшим «принципиально доработанным» респиратором, а рану на плече ему зашил робо-Шкурник. Зеро провел меня к себе. В квартире царил человеческий дух, ни следа Песьего мира. На надувной кровати сидел молодой человек и держал бронированный ящик для образцов, осторожно, как заразную живую крысу. Типичный одиночка. Его Тень дымилась слабостью. Зеро назвал его Джеем Лигалем с факультета ботаники Манчестерского университета. Лигаль принес с собой доказательства: какие-то микроперья.

После Александра-парка Зеро порвал с Крекером. Теперь он был одиноким псом, оборвавшим поводок Я чувствовала по Тени, насколько свободен его дух. Он разорвал связь с исчезнувшим хозяином.

С этого момента мы работаем неофициально.

Джей Лигаль махал мне микропером, как будто я могу принимать такие вещи. Я объяснила, что перья ничего для меня не значат. Но Зеро предвидел такой ход событий: он «позаимствовал» из отделения перьепереводчик, и Лигаль перегнал инфу в древнее видео.

– Вот наш маленький преступник, – сказал он, когда на экране появилось движущееся изображение. – Amaranthus Caudatus. Или по крайней мере его подвид. Тропическое растение, обычно цветет в середине лета и только на юге Англии.

– На юге, говоришь? – Зеро ненавидел юг.

– Да. Амарант… это от греческого слова. Значит воображаемое растение, которое никогда не вянет. В простонародье щирица хвостатая.

– Признаю, что завалил это дело, Дымка, – сказал Зеро. – Признаю, что мы ищем лингвистически ущербного безумного ботаника. Ну что, отловим этого педрилу и запихаем в карцерное перо? Что скажешь?

Карцерное перо – место, где сейчас маринуют заключенных. Их тела отправляют на склад, а сами они смотрят сны в клеточку.

Дешево и сердито, но работает.

Джей Лигаль смотрел с видеоэкрана.

– Взгляните.

…крошечная жизнь плавает… крошки вещества… крошечные монстры… отростки подергиваются… узелки тьмы тут и там… моменты осознания, перетекающие в тайну…

– Видите эти темные точки? – спрашивает Лигаль. – Это частицы человека.

– Человека? – спросила я.

– Можно сказать, мы тут имеем новый гибрид. Человека и растения. Эти темные точки, которые вы видели, – человеческие гены, поселившиеся в растительных клетках. Мы никогда ничего подобного не видели. Киркпатрик просто впала в транс.

– Киркпатрик?

– Из университета Глазго: она там руководитель сектора растительной репродукции.

– Она случайно не может оказаться искомым безумным ботаником? – спросил Зеро. – Как у нее с лингвистикой?

– Она назвала этот вид монстром. Она сказала, у нас большие проблемы. Люди и растения занимаются сексом.

Зеро чихнул.

– Аллергию вызывает секс, – продолжал Лигаль. – Вы в курсе? Это результат того, что растения пытаются любить друг друга. И у них не получается. Это результат неудавшегося растительного секса.

– Извращение, – сказал Зеро. – Объяснишь подробнее?

– Естественно, – начал Лигаль. – Пыльцу производит тычинка цветка, мужской орган. С тычинок пыльцу уносит ветер или насекомые, и она попадает на пестик другого растения. Или того же самого растения. Пестик – женский орган. Он влажный и покрыт мягкими волосками. Пыльца, осев на пестике, чувствует себя дома и выбрасывает свои белки. Эти белки зарываются в пестик в поисках яйца. Так занимаются любовью растения. Иногда в цепочку попадает человек.

Зеро:

– И это вызывает аллергию?

– Пыльца оседает в ноздрях. Она оказывается во влажном, покрытом волосками месте, думает: «Это пестик. Пора зарываться». Гранула выбрасывает белки, повреждая полость носа. Естественно, человеческое тело опознает это как вторжение и активизирует иммунную систему. Мы пытаемся избавиться от инородного тела через нос и глаза – через сопли и слезы. Аллергия – это защитный механизм.

– Ты утверждаешь, что люди и растения занимаются

сексом? – спросил Зеро, чихая под своим суперновым респиратором. – Господи! Недельный заработок за такую фигню… полная ересь.

Лигаль чихнул с ним за компанию, а потом продолжил:

– Тело перестало отвергать семя пыльцы. Принимает его как любовника. Иммунная система пытается бороться с этим порывом, но репродуктивная система борется с иммунной. И побеждает. Тело принимает растительную сперму. Киркпатрик исследовала несколько трупов. Пыльца сумела попасть в матку. Она сливается с человеческим яйцом, словно это растительное яйцо. Киркпатрик считает, что это следующий шаг.

– Следующий шаг куда? – спросила я.

– Следующий этап эволюции, порожденный волной перекрестного оплодотворения, прокатившейся по стране.

– Аллергосподи!

Зеро тяжело дышал через респиратор, сопя как жертва, я могла только ему посочувствовать. В то же время теория Лигаля казалась все адекватнее.

– У этой Киркпатрик есть соображения, откуда взялись эти семена? – спросила я.

– Мы думаем, это последствия Плодородия 10, – сказал Лигаль. – Мы думаем, что «Казанова» начал свое шествие по царству растений.

– Не понял, – отреагировал Зеро.

– Флорафилия, как назвала это Киркпатрик.

– Что она имела в виду? – Это снова Зеро.

– Мы говорим о том, что кто-то выебал цветок и аллергия – плод этого союза.

– Пес-Христос! – простонал Зеро.

– Мы должны сжечь все тела, – добавил Лигаль. – В качестве превентивной меры. Их нельзя хоронить.

– Почему так? – спросила я.

– Это как закопать семя.

Пятнадцать минут спустя, выложив нам всю информацию и собрав свои материалы, Лигаль ушел. Я хотела проводить ботаника, но Зеро поймал меня за руку.

– Останься, Сивилла. – Меньше всего на свете мне хотелось оставаться с ним наедине: в моей дымке вновь и вновь всплывали воспоминания о парке. – Прошу тебя, Сивилла. Я все объясню. Слушай, давай я приготовлю поесть. Что скажешь?

Я не сказала ничего.

– Молчание – знак согласия?

Мы ели в тишине. Еда была отличная. Абсолютно человеческая трапеза, ни намека на сырое мясо. Зеленая фасоль,

красные бобы, нежный сочный соус, огненные перчики и золотая кукуруза. Это была аллергическая диета. Зеро называл это своей попыткой «принять эту сволочь на борт» и замолчал. Во время трапезы он все держался за свою раненую руку, хотя ему было стыдно, что его ранила молодая девушка. Когда же Зеро наконец заговорил, он сказал горьким голосом:

– Знаешь, что я делаю, Дымка? Я пытаюсь поправить свои дела.

– Я в курсе.

– Делаю все, что могу.

– Я в курсе.

– И ты не хочешь мне помочь?

– Ты врал мне, Зеро, – ответила я. – Ты работал за моей спиной. Тебя запрограммировали убить меня. Мою дочь. Ты представляешь, как мне больно?

– Что я мог поделать? Крекер был хозяином.

– А теперь?

– Хозяина больше нет.

– Он вовлечен в дело аллергии. Теперь ты это понимаешь? Он сделает все, чтобы помешать нам.

– Ясное дело. Может, забудем обо всем? Я бы очень этого хотел.

– Забыть такое совсем не просто.

– Я расскажу тебе все. – Зеро уставился на меня сквозь очки респиратора. Из его глаз текли слезы, как дождь на стекле. – Я поделюсь с тобой всем. Всеми уликами. Сивилла, я пытаюсь все исправить. Ты не хочешь мне помочь?

Я отвернулась от его взгляда. За высоким окном в воздухе текли облака золотой пыльцы.

– Сивилла… Ты – моя последняя надежда.

Я снова посмотрела на него.

– Как ты мог так со мной поступить?

– У меня не было выбора. Черт. Наверное, во мне слишком много собаки. – Это было настоящее признание, и я удивилась. – Крекер контролировал меня. Вы, люди, даже не представляете, на что это похоже. Пес в моих жилах – раб любви. Крекер владел мной. Прошу… Что я могу еще сказать?

– Рассказывай.

– Ты со мной?

– Расскажи мне все.

– Мало не покажется.

– Давай уже, говори.

– Не против свежего воздуха? – Зеро встал из-за стола и пошел к окну. Открыл дверь и вышел на балкон. Я вышла следом.

Там, над бездной, Зеро крепко схватил меня. Моя Тень ухнула в водоворот паники: рядом со мной было слишком много пса. Но его дыхание умирало… умирало. Я слышала, как оно уходит в золотой воздух.

Мы стояли на балконе Первой крепости, на двадцать девятом этаже. Мир Манчестера за перилами уменьшается, стягивается в точку. Где-то внизу и вдали выли песолюди: нарастающий приступ разочарованного кашля. Ветер, пахнущий цветами.

– Ты знаешь, что это за дело, Сивилла?

– Нет, не знаю. У меня нет глаз на затылке.

– Это дело Вирта, Дымка.

– А при чем здесь Вирт?

– Это ключ, Сивилла… Те, кто не видит сны… они не страдают.

– Зеро!

– Ладно, спокойно…

– Зеро, всю дорогу меня кормят ложью. В чем дело? Ты что, до сих пор считал, что мне не стоит это знать?

– Это закрытая информация.

– Закрытая? Господи!

– Крекер не хотел, чтобы мы знали. Это Томми Голубь ввел меня в курс дела дронтов.

– Томми Голубь? Господи! Он же виртком?

– Один из лучших. Полицейские базы провели анализ. У них было достаточно данных. Затолкали данные в копомозг, получили ответ – дронты не чихают. Ты упоминалась в анализе.

– И что это значит?

– Это значит, что аллергия идет из Вирта. Ты сама до этого не дошла?

– Нет… я…

– Ну, в смысле… не видеть снов… не чихать… ты об этом не думала?

Зеро был мне ближе, чем мне хотелось бы признать, особенно сейчас, когда его дыхание выходило с медленным свистом, а из его глаз текла слизь. И он наводил пистолет на меня и мою дочь. И провалил покушение – слишком медленно двигался. Нарочно? Все равно – такие действия или создают пропасть между людьми, или сближают их. Может, он испытывал такую боль, которую я даже не могу себе представить. У меня иммунитет к тому, что, вполне возможно, убьет его. Я и вправду сочувствовала большому песокопу, и это было для меня потрясением.

Респиратор Зеро обратился к небу. Он отодвинулся, ударил себя по раненой руке, а потом снова повернулся лицом ко мне.

– Эта инфа уже попала на улицы. Жертвы идут против

иммунных. Они называют их мунятами. – Я боюсь встречных обвинений.

– Что можно сделать?

– Томми Голубь считает, что нашел источник аллергии. Следы ведут в конкретный район Вирта. Пыльца попадает в Манчестер через дыру в этом сновидении. Вот почему ты не чихаешь. Ты не можешь принимать Вирт. Поэтому мне нужна твоя помощь. Вы, дронты, можете оказаться нашим последним шансом.

– Это безумие, Зеро.

– Скажу больше. Было исчезновение, Джонс. Обмен.

– Правда?

– Имя Брайан Ласточка. Он исчез за несколько минут до смерти Койота. – Зеро прижал фотографию к стене балкона напротив меня. Дал мне несколько секунд на изучение, а потом продолжил: – Милый мальчик. Девять лет. Тяжелый виртер. Перья живут в нем. Оценен в 9,98 по шкале Хобарт. В снах это кое-что значит. Томми Голубь вел расследование. Он обнаружил, что этот ребенок, Брайан Ласточка… Его обменяли, ты знаешь… курс обмена?

– Естественно. Все, что взято из Вирта…

– Точно… Должно быть обменено на что-то равноценное из реального мира. Томми Голубь обнаружил, что мальчика поменяли на что-то из Пьяного Можжевельника. Ты знаешь, что это? Это райское перо.

– Обалдеть.

– Аллергия распространяется и по Вирту, Сивилла. Она идет оттуда. Из Пьяного Можжевельника. Это мир, которым управляет Джон Берликорн. Ты его знаешь? Один из наиболее могущественных виртовых тварей. Настоящий демон. Томми Голубь объяснил мне ситуацию. Пьяный Можжевельник – это своеобразный вариант послежизни для богатых. Темная история. Про Берликорна, сына Хроноса, бога времени. Это древнегреческий миф, перенесенный в Вирт. Пьяный Можжевельник – история, как Берликорн украл девочку по имени Персефона, ага? Персефона? Черт, я сам ни фига не знаю, но пока вроде все сходится? Ты нашла это имя, так, там, в зоопарке Бельвью?

– Ты хочешь сказать, что эта Персефона приехала в Манчестер из Вирта?

– Я говорю, что Персефона… Вроде бы она богиня цветов и материнства. Что-то такое. Я хочу вот что сказать: Вирт, похоже, разозлился.

– Что значит «разозлился»?

– Мир Вирта, возможно, хочет найти путь внутрь, путь назад. Знаешь, как зомби хотят вернуться в город? Для меня в этом есть смысл. Я считаю, мир меняется, стена падает. Сновидение и реальность. Манчестер – центр этой стены. Если Манчестер падет, тогда… Ну тогда, наверное, весь мир падет следом. Я хочу подключить вирткопа. Я хочу, чтобы ты работала с Томми Голубем…

– Нет.

Зеро поднял руки к лицу, а когда убрал их, с его пальцев свисал респиратор. Он выбросил респиратор с балкона.

– Зеро?

Он глубоко вдохнул золотую пыльцу. – Сивилла… Если я буду дальше дышать этим воздухом… Я умру. Для тебя это ничего не значит?

– Ни за что. Никогда. Я ненавижу Вирт.

– Голубь готов пойти против Крекера. Я тоже. Это значит для нас очень много.

– Я не работаю с вирткопами. Это мой кошмар.

Мой голос налился тяжестью генетики. Я шагнула назад в комнату, направляясь к входной двери.

– Сивилла, – раздался голос Зеро за моей спиной. – Поздно бояться, Сивилла.

Я открыла дверь. Мужчина стоял на пороге. Оранжевый ирокез. Стройный и ладный.

Моя Тень подпрыгнула, словно меня приласкал дьявол.

Мы уже знаем, что неспособность видеть сны лежит в генетике; одна потерянная связь в двойной спирали. И страх перед теми, кто и есть сон, врожденный и неизбежный. Реакция Неведающего на порождение Вирта такая же, как у мыши на кошку. Она работает на том же уровне реальности, глубоко внутри телесного.

Голос Зеро:

– Сивилла, познакомься с Томми Голубем.

Вошедший вызвал у меня сильнейшую реакцию. Мой дым тек линиями ужаса. Томми поздоровался, но моя Тень продолжала кричать. Она вопила, что надо немедленно убираться.

– Сивилла, сядь, пожалуйста, – сквозь марево страха я поймала слова Зеро. – Я действительно верю, что это выход. Представь, Дымка, коп, который не видит сны… в паре с копом, который и есть сон…

Это был бы кошмар. Так я и сказала Зеро.

– Сивилла, я скоро умру, – сказал он. – Аллергия меня добьет. Это факт. – Слышать такое от песокопа, который один стоял против собачьих толп в Боттлтауне во время соцкормовских

мятежей! Но в голосе слышалось отчаяние. – Может, попробуешь, Дымка? Огляди комнату. Скольких копов ты видишь? Против аллергии только мы. Ты, я и Том. За это утро мы потеряли еще пятьдесят человек. Может, я буду следующим.

– Нет… Я… Прошу, убери его от меня.

Я махала руками на Томми Голубя, как будто таким способом могла отогнать его виртуальность. Томми Голубь просто стоял и смотрел, и его точеное лицо было похоже на камень. Я почти видела его виртовы крылья, взбивающие воздух в квартире. Томми Голубь так и не сказал ни слова. Я пыталась пройти к двери, не приближаясь к нему.

– Что ты обо мне думаешь? – прорычал Зеро. – Ты думаешь, мне нравится выхаркивать свои легкие? Думаешь, я хочу умереть от соплей? Ни хуя не хочу! Я хочу погибнуть в драке, как любой хороший пес. Том считает, что сможет послать твою Тень в сон. Не спрашивай меня, как это будет. Я просто бедный, чихающий до смерти пес из ниоткуда. А теперь давай попытаемся, ладно?

– Зеро! Для меня это слишком. Я…

– Давай!

Потом он кошмарно чихнул, без респиратора…

Аааааааапппппччччхххххиииииииииииии!

– Ты должна мне помочь, Сивилла, – пролепетал он. – Ты все, что у меня осталось…

Я вышла в коридор.

– Достань новый респиратор, Зеро.

Выбегая из квартиры, я захлопнула за собой дверь.

В ту ночь мы нашли первую жертву Больших Соплищ. Она была дронтом. Следовательно, иммунной. Муняшкой.

Ее звали Кристина Ежевика. Молодая девушка, недавно окончила колледж. Специальность – «биопластик и хардвер», две основы существования робопсов. Кристина была генетическим совершенством с кристально чистым интеллектом, и преподаватели из Манчестерского университета хвалили ее «объективный» взгляд, с которым она изучала метапесологию. Одна из больших метапес-компаний уже обещала ей место, когда она окончит курс. Во время расследования мне показали несколько ее последних дизайнерских работ. Они были очень качественными: спокойными и отстраненными, но изумительно подходящими для псов.

Тело Кристины нашли в кустах за церковью Сент-Энн. Когда мы добрались туда, кусты уже окончательно покрыли ее тело. Но это была не смерть от цветов. Это была смерть от людей.

В 10:34 вечера Кристина вышла из винного бара «Корбьер», слишком пьяная, чтобы сесть на экспресс, и поэтому решила

потратить часть драгоценной стипендии, чтобы взять икс-кеб. Она жила в Расхолме, доехать туда недорого, к тому же она собиралась устроиться на хорошо оплачиваемую работу, правда? Отмечали день рождения одного из ее друзей по колледжу. Свидетели из бара говорили, что весь вечер она чувствовала себя неуютно из-за того, что не чихает. Весь бар страдал от аллергии, и она постоянно ловила на себе холодные взгляды. Банда роборней-хулиганов начала издеваться над ней, называли ее мунятиной. Друзья пытались защитить ее, но даже они, несмотря на все попытки, не могли побороть отчуждение. Они называли ее целкой. Около 10:30 Кристина не смогла больше выносить мерзость бара, летевшие в нее сопли, град обвинений – и она убежала: домой, к такси на стоянке у Сент-Энн.

Они сразу ее догнали, затащили в кусты за церковью. Представляю, как она видела вокруг сжимающееся кольцо респираторов, как боролась и как респираторы стали один за другим подниматься, являя на свет все соцветие гибридов: псов и людей, теней и робо. Она кричала, умоляла их остановиться, но ее раскрытый рот стал для них приглашением: больные начали чихать на нее, утверждая свою болезнь. Главарь, широкомордый песопарень, вбил свою морду ей в рот и потом вычихал всю свою злость и ревность к ней. Затем ее взяла в оборот остальная толпа, и каждый поделился с ней ядом своих соплей.

Я узнала эту историю от драйверов икс-кебов, которые собрались вокруг места убийства, смеялись и перешучивались друг с другом. Попытался вмешаться только один Роберман, но его быстро отогнали. Естественно, в тот день у меня не было официального допуска к работе, но некоторые копы оказались более чем любезны; похоже, Крекер раздал всем сестрам по серьгам.

В тот вечер я допросила Робермана, и он рассказал, до чего ему не нравится концепция Больших Соплищ. Естественно, сначала я не смогла разобрать рычащие слова даже с помощью полностью активизированной Тени. В Робермане не было ни следа человека – только пес и робо, а Тень робопса уловить очень нелегко. Читать его сознание было как смотреть в глубину чердака при выключенном свете. Наладить с ним контакт пытались разные песокопы, но никому это не удалось. Неожиданно возник Зеро Клегг, до которого по каналам собачьего мира дошла информация. Зеро весело включился в новую работу, легко переводя грубое рычание Робермана на понятный язык. Робопсу было плохо: мои человеческие глаза ясно это видели; он дал показания о том, что видел. Большие Соплищи. Так больные называли убийство с помощью чихания. Роберман описал все, но

он (впрочем, как и остальные драйверы) не мог назвать нам имена преступников. Все они врали, но робопес остался верен правде. И вдруг я увидела, откуда исходит горе Робермана, у кого этот замученный аллергией нечеловеческий мутант с пластиковой мордой, кипящей соплями, научился сочувствовать нечихающим. Он был близок к Боде. В его Тени притаилось одиночество помеси, сквозь которое сумела пройти только моя дочь. Зеро сказал ему, что я «мать-сука» Боды. Дальше все было просто. Он рассказал, как Бода говорила с ним на стоянке Сент-Энн во время убийства. Колумб врал насчет таксишных записей. Бода была невиновна в убийстве Койота.

Молодые девушки, текущие сквозь одиночество: Бода и Кристина, близнецы потерянной жизни, рабы навеки утраченных снов.

Копы вытащили Кристину из туго обвивших ее церковных цветов. Ее остекленевшие глаза были распахнуты, на губах высох поток крови. В своей лаборатории робо-Шкурник засунул свои острые камеры ей в рот, и результат по телефону передали мне домой…

Доклад: легкие жертвы разорваны пулями соплей. Смерть от сквозного чихания.

Это было, когда дыхание людей начало меняться – от отказа к приему. Аллергия захватила нас. Мир был текуч, и опасность угрожала всем, живущим в нем.

Даже тем, кто не мог видеть сны. Мне, моей дочери…

Боде нельзя было возвращаться домой, и поэтому она на несколько дней осела в унылой и грязной квартире из разряда «постель и завтрак» на Фэлоуфилд. Сейчас она смотрела на Блаш по местному древнему телеку, смотрела, как подруга Койота зарабатывает на жизнь в дешевой мыльной опере под названием «Коматозная дорога». Бода делает подобие коктейля в подобии больничного пакетика. Бутылка «бумера», спертая у Кантри Джо, возвышается на туалетном столике, обжитом червями. Голая лампочка висит над кроватью, на которой лежит Бода. Этот свет – приманка для манчестерских ночных бабочек: они бьются о стекло снова и снова, пока их крылья не превращаются в лохмотья. Бода смотрит на смерть равнодушным взглядом. Дайте ночным бабочкам и прочим созданиям почить в мире. Дайте им достичь заслуженного конца.

Блаш играет в «Коматозной дороге» новый персонаж, младшую дочь Лена Грязнодумера. Лен Грязнодумер потом женился на Бетти Свинье, которая теперь зовет себя Бетти Грязносвинья. Блаш играет давно потерянного ребенка, плод буйных лет Лена, когда он перетрахал каждую бабу с Коматозной

дороги и весело бросал их без следа жалости. Теперь ему предстоит платить за ворованное удовольствие. Блаш – кошмар Лена Грязнодумера, от которого тот не может проснуться. Она его мыльная Немезида.

Бода выходит из мира телевидения, ее сознание наполнено Тенью. И мир, куда она возвращается, влажен от пота и любовного сока. Комната – городской рай, сияющий коллектор спермы и отчаяния.

У Боды кончаются деньги.

У Боды кончается надежда.

Последние две ночи эта унылая комната была ее единственным миром. Она не хочет больше никуда идти. Она больше не хочет ничего знать о жизни за пределами этих стен. Там остались только демоны. Икс-кебы, Койот, копы, Гамбо, ее мать, Колумб, бывшая Бода, бывший Тошка. Они все требуют ее часть. Встретиться с матерью на тропинке парка цветов – это было уже слишком. Ее мать и правда была копом? Это предельное унижение. Воспоминания роятся в голове, пока лицо матери не накладывается на «Коматозную дорогу». Мать сидит в баре «Спящая Королева» – это кабак, где бухают все обитатели Коматоза. Ее мать пьет в Тени Боды, так или иначе.

Она даже не знает, как зовут мать.

Бода встает с кровати и выключает телевизор. Коматоз распадается в пыль. Она снова одна. Она ждет. Чего? За окном ее комнаты растут цветы, хотя она на втором этаже. На улице воют псы. Природа стала убийцей. Бода старается дотянуться до самых глубин Тени, пытаясь найти воспоминания. Пытаясь найти ту жизнь, которую у нее, Боды, забрали икс-кебы.

И возвращается ни с чем.

Темнота, темнота. Бода смотрит на бутылку «бумера» на столике. «Может, пора? Пора гасить эту красотку». Она знает, что «бумер» может убить, если его неправильно принять.

В твоей карте была дыра, дочь моя. Ты была на волосок от того, чтобы провалиться в нее.

Колумб хотел ее смерти. Почему? Из-за того что она что-то знала? Что же, мать его, она знала? Ничего. Король кебов убил Койота? Это все связано? Столько вопросов. Есть только один способ найти ответы – вернуться на карту. Боде надо поговорить со Свичем. Боде нужен конфликт.

Как это сделать?

Бода включает радио и настраивается на пиратскую станцию.

Гамбо говорит прямо с ней…

– Боадицея, прелесть моя! Гамбо нырнул в записи икс-кебов и нашел там аномалию. Их меняли. Они поддельные. Да!

Слушатели, слушайте. Боды не было рядом с Александра-парком во время убийства. Кто-то подставил ее, и это мог быть только Колумб. У кого еще есть такой доступ? Бода невиновна. Обвинять надо «Икс-кеб», может, еще копов, потому что разве они не связаны друг с другом? Я предлагал пять золотых перьев за местонахождение убийцы Койота. Теперь я предлагаю шесть за местонахождение его невиновной любовницы. Содержание пыльцы растет. 1257 гранул на кубометр. Бода, ты там? Ты слушаешь? Приходи ко мне домой. Ты знаешь, у Гамбо безопасный дом. Копы и кебы никогда не найдут тебя у меня. Чтобы ускорить твой переход, я поставлю мою главную мелодию. Правильно. «Хиппи Гамбо» из 1967-го, от некоего Марка Болана до Tyrannosaurus Rex. Может, эта погибшая в машине душа покоится где-то в мире…

Музыка. Время решать…

Больше некому верить.

На улице, прямо рядом с дверью, есть телефонная будка. Она работает от монеток. Бода ждет несколько секунд, собирается с духом, а потом бросает в щель несколько своих последних пенни.

Суббота, 6 мая

Белинда, наши истории сходятся вместе, все ближе и ближе, ближе к моменту, когда они сольются в одну.

Километры, километры и километры; волны психоделического света на теряющемся в дыму потолке. Волны музыки. Система играет «Земляничные поляны», и Бода отдается ласковому потоку. Ванита-Ванита, чувственная темнокожая хозяйка с выдающейся во всех отношениях фигурой и полуметровой прической афро, вся уходит в танец этой северной страсти. Она обнимает Боду за талию и скользит вместе с ней вниз…

Темная комната полна сияющих перьев, в нее спускается Бода. На влажных стенах – яркие разноцветные пучки. Повсюду на полу коробки звукового оборудования со вскрытыми корпусами, вывалившимися проводами, соединенными друг с другом. Провода свиваются, как стебли, в сложном любовном узле. Некоторые подключены к старому аккумулятору, другие – к электросети, остальные цепляются за провод, прикрученный к патрону для лампочки на потолке. Сам Гамбо Йо-Йо сидит внутри клубка и присоединяет белый и голубой провода к красному. Искры. Бода чувствует в своей Тени жар: в ее дым толчками входят знания. Под потолком гуляют мягкие потоки воздуха от четырех вентиляторов на стойках, и в этих потоках плавают перья разнообразных цветов, как осколки сна. Белинде не по себе среди этого движения. На монтажной плате вырастают язычки лучистого огня. Гамбо Йо-Йо гасит пламя плевком. «Битлы» включены на такой громкости, что кажется, будто вся комната пульсирует в едином ритме. То тут, то там вспыхивают созвездия огней – как светомузыка. На стенах переливаются случайные изображения, высвеченные старомодными кинопроекторами. Ванита-Ванита отпускает Боду, не сумев разбудить в ней танец. Резкий ритм качает тело Ваниты-Ваниты, захватывает целиком. Бода чувствует себя забытым незваным гостем. В лиловом тумане висит запах «бумера».

Все какое-то нереальное.

Гамбо Йо-Йо – это волшебник средних лет, весь в морщинах, спрятавшийся за спутанной копной грязно-светлых волос. Он одет в лиловые широкие штаны и вывернутую ветхую рубашку. Пока молчит. Его обмазанные вазом губы не отрываются от трубки, ведущей к шару бурбулятора, где пузырится жидкий «бумер». Бода чувствует запах сладкой жидкости, когда она превращается в дым, прикасаясь к Тени. Ей хочется вобрать этот запах в себя, и

когда Гамбо отрывает ото рта трубку и предлагает ей, она без колебаний принимает его дар.

В мир нисходят Мир и Любовь.

– Полегче, полегче… – Голос Гамбо витает где-то далеко. – Это мощная штука. Сделай пару глотков и все.

Этот нелегальный сорт – крепкий коктейль опасности и блаженства. Сознание Боды блуждает по лабиринту наслаждений. Гамбо что-то говорит ей, но из-за наркотика и музыки слов не разобрать. Может, что-то о ее прошлом?

Мир-водоворот. Цвета и вспышки сливаются в гармонию любви. Бода уже не понимает, где она. Комната шатается, полная света, тепла и перьев.

– Я не знаю, кто я, – полуотвечает она. – Это загадка.

Гамбо поводит руками в воздухе медленным танцевальным движением, как в тайцзи, и громкость музыки немного уменьшается. Теперь Боде удается его расслышать.

– Замечательно… ода… тебя ведь не сгружали, йо-йо? – Без радиофильтров голос Гамбо высокий и дребезжащий, убитый слишком большими дозами наркотиков и блаженства.

– Я не знаю, что там было, – отвечает Бода, возвращая Гамбо трубку. – Отключилась, когда кеб освободился. Я теперь совсем одна. Ничего не помню.

– Да, крепко тебе выебали мозги.

– Я не помню даже, как меня зовут. Даже какая у меня фамилия.

– Дотаксишное погонялово? Нет проблем. Я скажу.

– Ты знаешь?

– Ну конечно, суперсладкая. Погоди. Запись почти кончилась… – Гамбо щелкает переключателем на старом студийном микрофоне и начинает комментарий, пока затихает музыка. Самодельные усилители частот преобразуют голос в густой бас, несмотря на одолевающие Гамбо порывы к чиханию. А прежде чем заговорить, он засовывает в рот сине-серебряное перо:

– Извините. У нас были «Битлз», а теперь с вами Гамбо Йо-Йо с особыми новостями. Сегодня со мной на волне в гостях таинственная звезда. Сейчас мы послушаем «Пинков», альбом «Волынщик у врат зари», весь целиком, люди, а старый Док пока поболтает со своим гостем. Наш автобус вернется к вам как можно скорее с последними известиями про беглого иксера. Ооооопа! Кажется, тут я проговорился. Истинная правда, обожаю распускать язык.

Ванита-Ванита опускает иголку на дорожку в виниле. Настоящий проигрыватель времен шестидесятых, компактный, чувствительный, басовые частоты усилены с помощью наворотов,

описанных в номерах «Популярной вирт-механики». Провода от развернутой задней стенки деки ведут к усилителям с перьями, воткнутыми в некоторые разъемы. На стенах комнаты волнами света переливаются высокие частоты и басы. На шкаф с пластинками водружен самодельный счетчик пыльцы, собранный из радиоламп и перьев. Показание: 1594 и продолжает повышаться.

– Ты поняла, что делать? – спрашивает Гамбо.

– Ну, я же здесь.

– Вам следует выразить некоторое уважение, мадам, – говорит Ванита. – Не многих принимают во Дворце Гамбо.

Бода не знает, что сказать. Музыка оплетает ее стягивающими волнами наслаждения. Она никак не может поверить, что знаменитое хай-тековое звучание Гамбо достигается на железе такого низкого качества, и говорит ему об этом. Гамбо, кажется, и не собирается отвечать; его крыша уже улетела в неведомые дали. Он медленно покачивается, как змея.

– Гамбо любит как проще, – сообщает ей Ванита, танцуя в новом, более свободном ритме.

– Зачем нужно это сине-серебряное перо?

– Это Вишневый торчок. Собственное изобретение Гамбо. Понимаешь, он в полном улете двадцать четыре часа в сутки. Будь уверена, он без перерывов торчит с тысяча девятьсот шестьдесят шестого, а тогда он еще даже не родился. Вишневый торчок помогает ему на минутку затормозиться.

– О Боже!

– А ты думала наоборот, ага?

– Он в самом деле может мне помочь, Ванита?

– Детка, гораздо лучше, чем кто-либо другой. Гамбо слушал их разговор, лежа на полу; его глаза смотрели в другой, тихий мир. Теперь пальцы Гамбо лениво тянутся к перу Вишневого торчка. Он облизывает его и говорит:

– Все, что ты тут видишь, Бода, – настоящая техника шестидесятых. Конечно, вся переделанная под футуристические стандарты, но все-таки я считаю, что это потерянное десятилетие было самым лучшим. Ты что-нибудь знаешь про те времена, иксер?

– Не очень много.

– Это было время хэппенингов, время цветов. Время перемен. Поэтому мне так нравится аллергия, несмотря на ее опасность. Цветы возвращаются, мир начинает шевелиться. Город, блядь, наконец пустил сок.

– Ты не мог бы рассказать о моем прошлом?

– Сейчас доберемся. Йо-йо! Аааааааапчхххххи!!!!

– Gesundheit («Будь здоров», – нем.), – говорит Ванита-Ванита.

– Спасибо. Красота. – Гамбо поводит руками, и спроецированные изображения переходят в длинные цепочки слов послания, которое появляется на стене. История Боды. – Я стырил это из кеб-архивов. Интересное чтиво, сладкая… – И Йо-Йо снова отключается.

Бода читает на стене свое прошлое. Настоящее имя: Белинда Джонс. Особенности: Тень и дронт. Дата, место рождения. Мать: Сивилла Джонс. Профессия матери: теневой коп.

– Моя мать – коп.

Гамбо снова колбасит. За него говорит Ванита:

– Она на самом деле теневой коп. А теперь в программе дочь копа. Гамбо оно в кайф, точно тебе говорю.

– Мы жили на Виктория-парк?

– Кеб-архивы никогда не врут. Бода смотрит на Ваниту.

– Ну… очень редко, детка.

– Моя мать еще живет там?

– Легко можно выяснить, Бода. Или лучше называть тебя Белинда?

Секунда на размышление.

– Белинда.

– Белинда, Белинда! – кричит обдолбанный непогрешимый Гамбо. – Зашибись! С возвращением. – Гамбо вновь отводит руки, и иксерская история растворяется в музыке «Пинк Флойд».

– Не волнуйся. Узнать Гамбо – значит сразу его полюбить, – говорит Ванита. – Ну, и какие ощущения?

– В том-то и проблема… что я не могу разобраться. Такое чувство, что я растратила всю жизнь на воспоминания ни о чем. Хочется, чтобы со мной была карта. Без нее я все время чувствую себя потерянной.

– Поэтому ты и пришла к нам?

– Я хочу найти убийцу Койота. Теперь это мое дело. И чтобы сделать его, мне понадобится карта.

– Что ты успела узнать?

– Так на самом деле вы не думали, что я убийца?

– Гамбо знает, что ты не убийца, Бода. Он прошелся по архивам «Икс-кеба». Официальное подтверждение от Гамбо. Колумб обманул копов.

– Смерть Койота как-то связана с пыльцой.

– Мы знаем,

– Колумб тоже.

– Тем лучше. Гамбо подозревает, что Крекер тоже приложил к этому руку.

Появляется фотография Крекера, спроецированная на

дрожащую стену из головы Гамбо.

– Я его знаю, – говорит Белинда. – Пассажир сказал, что его зовут Девиль. Это Крекер?

– Да. Начальник копов.

– Крекер пытался убить меня.

Гамбо отрывает губы от трубки ровно настолько, чтобы проорать: «Бешеный свиненок!» Белинда не обращает внимания:

– Почему они хотят меня убить, Ванита?

– Ты просто слишком много знаешь, Белинда.

– Я ничего не знаю. Я совсем одна.

– Теперь нет. Ты нужна Гамбо.

– А ты всегда говоришь за Короля хиппов?

– Сама-то как думаешь?

– Я пришла сюда по своей воле, Ванита. И не для того, чтобы слушать этот… этот обдолбанный хипповский треп.

Ванита умолкает. Гамбо булькает бурбулятором, стекло которого искривляет и вытягивает его лицо. Потом чихает.

– Будь здо…

– Ванита, отстань!

Это Бода, она сама от себя такого не ожидала. Она переступает через клубок проводов к месту, где сидит Гамбо. Она выдергивает трубку у него изо рта, хватает из воздуха перо Вишневого торчка – хрустят пальцы, жгучая боль, перья щекочут кожу. Все равно.

– Белинда, стой…

Цветной голос Ваниты. Все равно. Перо должно отправиться куда следует. Белинда тыкает им в рот Гамбо. Он давится и отплевывается, но она заставляет его глотать.

Глубже.

– Мне сказали, что аллергия появилась из мира Вирта под названием Пьяный Можжевельник. Это так? Гамбо! Это так?

– Точно как я думал. – Глаза Гамбо слезятся от внезапного возвращения в реальность.

– Объясни мне, что такое Пьяный Можжевельник.

– Это зеленое райское перо. Очень редкое. Гамбо ни одного не видел уже много лет.

– Что значит «райское перо»? Ну!

– Пошла ты!

– Гамбо…

– Ванита, не встревай. – Дальше снова с Гамбо: – Мы помогаем друг другу или как? Может, мне напустить на тебя Тень? А? Хочешь? Попробуешь теневой трах?

– Нет, нет… пожалуйста… В Можжевельнике можно оставить свой разум после смерти. Ты можешь жить там вечно, во сне. Это

преисподняя, где правит некто Джон Берликорн. Там он живет со своей молодой женой, Персефоной.

– Персефона – последний пассажир Койота.

– Точно! Вот оно.

Белинда отпускает Гамбо. Ванита подходит успокоить его.

– Все нормально, Ванита. Суперклево. – Он поворачивается к Белинде и фокусирует на ней взгляд: – Потому тебя и хотели убить, драйвер. Ты слишком много знаешь о сонном семени. Вирт вторгается в наш мир, а Персефона – источник аллергии. Колумб – путь, по которому приходит пыльца.

– Значит, Колумб убил Койота, когда он доехал до места?

– Может быть, сейчас важнее остановить проникновение Вирта. Опасность смертельная, каждый раз, когда кто-то чихает, он ставит еще одну подпись под нашим приговором.

– Мы что-нибудь можем сделать?

– Аааааааапчхххххххи!!!!! Простите. – Гамбо вставил перо Вишневого торчка обратно в рот, чтобы еще раз глотнуть реальности, и продолжил: – Нужно, чтобы ты встретилась с Колумбом.

– Ты можешь это устроить, Гамбо? – спрашивает Белинда.

– Можно устроить, но это опасно. Хочешь рискнуть?

– Хочу.

– Первый шаг – снова подключить тебя к карте Улья.

– Я готова.

Рот Гамбо искривляется в черной от травы ухмылке, которую не может скрыть даже занавес его волос. Потом он смотрит на большие морские часы в нише на стене. Они показывают 11:42. Гамбо сдвигает настройку так, что рисунок музыки «Пинк Флойд» превращается во множество черно-желтых насекомых, которые ползают по стенам.

– Это иксерская карта, – говорит он.

– О Господи.

– Но сначала… эфир…

Зеро Клегг позвонил мне в субботу утром, без пяти двенадцать, и спросил, слушала ли я в последнее время Гамбо.

– Все, все, можешь не говорить, – сказал он, прежде чем я успела вставить хоть слово. – По твоей реакции, Си, сразу понятно, что нет.

– А что он передает? – спросила я. – Список всех известных муняшек? – За ночь, как обычно, было обнаружено полдесятка трупов мунят.

– Хуже.

– Говори.

Зеро притих. Это было необычно. Что-то не так. За сто

пятьдесят два года жизни со мной происходило множество странных и неожиданных вещей, но слова, которые я услышала в тот день по телефону, навсегда останутся в самых глубинах моей Тени. Зеро поставил мне запись утренней передачи Гамбо Йо-Йо, с 11:42 до 11:45. В начале записи слышалась затихающая музыка, потом, когда музыка еще не успела кончиться, включался голос. Говорил не Гамбо, более того, голос был женский…

«Жители Манчестера, с вами на волне Гамбо беглый иксер Бода. (ЧЕТЫРЕ СЕКУНДЫ ТИШИНЫ.) Теперь меня зовут Белинда Джонс. Это мое дотаксишное имя. Я не убивала Койота и никогда бы не сделала ничего подобного. „Икс-кеб“ дала ложные сведения о моем кебе: в тот момент его не было рядом с Алекс-парк. Колумб пытался меня подставить. Может, я чересчур много знала о его секретных планах, а может, просто слишком любила Койота. У меня так и не получилось об этом сказать. Его рано отняли у меня, так рано… (ДВЕ СЕКУНДЫ ТИШИНЫ.) Я решила расследовать, кто на самом деле его убил. В том рейсе, который стал для него последним, Койот вез пассажирку по имени Персефона. Этот заказ Койоту устроил Колумб. Королю кебов помогают копы. Сам Крекер… Крекер пытался убить меня. Плохо старался, копанутый придурок. Персефона – девочка десяти или одиннадцати лет. Возможно, она – причина аллергии. Если у вас есть какая-то информация, звоните Йо-Йо. Он передаст это мне. (ДВЕ СЕКУНДЫ.) Содержание пыльцы 1607 и продолжает расти. (ПЯТЬ СЕКУНД.) Сейчас Гамбо поставит „Помнишь ли ты свою маму“ (Она стоит в тени) „Роллинг Стоунз“. Специально по просьбе Сивиллы Джонс из манчестерской полиции. Как тебе последний матч по виртболу, Сивилла? (ДВЕ СЕКУНДЫ.) Слушайте мои следующие новости через час. Я уступаю место Мику и его группе. (ТРИ СЕКУНДЫ.) Э… Гамбо, ну как?»

Теперь второй голос – Гамбо: «Все нормально, малышка. Аааааааапчхххххиииииииииии!!! Извините. Продолжение разговора с нашим беглым иксером сегодня в час дня. Оставайтесь с нами, понятно?»

Потом началась музыка, Зеро выключил запись и взял трубку. Но он ничего не сказал. Я слушала его тяжелое хриплое дыхание в темноте моей сжавшейся до дрожи Тени. Он чихнул в трубку и сказал:

– Понимаешь, что это значит? Твоя дочь у Гамбо.

– И что, Зеро? Я хочу вернуть ее.

– По-моему, важнее разобраться с аллергией.

– Это по-твоему.

– Успокойся, Дымка.

– Она моя дочь, Зеро. Я годами ее искала.

Клегг снова умолк. Я услышала, как он чихнул куда-то в сторону, потом снова заговорил:

– Ну ладно, Джонс, договоримся так. Я приведу к тебе Томми Голубя, и мы…

В этот момент я повесила трубку. Дай ему косточку, он и… и так далее. Похоже, среди далеких предков Зеро была чистокровная ищейка.

Все меня раздражало, из головы не шли видения летающих перьев. В спальне кричал сын. Я отправилась удовлетворять его потребности. Хотя это нужно было скорее мне, чем ему: просто попытки помочь моему первенцу приносили мне какое-то облегчение. В комнате были заткнуты все щелки, но пыльца уже успела проникнуть внутрь. Из хилого тела, покрытого жесткой коркой застывшей слизи, вырывалось приглушенное дыхание (я изо всех сил пыталась счистить эту корку, но всегда появлялась новая, мокрая и скользкая). Я боялась, что ему осталось не больше нескольких дней. Здесь нужно объяснить, что для неполноценных существ смерть – вовсе не то же самое, что для настоящего живого. Для смертных она враг, и они сражаются до последнего вздоха. Напротив, НПС, когда приходит время, чувствуют нечто похожее на любовь: наконец прекращается борьба между несовместимыми началами их родителей. Жизнь и смерть сливаются в томном поцелуе. И все, что нужно после, – позволить темной стороне души отвести тебя в постель. Их постель – могила, на этом ложе они родились, на нем же и умрут. Что отделяет Сапфира от момента, когда он уйдет? Вдох? Чих? Очередной скачок содержания пыльцы? У меня нет выбора, я должна найти способ помочь ему. То, что все щели в комнате законопачены, на самом деле нужно только мне, особенно сейчас, когда я услышала, какую песню поставила для меня дочь. Помнишь ли ты свою маму, вот она, стоит в тени? По телу пробежала дрожь, рябь по дыму. Я настроилась на волну Гамбо и опять услышала, как он хвастается, что отныне Бода остается в его тайном убежище, «где копы никогда не сумеют ее найти. С перерывами в час она будет рассказывать Манчестеру историю своей необыкновенной жизни. Специально для „Радио Йо-Йо“, покажем нос всему Северо-Востоку». На этом месте он от души засмеялся, и от его смеха я просто взбесилась.

Потом я села и, чтобы успокоиться, взяла початую бутылку красного вина, оставшуюся с прошлой ночи. Всего за двадцать минут я ее прикончила, а еще за пятнадцать успела основательно распробовать и вторую. При этом я выкурила по крайней мере тридцать «напалмов». Вкусив всех запретных плодов, я сладостно опускалась в объятия Диониса. Казалось, весь сахар у меня в

крови превратился в алкоголь. Моя Тень захлебнулась и утонула в вине. Надпись на пачке «Напалма»: «КУРЕНИЕ ЛЕЧИТ ДУШУ – ЛИЧНЫЙ ИИСУС ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Первый раз в жизни «напалмы» мне не помогли.

В час я снова включила «Радио Йо-Йо», надеясь услышать рассказ Белинды о своей жизни, о моей жизни. Наверное, я достигла крайней степени отчаяния.

Гамбо Йо-Йо усмехался сквозь свои космы.

– Отличная передача, Белинда. Для новичка. Теперь смотри. Черт, последний раз так здорово мне было уже черт знает сколько лет назад.

Тут мы снова перенеслись в 11:46 утра все той же субботы.

Гамбо и Белинда остались наедине, Ванита исчезла в каком-то длинном коридоре. Гамбо хорошо дало по мозгам Вишневым торчком, он стал почти нормальным, тыкает в стены, на которых мерцают таксишные дороги:

– Это карта Улья в рабочем состоянии. Желтые точки – кебы, черная сетка – дороги. – Гамбо трогает настройку, и плоскость карты разворачивается на сто восемьдесят градусов. – Разве не замечательно? Мы можем наблюдать ее под любым углом, из любой точки. Следи за дорогой, драйвер.

Теперь Белинда летит по Оксфорд-роуд, почти как раньше внутри Тошки. Только вид с высоты.

– Где Колумб? – спрашивает она.

– Колумб – вся эта штука в целом. В чем и его слабость, понимаешь?

– Почему? – Белинда заинтригована.

– Свич стал чересчур силен. За деревьями не видит леса, за кебами – дороги.

– Знаешь, что он делает какие-то серьезные изменения в карте?

– Вот это как раз меня и раздражает. Мы же оба как бы доставщики – и Гамбо, и Король кебов. Связь – это сила. Каждый из нас принял обязанности по установлению связи между людьми, а этот мудак берет и использует связь в своих целях. Так что, Белинда, нам надо по-быстрому все сделать, ага?

– А что ты можешь сделать?

– Смотри… – Гамбо снова щелкает переключателями, изображение концентрируется на одном из икс-кебов. – Видишь этот кеб, Белинда? – спрашивает он. Белинда кивает. – Это мой кеб. Кеб Гамбо Йо-Йо. Волшебный Автобус.

– Такого кеба нет, – говорит Белинда. – Официально. Но все-таки этот старый хипповский кеб тут. Ты же видела снаружи Волшебный Автобус?

– Видела.

– Это мой икс-кеб.

– Не может быть.

– Ты же видишь, что может. Смотри… – Гамбо берет управление, и хиппи-кеб на карте сворачивает налево, с Оксфорд-стрит на Витворт.

– Но кто его водит? – спрашивает Белинда.

Гамбо смеется:

– Я. Никто. Это мнимый кеб. Как раз от него я получаю сведения о карте. Колумб даже не знает, что существует такое волшебное такси.

Белинде кажется, что от того, что она узнала, ее голова сейчас взорвется: это знание противоречит всем ее представлениям о карте.

– Это неправильно, – стонет она.

– Именно. И я могу сделать то же самое для тебя с Тошкой. – Гамбо снова смотрит на часы. 11:52. – Но нужно начинать быстрее, – говорит он ей. – Ну что, Белинда? Ты хочешь обратно на карту?

– Да, да, начинай. Хочу.

Гамбо исполняет соло на грохочущей древней пишущей машинке – провода от ее обнаженных внутренностей любовно вплетаются в общий клубок. Гамбо протягивает руку и не глядя берет из воздуха серебряное перо, не обращая внимания на пробивающий чих. Он сует перо в рот, всасывает внутрь, потом вынимает. Вставляет мокрое перо в разъем покореженного трансформатора. На стене поверх иксерской карты появляется бегущая строка: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛЕТУЧЕЕ СЕРЕБРО. ПРОБНАЯ ВЕРСИЯ. БУДЬТЕ ДОБРЫ, ЗАПЛАТИТЕ ЗА РЕГИСТРАЦИЮ».

– Шли бы вы на хуй, – заявляет Гамбо. – Информация должна быть бесплатной.

Он что-то настраивает, пока на фоне карты не появляется всплывающее меню, и говорит Белинде:

– Каждое утро в 11:59 карта получает обновление от Совета. Этот момент можно использовать. Через эту дверь мы и пройдем. – Пальцы Гамбо танцуют по клавиатуре. – Ааааааапчхххххиииии!!!!! Извиняюсь. Бля, эта аллергия меня убивает. Скажи-ка мне название для новой улицы.

– Что?

– Белинда, я не шучу. Времени будет мало. Давай, новое название…

– Кривая дорожка, – отвечает Белинда, и из темноты возникает название.

– Есть.

Гамбо открывает на изображении карты дополнительное окно. Ровно 11:57. Пробегает пальцами по клавишам. В окне видно, как совмещается с картой новая улица под названием Кривая дорожка. В другом окне у Гамбо открыта база данных властей. В поле окна втиснуты все последние обновления карты. Гамбо располагает окно Кривой дорожки над окном Совета. Потом объединяет их. Теперь Кривая дорожка зарегистрирована как новая дорога, которая сегодня должна быть открыта.

– Не волнуйся, – говорит он Белинде. – Все наши данные зашифрованы по-черному. Скажи мне икс-кеб номер Тошки, пожалуйста.

Белинда называет номер, потом Гамбо Йо-Йо перетаскивает иконку икс-кеба с панели над изображением. Он объединяет иконку с номером и помещает ее на мнимую улицу Кривая дорожка. Уже 11:59, и Гамбо с Белиндой молча смотрят, как карта всасывает в себя обновления из Совета.

– Ну вот, драйвер, – говорит Гамбо. – Ты на связи. Белинда придвигается к изображению. По карте Улья носятся ярко-желтые иконки. На востоке от города, в месте, где раньше не было ни одной дороги, появилась новая улица – Кривая дорожка, и на этой улице торчит затемненная иконка ее собственного кеба, Тошки, который ждет драйвера. Гамбо объясняет, что иконка темная, потому что настоящий Тошка сейчас не на карте, но, как только она проведет его через границу, этот значок, как и остальные, станет живым и ярким, только особенного цвета.

– Мы с тобой сможем разговаривать через ту же систему, – говорит он. – И мистер Великий Свич нас ни черта не услышит.

Гамбо смеется. Белинда спрашивает его, как все это работает.

– Да очень просто: троянский конь. Ты вписываешь в обновление новую улицу, мнимую, и ставишь там свой кеб. Колумб считает, что улица вот она, а на самом деле ее не существует. И твой кеб катается по этой невидимой дороге. Такая вирусная улица. Мой Волшебный Автобус живет на улице Земляничные поляны. Там же на карте находится и этот дом… Земляничные поляны. Вот почему власти не могут узнать мой адрес. Кебы, копы, власти – Гамбо на всех на них плевать. Карта снова твоя, Белинда.

– Спасибо, – благодарит Белинда Гамбо, чувствуя, как ее голову вновь заполняет знание. – Но она не приближает меня к Колумбу. Ты обещал кое-что большее.

– Есть один способ.

– Рассказывай.

– С возвращением, любовь моя.

Гамбо смотрит за спину Белинды. Белинда оборачивается. В проеме стоит Ванита-Ванита, держа за руку девочку. На девочке купальный костюм, а волосы блестят от воды. Забрызганные перья тут и там запутались в мокрых локонах.

– Она была в бассейне, Гамбо, – говорит Ванита.

– Зашибись. Даже заебись.

– Блаш… – говорит Белинда. – Это ты?

– Это я.

– Ты знаешь Гамбо?

– Я всех знаю, Бода.

– Белинда… меня зовут Белинда.

– Шиза. Одна на всех. – Блаш держит черное перо между роняющих капли пальцев.

– Черный Меркурий? – спрашивает Белинда.

– Мое сокровище.

– Сокровище всего мира, – объявляет Гамбо.

– С ним можно добраться до Колумба? – спрашивает Бода, подумав, что, наверное, так же Койот разговаривал с Королем кебов.

– Сделать это можешь только ты, детка, – отвечает Гамбо. – Ведь ты у нас отличный драйвер.

В час дня я настроилась на волну Гамбо, надеясь снова услышать голос дочери. Но вместо нее был пират-хиппи, который наказал мне сидеть на месте и слушать…

– Люди, люди, люди! Слушайте и скажите всем знакомым. Сегодня в два мы собираемся вместе поймать волну. Мы заберемся в Вирт и будем искать причину аллергии и способ от нее избавиться. Ага, именно так. С нами будет путешествовать сама Белинда Джонс, экс-икс-кеб-драйвер. Она хочет поймать Колумба во сне. Мы думаем, что это Колумб направляет аллергию из мира под названием Пьяный Можжевельник, то есть Колумб берет ее пассажиром и на нем она добирается сюда. Бода поведет свой дикий кеб к источнику всей мерзости. Там она предъявит Колумбу счет за все его преступления. Оставайтесь с нами и скажите всем. Это все равно что полет на Луну. Такое происходит впервые. Задраивайте люки. Ведь вы в курсе, что только со стариной Гамбо можно улететь так далеко.

Я выключила радио.

Моя Тень словно сгустилась. Да как же Белинда может попасть в Вирт? Ведь она дронт, Неведающая. Если только ее поведет за собой кто-нибудь вроде Томми Голубя, человека-перо. Но пойдет ли моя дочь на такой риск?

По всему Манчестеру люди собираются послушать новости. Слушают в барах и магазинах, у газетных киосков и в

супермаркетах. Даже на улицах громкоговорители откуда-то сверху вещают голосом Гамбо Йо-Йо, вырывая всех из обыденности. Его путешествие заставило людей выйти из домов. Им стало все равно. Вот они стоят группами, все в респираторах, чихают в окружении цветов.

Гулкий голос разносится из репродукторов на вокзалах Пикадилли и Виктория. Пассажиры откладывают отъезд, боясь пропустить передачу.

В Боттлтауне склонились над радио Твинкль и Карлетта. Они знают, что Блаш связалась с Гамбо и что она как-то участвует в их путешествии. Твинкль обнимает Карлетту, вытирает девочке-щенку нос, когда та чихает.

Зеро Клегг слушает радио у охранников Первой башни в Намчестере. Томми Голубь сидит рядом с ним на плюшевом диване.

Крекер дома, его окружают дети, поднявшие ужасный визг и шум. Он кричит, чтобы все заткнулись, блядь, и не мешали слушать…

13:15.

Радио…

Люди выстраиваются на Маркет-стрит и Пикадилли-гарденз. Почти все они в респираторах. Цветы покрывают каждую машину, каждый дом. Припаркованные бампер к бамперу машины наполнили улицы ослепляющим сиянием нагретого хрома. «Радио Гамбо» включено в тысячах точек по всему городу. У некоторых слушателей во рту перья Гамбо, но большинство предпочитают слушать вместе с другими. Коллективный опыт. Никто не смеет шевельнуться, боясь что-то пропустить.

На пустыре перед Дворцом Гамбо собирается племя пёстафари; они застывают на месте, некоторые на двух лапах, некоторые на четырех. Ветерок нехотя треплет покрышки раггамаффинских типи. Горит костер. На огне поджаривается шмат мяса размером со свинью. Веретенообразные скульптуры, воздвигнутые в честь какой-то мутантной собачьей богини, злобно косятся на яркое солнце. Старые фургоны и разбитая «Скорая помощь» поставлены по дуге, кончающейся раскрашенным «транзитом» с надписью «Волшебный Автобус». Это машина самого Гамбо, а собаколюди – его последователи и защитники. И у всех до середины спины свисают толстые дредлоки с ползающей по ним живностью. Все молчат. Бо`льшая часть племени носит респираторы, поднятые на лоб очки время от времени поблескивают на солнце. Все они слушают передачу из громкоговорителя на стене Дворца Гамбо.

Внутри Ванита-Ванита ведет Белинду за руку в комнату на

втором этаже Дворца. Дверь открывается в темноту.

Внутри, там колонки, играет музыка Гамбо, тихо, тихо…

Глаза Белинды постепенно привыкают к темноте. Чуть слышное чавканье. На полу перед ней шевелится что-то мокрое.

Дух зомби.

От входа и до самого потолка у противоположной стены комната полна полуживыми. Раздутые тела. Исчадия Манчестера. Их ноздри извергают комки слизи.

– Боже мой! – вырывается у Белинды. Голос Ваниты:

– Гамбо дает приют отчаявшимся.

– Спаси… пожалуйста, спаси нас, – раздается низкий голос зомби. Он напоминает Белинде о Бонанзе – зомби, который помог ей сбежать из отеля Кантри Джо в Лимбо.

13:30.

В самом центре своей паутины дорог медленно шевелится Колумб, Король кебов, и ждет, ждет, ждет…

На Динзгейт и Кросс-стрит, Оксфорд-роуд и Уилмслоу, Рокдейл-роуд и Принцесс, Ист-Мос-лейн и Блэкфрерз собираются тысячи людей, слушают музыку, доносящуюся сквозь двери магазинов и опущенные стекла остановившихся машин. Где-то в этой путанице и Роберман – и на кеб-волне, по которой трахали его мозги, теперь звучит песня, вездесущая песня.

13:45.

Белинда Джонс уже болтает голыми ногами в бассейне, свернувшемся кольцом в подвале Дворца Гамбо. Дитя Вирта Блаш тоже тут, тоже с голыми ногами. Блаш объясняет Белинде, что если выбрать правильный путь и не сворачивать с него, то все, что должно произойти, произойдет.

– Ты особенная, Белинда, – говорит она, болтнув ногой. – Ты очень похожа на Койота. Шизово наивная. Но сильная, бешеная. Вы оба отличные драйверы и подошли бы друг другу. Конечно, вам уже не быть вместе, но это значит, что остается только как-то отомстить.

– Я слабая, Блаш, – говорит Белинда, а вода плещет вокруг лодыжек, словно холодные руки, которые хотят схватить Белинду и утащить вниз. – Не знаю, выдержу ли я этот трип. Я боюсь Вирта.

– Ты боишься, я боюсь, да весь Манчестер просто шизеет со страха. Только разве у тебя есть выбор? По-моему, нет. Ты одна из лучших, Белинда, просто ты еще не поняла. Ты, я, Гамбо и Черный Меркурий; если ты видишь какой-нибудь лучший способ навестить Колумба, можешь мне о нем рассказать.

Тишина. Только неспешными волнами ходят по подвалу глубокие тени, да плещется вода вокруг лодыжек героя поневоле.

13:50.

Гамбо ставит «Дорз», «Riders in the Storm» – и печальная, тягостная мелодия поднимается из радиоприемников и громкоговорителей и облаком нависает над городом…

Гамбо и Бода: двое всадников сна.

Кто еще поможет городу?

Время остановилось, солнце застыло в одной точке. Мир Манчестера вращается вокруг пиратского пера и ждет спасения.

13:52.

Кто-то звонит Зеро Клеггу. Он зол, потому что звонок прервал его ожидание, но только один человек из его знакомых до сих пор пользуется телефоном.

– Ты, Дымка? – спрашивает он.

– Я, – отвечает Сивилла.

– Чего тебе?

– Можешь найти Томми Голубя?

– Он тут рядом.

– Дай ему трубку.

– Сивилла, что случилось?

– Я согласна, Зеро.

В тайном Дворце Гамбо в руке у пирата-хиппи перо Черного Меркурия. Движения Гамбо высекают снопы искр из горы электрооборудования. Белинде хочется отбежать от искр и в то же время приблизиться к ним. Ее Тень разрывается. Время 13:56.

– Так, все! – кричит Гамбо. – Отправляемся. Его глаза не отрываются от Черного Меркурия. Даже сквозь пленку слез и слизи в них просвечивает нечто порочное. Красноречивое свидетельство ушедших шестидесятых, когда свободная любовь имела право на существование.

– Какое красивое перо. Я хочу тебя, перышко.

– Гамбо, мне страшно, – говорит Белинда. Я ведь дронт.

– Да. Но малышка… – он похлопал Блаш по голове. – Она сама перо. Она поведет твою Тень. Добрый драйвер и хозяйка перьев, скользящие сквозь Вирт. Вы очаровательная пара. Ну давай, драйвер, ты же нас всех заставила слушаться. Я все время буду с тобой. И все, кто живет в Манчестере, тоже. Я буду добрым сказочником. Просто помни закон Хобарт: если отобрать что-то у Вирта, Вирт отберет что-нибудь у тебя. – Гамбо чихает. – Ладно, люди, давайте уже выясним, из-за кого появилась эта аллергия. Ванита?

Ванита целует Гамбо, забирая перо у него из рук. Он щелкает какими-то переключателями, принимая еще дозу Вишневого торчка, чтобы прочистить мозги, и наклоняется к бакелитовому микрофону.

– Люди Манчестера! Вы все собрались? Вы изголодались по любви? Это были «Дорз» с песней «Riders in the Storm». Время – ровно два, к вам пришел доктор Гамбо и принес лекарство от всех хворей. Аллилуйя! У меня тут отличная команда. Тут Ванита-Ванита за пультом. Тут рожденная Виртом Блаш. Тут беглый драйвер Белинда Джонс. И, конечно, с нами мои дорогие слушатели. Оседлаем ураган!

Ванита скармливает Черный Меркурий щели в стеке электроники, залечивает его коктейлем Гамбо и потом протягивает Блаш. Белинда посылает в Блаш свою Тень, и одновременно девочка проталкивает черное перо глубоко в горло. Дорожная муть, в которой проявляется новый мир. Чувства расплываются по городу. Жители внимают им с помощью Гамбо.

– Говорит Йо-Йо. Я беру вас с собой в поход первооткрывателей, в чужой мир планеты Икс-кеб. Впервые на радио. Прямо сейчас, друзья мои. Полный, окончательный и бесповоротный улет. И кто же сыграет саундтрек к нашей авантюре лучше, чем этот парень? «Лиловый туман»! Веди нас, Джими.

Томми Голубь протянул ко мне руки. Нахлынуло отвращение. Тень забилась. Она едва не оставила мое тело – настолько силен был испуг, даже комната яростно закачалась. В нее проникли сны.

– С тобой ничего не случится, Сивилла, – сказал Томми Голубь. – Аллергию ты никак не подхватишь. Понятно?

– По хрену мне аллергия.

– Сивилла, не бойся…

– Да не боюсь я, блядь!

Но внутри у меня все дрожало. Моя Тень будто распадалась. Гамбо Йо-Йо все еще говорил по радио. Это пират забирал мою дочь в реальность Вирта. Он говорил про грандиозный прорыв – впервые дронт посещает мир снов. Сравнивал его с полетами на Луну, с открытием новой страны. «Один маленький шаг для девушки – один гигантский прыжок для рода дронтов».

– На самом деле ты не попадешь в Вирт. Ты пошлешь мне свою Тень. Затем я перенесу свое тело в Вирт. В моем теле будет твой разум. Если все пойдет по плану, мы вместе окажемся в Вирте. В Пьяном Можжевельнике. Но дыра закрыта чем-то вроде односторонней мембраны: она выпускает наружу пыльцу, но внутрь не пропускает ничего. Я пытался. Она оттолкнула меня. Это было больно. Я рассказываю тебе сейчас, чтобы ты знала, чего можно ждать. Думаю, мне удастся провести внутрь твою Тень. Я думаю, что ты достаточно… ну… достаточно дымчатая. Туманная, понимаешь?

– Но мне страшно…

– Я буду рядом.

– Не будет никаких проблем, нет? – Это Зеро сказал Томми Голубю. – Уверен? Это же райское перо, не хер собачий. Вдруг она там умрет? Ты делал раньше такое… такую хрень с тенеобменом? Потому что если…

Я едва слышала их сквозь туман, пока моя Тень боролась со страхом.

– Мы будем наблюдать за вашим проходом через следящие перья, – я не сразу поняла, что теперь Зеро говорит со мной. – Если что… мы сразу вытянем вас туда. Ладно? Нам будет тяжело тебя потерять.

Какие-то эпизоды жизни, образы Белинды и Сапфира. Мои дети…

– Начнем.

И я потянулась к разуму Томми Голубя, позволяя дымным пальцам бегать по нему в поисках места, за которое можно схватиться. В ответ Голубь крепко уцепился за меня, и я закружилась в рассеянном свете – бритвенно острые вспышки желтого и красного жалили мою Тень. Ощущение такое, будто грызешь кусок стекла. Я сразу попыталась вырваться, оборвать неприятные ощущения, но Томми держал меня за горло.

– Спокойно, Сивилла, – сказал он. – Все в норме. Мы проходим. Держись.

Его перистые руки сжали мои, и мы устремились вниз, в царство мифов.

Мой самый первый сон.

Мои крылья.

Мы с Томми Голубем осторожно проплыли через свет и погрузились в темноту. Он успокаивающе говорил:

– Не волнуйся. Я здесь. Я рядом. Мы идем. Уже скоро. Спокойно. Никаких проблем. Уже скоро. Уже скоро.

Я не успевала думать… эта темнота… не отдалась… иные, такие странные существа двигались… в темноте… в моих мыслях… лики боли и утраты… быстрее, не поймать… их мир и мой мир… становились одним…

Я подняла руку к лицу, но не почувствовала ничего. Ни пальцев, ни рук, ни плеч, ни тела, ни головы, ни лица, ни голоса – только настойчивое сознание того, что я еще существую. Дверь открывается. Открывается. Дыра. Она дышит. Дверь дрожит. За дверью другая дверь, и Томми Голубь тянет меня вниз, к дырке в небе.

– Аллергия вылезает отсюда, – говорит Томми Голубь. – Это Пьяный Можжевельник.

Я чувствую музыку. Она как лиловый туман. Я уже не

понимаю, кто я, где я и зачем, только падаю… всё падаю… всё падаю… все падаем… все. Но… Господи! Дыра слишком мала, в нее не протиснуться и червю. Сначала я подумала, что это фокусы перспектив, пока потом не поняла… черт! Я же к ней вплотную! В Вирте нет перспективы. Голубь!!! Что мы… Не успела закончить вопрос. Мою голову проталкивали в дыру. Желтые пылинки проплывали через щель. Разгорелась боль. В мое дымное тело пришли мысли Томми: «Я не говорил тебе, как путешествовать по теням, Сивилла? Вся боль – иллюзия». Ну ладно, хорошо, что я это узнала, но переход между мирами все равно напоминал попытку протолкнуться в щель в горячей плоти. Страшно, как посадка на Луну. Моя голова выскочила в другой мир.

Я увидела сад. Сад… Я видела его раньше…

Темнота рассматривала меня. Шорохи сухих листьев. Пыльца, липнущая к коже… Последний мощный толчок вирткопа – и боль стала проходить, оставила потеки на стенках… и унялась совсем.

Первые чувства Белинды – отвращение и отторжение; это перо проникает слишком глубоко, чтобы принести удовольствие. По ее Тени шумно проносится Хендрикс. И карта, по которой она идет, совершенно не похожа на то, как она представляла себе Улей: дороги зеленые и извилистые, как корни дерева. Белинда – пассажир, а Блаш – Майк Меркурий, и вирткеб по имени Тошка танцует в живой структуре. Итак, карта сплетена из корней, а город – цветок, сосущий соки из карты. Вот оно, новое знание. Однако на самом деле икс-кебом управляет Блаш, а Белинда – просто пассажир на этой волне. Но по крайней мере она вернулась на карту, даже на виртькарту, чувствует, как кожаный салон Тошки окутывает ее усыпительным наслаждением. Она чувствует, как кеб вздрагивает от удивления, когда снова наплывает знание:

ЧТО ПРОИСХОДИТ, ХОЗЯЙКА? – говорит Тошка. – МНЕ КАЗАЛОСЬ, Я ПРЯЧУСЬ В ЛИМБО.

Белинда велит ему перестать разговаривать и ехать дальше.

КОНЕЧНО. КТО ЗА РУЛЕМ? – спрашивает Тошка.

– Ее зовут Блаш. Можешь ей доверять.

ПОНЯЛ, НО КУДА МЫ ЕДЕМ?

– Мы едем по Вирту, Тошка. К центру карты.

Затем на линии появляется голос:

ГОВОРИТ ГАМБО ЙО-ЙО. ВЫЗЫВАЮ БЕЛИНДУ. ГАМБО ЙО-ЙО ВЫЗЫВАЕТ БЕЛИНДУ. МЫ ВЕДЕМ ТРАНСЛЯЦИЮ НА ВЕСЬ МАНЧЕСТЕР. КАК СЛЫШНО, БЕЛИНДА?

– Слышу тебя нормально, Гамбо.

РАССКАЖИ НАШИМ СЛУШАТЕЛЯМ, КАК ПРОХОДИТ ПУТЕШЕСТВИЕ.

– Уважаемые слушатели, пока все идет хорошо.

ОТЛИЧНЫЕ НОВОСТИ.

КТО ЭТО? – спрашивает Тошка. – ЧТО ЭТОТ ГАМБО ДЕЛАЕТ НА МОЕЙ ВОЛНЕ?

– Тошка, заткнись и езжай.

Я ЕДУ.

Но куда? Крутые дороги ведут в темные джунгли. Солнце исчезло за облаком грязи. Белинда ничего не может разобрать на карте. Куда ей ехать? Тут корни мирового древа. Через дыру в карте просачивается пыльца. Жгучая вода. Капает сок из зеленых луковиц. Вокруг смыкается душный черный воздух. «Господи-такси, мы под землей», – думает Белинда. Мы под Манчестером. Сидящий сзади драйвер направляет кеб к отверстию в карте руками Блаш.

Карта из корней раскрывается вокруг центра, у которого нет никакого центра. Спираль из побегов и перьев. На сиденье водителя смеется Блаш:

– Шиза! В Реале я даже не умею водить. Но Белинда чувствует виртошноту. Слишком много снов для той, что раньше не видела ни одного.

– Где мы, Тошка? – спрашивает она.

ХМ… НЕ УВЕРЕН, БЕЛИНДА-ДРАЙВЕР. Я НЕ ПОНИМАЮ ЭТУ ДОРОГУ. У МЕНЯ ПОКАЗЫВАЕТ БРОД ДЛЯ ПЕРЕГОНА БЫКОВ ЧЕРЕЗ РЕКУ МЕДЛОК (то есть Оксфорд). МЫ В МАНЧЕСТЕРЕ?

– Мы в Виртчестере, Тошка.

ЧЕРТ.

– Кажется, мы на Оксфорд-роуд, Тошка. То есть нет, забей. Кажется, мы под Оксфорд-роуд.

ПОДОЖДИ, ВВЕДУ ДАННЫЕ. ТАК… МЫ НАПРАВЛЯЕМСЯ К ЦЕНТРУ ГОРОДА. ПЛОЩАДЬ АЛЬБЕРТА ИЛИ ГДЕ-ТО РЯДОМ. ИНФА НЕУСТОЙЧИВАЯ, ДРАЙВЕР.

– Знаю. Держись курса.

БЕЛИНДА, ГОВОРИТ ГАМБО. НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ТЕБЯ РАССТРАИВАТЬ, НО, СУДЯ ПО МОЕЙ КАРТЕ, ТЫ ПРИБЛИЖАЕШЬСЯ К УЧАСТКУ ПОД БУТЛ-СТРИТ. ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАМ?

– Конечно. Отделение полиции.

ДАВАЙ Я ТЕБЯ ВЫТАЩУ.

– Спасибо, не нужно. Мы едем до конца.

ЙО-ЙО-МОЁ!

Кеб вгрызается в землю. Вокруг неприступная темнота, спрессованная и горькая, и только дыра в земле, из которой вылетают частицы пыльцы. Корявые корни-дороги. Спереди жестоко чихает Блаш, руль прыгает в ее трясущихся руках.

– Гамбо, я не удержу машину! – кричит она.

УЖЕ СКОРО. СПОКОЙНО, МАЛЫШКА.

По стеблю скорей – в сплетенье корней.

Белинда видит, что все дороги Виртчестера начинаются и заканчиваются у участка земли впереди В почве играют черви, превращая изгибы своих тел в слова, которые можно прочесть Тенью…

НАРУШИТЕЛЬ, НАЗОВИТЕ СЕБЯ. ЭТОТ МИР В ЧАСТНОМ ВЛАДЕНИИ.

Голос Колумба.

Белинда пробирается веточкой дыма в кеб-систему Тошки, поворачивает его колеса в другую сторону, чтобы он ехал прямо на опасность. К кебу липнет пыльца, и скоро он весь оказывается покрыт мелким порошком. Порошок набивается в воздухозаборники, забивая систему органикой. Тошка чихает…

ААААААПЧХХХХХИИИИИИИИИИИИИИИИ!!!!!!

Белинда первый раз слышит, как чихает кеб.

БЕЛИНДА-ДРАЙВЕР… – говорит он. – У МЕНЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ ПЫЛЬЦЫ 1764. Я ЕЛЕ ТЕРПЛЮ.

НА САМОМ ДЕЛЕ 1766, ФАЭТОН-КЕБ, – передает Гамбо Йо-Йо. – БЕЛИНДА, ВЕЛИ ЕМУ ЕХАТЬ ДАЛЬШЕ, И ВСЕ.

НЕ СЛУШАЙ, – отвечает Тошка. – ТУТ ХОДА НЕТ.

– Езжай, Тошка. А то я могу и рассердиться.

Кеб на мгновение сбрасывает скорость, переключаясь на сверхпередачу, и корни с червями в грязи превращаются в размытые пятна.

БЕЛИНДА, Я ТЕБЯ ТЕРЯЮ! – кричит Гамбо.

Молчание.

Белинда под землей, и она одна. Джими Хендрикс отстал. Гамбо, Ванита, Блаш… все остались позади. Только кеб Тошка по-прежнему верен дороге.

Мир вокруг сжатый, темный и сырой. Насекомые копошатся в переплетенной корнями почве, которая создает для них дороги. Слышится шум растущих цветов. Он напоминает Белинде треск, который она услышала по телефону, когда позвонила по номеру, данному Койоту. Кривые корни прорастают к ее такси, разбивают стекло, хватают ее, и, когда она цепляется за отросток, чтобы оттолкнуть его, в тени мелькает видение. Она видит Манчестер, весь затянутый туманами и дождями, и на каждой дороге мерцают линии карты – они становятся толще, как растущий плющ. Тысячи черно-желтых муравьев снуют по сети корней, как по дорогам. По ним ездила и сама Белинда, И она вдруг понимает, что муравьи – это икс-кебы. И у каждого реального икс-кеба есть двойник здесь, на виртkарте. Отсутствие Тошки на

реальной карте означает, что и из сна выпадет частичка: вот почему Колумб так отчаянно ищет колесницу Белинды. Зеркалу нечего отражать. В бытность драйвером Белинда часто размышляла об истинной природе карты, представляя ее как огромный массив чистой информации. Ни разу ей не подумалось, что карта может быть органическим виртуальным созданием.

Тенеудар.

Внезапно кеб высвобождается из корней и давления черной земли. Теперь он едет в сияние и свет нового солнца. Белинда проезжает по солнечной сельской дороге, где все дышит миром и свободой. Как в раю.

Дождь падает на темный пурпур цветка. Эхо. Отзвуки. Где-то в пространстве голос Тома:

– Добро пожаловать в Пьяный Можжевельник, Сивилла. Здесь я слеп. Что ты видишь?

Я вижу зеленый мир под черным небом. Лес. Цветущие джунгли секса. Цветы оплетены плющом. Черным, таким черным плющом. Сочащиеся влагой цветы. Облачка золотой пыльцы вылетают в темноту в поисках любовников. Множество пылинок плывет к дыре в настиле леса. Тот же самый мир, что я мельком видела в последних секундах жизни Койота, зомби, Ди-Фрага, – только он превратился из изумруда в эбеновое дерево. Демон раскинул руки над раем, накрыв цветы темным саваном. Попробую описать это, как сумею: я висела вверх ногами в черном лесу, зацепилась ногой за самую длинную ветку дуба, застряв ногой в развилке. Надо мной только грозовое небо, которое обрушивало потоки воды на поверхность листьев с такой силой, что они прогибались вниз, к земле. Мое тело окружала плотно сплетенная паутина прутиков и веток, маска листьев и темно-фиолетовых цветов. К коже прижимаются заостренные шипы. Голова свешивается между нижними ветками в окружении подгнивших плодов, растущих на плюще. Ниже небольшой разрыв в плотном покрове. Прямо под ним – дыра в земле, через которую уходит пыльца. Из этого прохода льется музыка, нота за нотой, пылинка за пылинкой – курс обмена. День превратился в ночь. Луна печально светит на поляну, где под ее взглядом трепещет море цветков щирицы.

Дождь.

Мое имя Сивилла Джонс. Сивилла Джонс. Снова и снова повторяю про себя, чтобы не забыть, что я есть. Этот ненадежный мир…

Я всматриваюсь в инвертированный театр внизу, как перевернутая вуайеристка. Зритель-извращенец. Представление разворачивается по приближающимся друг к другу линиям

сюжета. Если бы мне только удалось написать о нем…

В нескольких метрах на другом дереве – мальчик в такой же ловушке, запутался в ветвях. Шипы впиваются в его плоть. Искаженное лицо кажется мне знакомым. Вокруг его тела обвивается змей. Цветки тянут кровь и роняют капли на лесную подстилку – красные на зеленом.

– Помогите, – говорит малыш. Его голос глушат листья, залепившие рот, и сжимающиеся темные объятия змея. Щеки мальчика изъедены личинками. Он плачет.

– Ты кто? – спрашиваю я.

– Брайан Ласточка… Помогите мне, пожалуйста!

Ну конечно. Та фотография, которую мне показывал Зеро.

– Я пытаюсь. Тебя перенесло сюда?

– Да… Обмен.

– На кого?

– На Персефону… Ее зовут Персефона… Цветочная девочка… Пожалуйста, леди, помогите мне, я хочу домой.

– Где сейчас Персефона? Ты знаешь? Толстые кольца змеиного тела слегка сдвигают вдоль друг друга, и ветки сходятся ближе. Ласточка громко кричит:

– Помогите, пожалуйста… Пожалуйста… Я не знаю, что делать. Голос Томми Голубя пропал, дырка в небе, через которую я попала сюда, уже затянулась, как зажившая рана. Я одна в зеленом перьевом мире, о котором ничего не знаю, в мое тело вонзаются шипы, а мальчика в метре от меня сейчас раздавит насмерть. Мерзкий змей проползает по лицу мальчика. Крупинки пыльцы лезут в рот, липнут к ногам, прожигая кожу. Жирный змей разнимает одно кольцо, чтобы посмотреть на меня…

У гадины человеческое лицо, лицо молодого человека.

Облако мух жужжит вокруг его извивающегося тела.

Порыв ветра трясет ветки, их хватка ослабевает – и Брайан падает с высоты трех метров на травяную подстилку, но змей бросается и хватает его за лодыжки, а потом просто оставляет его болтаться в пяти сантиметрах от земли. Человекозмей смеется, раскачивая мальчика в просвете между деревьями, как часовой маятник. Я тянусь к мальчику изо всех сил. Пытаюсь оторвать змея от его тела.

«Сивилла!»

Я слышу, как Том кричит мне в Тень, орет, что сон разрастается, окно закрывается, – но разве можно оставить несчастного малыша одного в дьявольском саду?

– Я пришла за тобой, Брайан, – прокричала я. – За тобой. Посмотри сюда. Я коп…

Но у меня нет ни пальцев, ни рук, ни языка, ни головы, ни

тела, ни сердца, чтобы схватить его и прижать к себе. Я просто перезревший плод на терзаемом ливнем дереве.

Черный, как сажа, змей закрепил Ласточку узлом жесткой плоти и потянулся вверх. Наконец его человеческое лицо оказалось прямо перед моим.

– Могу ли я узнать, что вы тут делаете? – Его голос так же мрачен, как и лес, из которого он возник.

– Мое имя Сивилла Джонс. Я коп. Вы арестованы. – Естественно, вмешались полицейские рефлексы, и я сначала произнесла слова, а потом поняла их абсурдность.

– Правда? Изумительно. – Острые зубы человеко-змея приближались к моему перевернутому лицу, а раздвоенный язык ласкал мои губы. Я не могла отодвинуться.

– По подозрению в незаконном обмене человека, – продолжала я (голос ослаб из-за пыльцы, безуспешно искавшей мои губы), – и в незаконном внесении в реальность запрещенных сущностей. Хотите что-нибудь сказать? Должна предупредить вас, что все, что вы скажете, может быть использовано против нас при… при… судебном…

Язык змея гулял по моей левой щеке, озабоченное выражение на его лице сменилось недовольством.

– Полицейсссский Джонссс… вы сссама прелесссть, – голос издавал сплошные шипящие. – Вы пытаетесссс арессстовать сссэра Джона Берликорна в его сссобственных владениях! Великолепно! Вы многого доссстигли, но у вассс всссе еще нет ответа. О, безнадежносссть! Как заманчиво ее наблюдать. – С этими словами он осторожно обернул кольца вокруг моей оголенной шеи и начал сжимать.

Кровь бросилась мне в голову, свет в лесу померк.

Боль.

Боль и черная сила. Вот что такое смотреть в глаза Джону Берликорну. Вот чем кончается мир. Жизнь уходила из меня.

И полетел мой одинокий голос… Затерялся. Затерялся среди цветов. Лес сомкнуло вокруг, лаская, связал ноги плющом, человекозмей сжал шею в петле мускулов и связок. Змей откидывает голову назад, на мгновение застывает под дождем и надвигается, чтобы укусить…

«Пожалуйста… нет…»

Шея зажата в кольце плоти, ноги исколоты шипами. Зубы. Из плода капает кровь.

«Сивилла?»

Голос.

«Сивилла, ты там? Я пытаюсь тебя вытащить. Вся боль – иллюзия».

Голос Тома так далеко, так поздно, ведь челюсти змея уже смыкаются вокруг шеи.

И отсекают мне голову.

Она падает…

Белинда ведет Тошку по узкой дороге между бесконечно раскинувшимися полями, где волнами дышит море пшеницы и ячменя. Лепестки и пташки сверкают и поют на зеленых изгородях и беседках. Каждый листик и цветок отблескивает солнцем, кажется, весь мир раскрашен яркими красками. Вдалеке вокруг усадеб и коттеджей играют дети; радостно визжит преследуемая свинья.

Кеб пробирается через зелень и золотой свет, Белинда правит, Тошка радуется новой, свежайшей дороге. Обоих, драйвера и машину, наполнила безмятежность.

В стране, где плод с древа познания еще не сорван, они освободились от всего знания.

Впереди на дороге, прислонившись к дереву с густой листвой, стоит юноша девятнадцати лет с золотыми волосами, подняв над дорогой руку с оттопыренным большим пальцем.

Стопщик.

Раньше Белинда никогда не подвозила автостопщиков, но сейчас ей кажется, что остановиться и подобрать его – то, что нужно. Тошка считает так же.

Кеб останавливается, и молодой путешественник забирается на заднее сиденье. Кеб уезжает по лиственному проходу между тенью и светом. Белинда спрашивает имя пассажира…

– Драйвер Бода, добро пожаловать в мир Вирта, – отвечает пассажир. – Хотя, конечно, с некоторого времени ты называешь себя Белиндой.

– Ты Колумб? – спрашивает Белинда.

– Так приятно, Белинда, – говорит пассажир, встретить тебя во плоти после стольких лет ласки. Так оно и было, понимаешь? Вызывать твою колесницу – как делать мягкий массаж, и я очень сочувствую твоему несчастью. Меня расстраивает, что тебе больше не нравится выбранное мною имя. Поэтому я появляюсь перед тобой в своем единственном человеческом теле.

– Пошел ты, Колумб! – кричит Белинда. – Ты убил Койота.

Кеб въезжает на солнце.

– Мне выходить, драйвер, – говорит Колумб. – Останови здесь.

Белинда останавливает кеб у деревянных ворот, за которыми тянется поле. Колумб выходит из кеба и спрашивает Белинду, что он ей должен за поездку. Белинда отвечает: жизнь ее любимого. Тогда Колумб просит драйвера следовать за ним в поля, где,

возможно, ее ожидает более сто`ящая плата.

Белинда идет.

И среди бескрайнего поля золотых колосьев Колумб рассказывает Белинде, что этот плодородный мир и есть пример реальности, которой будет править Вирт.

– Неужели ты не захочешь помочь такому превращению? – говорит Колумб Белинде. – Разве новый мир не прекрасен?

– Это Лимбо? – спрашивает Белинда.

– Вовсе нет, – отвечает Король икс-кебов. – Это будущее Манчестера. На такой земле будет стоять Манчестер, когда Вирт придет в город. Разве не красота? Ни преступлений, ни грязи. Нет нищеты, нет трат на соцобеспечение.

– Да. Красота, – признает Белинда. – Но где люди?

Мириады корней стягиваются к ее ногам.

– Люди слишком заняты развлечениями, чтобы показываться нам.

Колумб срывает цветок. Орхидею. Он разглаживает ее лепестки. Небывало огромные лепестки, шесть штук, свернутые, как сложенная карта. Мясистые тычинки созрели для любви. Колумб запускает язык в чашечку цветка. Кажется, орхидея отзывается на его касания, твердеет и наливается соком. Его язык появляется обратно, покрытый пыльцой, которая поднимается вверх в солнечном свете и направляется к маленькому отверстию в крыше неба. Воздух густ и влажен, и на свету поблескивают шарики пыльцы. Белинде трудно дышать. В горле пересохло.

– Колумб, ты убил Койота! – кричит она. Корни затягиваются туже.

Колумб не обращает на нее внимания.

– Разве он не красив, этот цветок? – говорит он. – Посмотри только, как разлетается пыльца! Ты же видишь, скоро она покроет весь город золотом. Посмотри, она покидает цветок!

– Я хочу убить тебя. – Растет новая карта, драйвер. Карта пыльцы. Ты же видишь, как она сходит шелухой с тычинки. Это член Джона Берликорна. Он был ко мне очень добр. Уверен, ты даже не слышала о нем, так ведь? Невежественная дура. Ты недостойна узнать всю историю. Слишком долго карта строилась по реальности. Теперь реальность будет возникать из карты. Для этого я и создал «Икс-кеб», с помощью Берликорна. Дорога через Вирт. Теперь она почти пройдена. Я изменю этот город навсегда, драйвер. Он будет моим.

Чем сильнее Белинда дергается, тем сильнее затягиваются корни вокруг ее ног.

– Я не твой сучий драйвер, Колумб! – посреди всеобщего цветения кричит она, вспоминая о своей цели.

Колумб смеется.

– Должен похвалить тебя за то, что сумела забраться так далеко, Белинда. Но боюсь, я не могу тебе позволить идти дальше. С новой картой люди Вирта найдут путь в реальность. Истории вернутся домой. И это будет красиво. Все, что сейчас в голове, скоро окажется снаружи. Грезы… Грезы оживут! Ведь что такое жизнь человека, его тело? – Всего лишь хранилище снов. Неужели ты не видишь логики? Если бы не сны, вы, люди, оставались бы приматами. Пожалуйста, уважайте свои творения. Больше мы ничего не требуем. Неужели это так сложно? Когда моя новая карта ляжет на ваши унылые улицы, вы все падете ниц и благословите меня. Я заставляю ваши фантазии цвести, а вы только жалуетесь. Ничтожества. Меня тянет блевать. Сны, сны имеют смысл!

– Зачем ты убил Койота? – Вот все, что может сказать Белинда.

Глаза Колумба на секунду вспыхивают и снова темнеют.

– Что тут скажешь? Кто-то может пройти по пути, другие нет. Кто-то будет жить, а кто-то умрет. Разве я в ответе за эволюцию? Дорога достается лучшим.

Изо рта Колумба вылетает капелька слюны и приземляется на орхидею.

– Нет, нет… Я был невежлив. Несмотря на все твои проступки, Белинда, я тебя глубоко уважаю. Ты всегда была одним из моих любимых драйверов. Сам факт того, что тебе удалось вернуться на карту, не обладая моим знанием… Превосходная техника. Я должен извиниться за смерть твоего друга. После этого Пасторального сна Персефона слегка погорячилась.

– Персефона? Пассажир Койота…

– Персефона – жена Берликорна. Она несет городу новую карту. Твоего черного драйвера можно назвать доставщиком. Он стал кем-то вроде Иоанна Предтечи. Он войдет в историю. Это была его роль в жизни. У всех нас есть своя задача.

И Колумб показывает Белинде ладони. На каждой ладони – рваная дыра. Из обеих ран течет кровь.

– Койота убила Персефона? – спрашивает Белинда. – Так?

Корни поднимаются с поля, чтобы привязать ее руки к телу тяжелыми плетьми.

Колумб смотрит в сторону. Снова замечает:

– Кто-то умрет, – и больше он ничего не говорит.

– Где мне найти Персефону? – требовательней спрашивает Белинда.

– Ты сможешь найти зернышко на гектаре поля?

– Ты подстроил смерть Койота, Колумб, а потом пытался повесить вину на меня.

– Ты должна понять характер ситуации, – оборачивается Колумб к Белинде. – Ты должна выбрать, Белинда, между старым миром и новым, между унынием и счастьем. Что ты выбираешь?

– Я любила Койота. – Белинде удается высвободить из хватки корней одну руку.

– Белинда, я прошу тебя вернуться на карту. Она – твой дом. Вне карты ты несчастна, ведь так? Ведь реальная жизнь оказалась довольно жестокой?

Свободной рукой Белинда роется в глубине сумки.

– Я отдала «Икс-кебу» девять лет жизни, Колумб. Ты предал меня.

– Белинда, ты мне нужна.

Белинда вынимает из сумки кольт и стреляет без промедления, еще и еще, пока барабан не опустошается. Пять блестящих пуль вылетают из ствола и несутся к Колумбу.

– Белинда…

Моя голова без тела. Летит… Черно-зеленый мир вращается, пока моя голова, кувыркаясь, падает в сад. Дыра в небе затянулась. Томми Голубь исчез окончательно. Даже во время падения я вижу, как дыра в земле гостеприимно расширяется, как рана встречает пулю. Еще одна дверь. Моя голова хлопнулась в окружение цветов. Шипы прокололи кожу.

Моя голова пролетела сквозь стену Вирта в темноту…

Сквозь огромный клубок корней, как сквозь сжатую подземную карту родного города.

В невыносимо зловонную грязь, и оттуда на яркий желтый свет. Солнце. Равнины любви. Запах рая. Я запуталась в цветах и травах, мое тело, казалось, состояло из чистого воздуха и дыхания Тени. Вдалеке в траве стояли двое. Я потянулась к ним и обнаружила Короля кебов Колумба и собственную дочь, неуправляемую Белинду.

Любовно приблизилась.

Покров корней, облако пыльцы. Мокрый язык орхидеи. Там была моя дочь, вся опутанная вьюном, который был и дорогами города. Один из стеблей туго обвился вокруг ее шеи. Пять пуль сонно-медленно летели от нее к юноше с золотыми волосами, имя его Тени было Колумб. Моя летающая голова двигалась в том же похоронном темпе.

«Мама…»

Слова, идущие от Тени к Тени.

«Помоги, пожалуйста. Он делает мне больно».

Пять пуль вяло поблескивали в полете.

– Кто тут у нас? – спросил Король кебов. – Еще один посетитель. Да, Колумб популярен.

Он поймал одну медлительную пулю левой рукой, другую правой и выкинул обе. Пули ушли в небо этого нового зеленого мира, прокладывая путь в другую историю. Третья пуля прошла в нескольких сантиметрах от тела правителя кебов и точно так же растворилась в воздухе. Четвертая ударила Колумба в незащищенную зону на груди, оставив в коже небольшое отверстие, из которого выплеснулась ярко-оранжевая кровь. Он засмеялся и потом слегка поморщился, как от слабого, но все-таки неприятного ощущения. Парящие пылинки, кажется, чуть-чуть колыхнулись, когда пуля нашла цель, словно были тесно связаны с ним.

– Ты об этом пожалеешь, Белинда, – медленно сказал он, и в его глазах отразилось намерение убить мою дочь. Пятая, последняя пуля все еще летела к нему миллиметр за миллиметром. Он собрал все силы и повернул пулю в призрачном воздухе, направив ее точно мне в голову. Пуля двигалась, как сонная черепаха.

– Колумб, не трогай ее! – Это крикнула Белинда. Из ниоткуда пробился дрожащий голос Томми Голубя: «Сивилла, где ты? Мой вирт весь изранен».

«Я с Колумбом, Голубь, – ответила я. – Центр карты. Райский город. Забери меня».

«Это непросто».

«Ну попробуй хотя бы».

Пуля была в десяти сантиметрах от моего лица. Белинда умоляла Колумба не убивать меня.

– Она тут ни при чем, Колумб. Все это только между нами. Одновременно она послала мне через Тень: «Извини, мама. Прости, что так получается».

Дорогая моя…

Пуля была в пяти сантиметрах от меня, а я не могла пошевелиться. И тогда я услышала голос Гамбо Йо-Йо, шедший через корни Тени к Белинде.

БЕЛИНДА, НАКОНЕЦ-ТО ТЫ ВЫШЛА НА СВЯЗЬ. СЕЙЧАС Я ВЫТАЩУ ТЕБЯ ОТТУДА. ГОТОВЬСЯ.

И в ту же секунду Томми Голубь приласкал меня пальцами-крыльями…

(Поцелуй пули на коже.)…вытаскивая мою голову обратно в реальность.

(Поцелуй продолжается.) Белинда, ты жестко приземляешься во Дворце Гамбо. Блаш кричит на тебя, размахивая пером.

– Ты его испортила! – визжит она. – Испортила мой Черный

Меркурий! Посмотри, что ты наделала! Ты его скремила!

Блаш почти плачет от злости. А черное перо теперь совсем кремовое и совсем мертвое. Кремовый – цвет использованных перьев, которые уже не могут перенести тебя в сон. Белинда хочет сказать ей, что это Колумб скремил черное перо. Таким образом он закрыл им дверь. Но как это сказать?

В твоей руке цветок, Белинда. Смертоносная орхидея. Ты взяла ее с собой из Черного Меркурия. У нее шесть лепестков. Пять из них серебряные, как пули, шестой рябит куском карты Манчестера. Ты раздвигаешь лепестки, чтобы открыть рыльце и тычинку – щелку и член. Тычинки набухли пыльцой, даже пока ты смотришь в глубь завитков, они сваливаются с пыльников. Пыльца дрейфует в воздухе, исследует твои ноздри, не находит там для себя места и отправляется прямо к Блаш. И к Гамбо. И к Ваните-Ваните. Ко всем в комнате. Они устраивают драку за респираторы с криками и воплями.

Белинда, цветок светится серебром, и карта у тебя в руках. Смерть Койота – впустую. Убийца еще на свободе. И свирепствует аллергия. Новая адская карта. Тяжелая рука сжимает цветок…

Ты чувствуешь укол понимания, едва Гамбо бросает на тебя взгляд из-под респиратора.

– Святой Мик, детка! Ты что-то принесла с собой! Ты сорвала цветок в Вирте. Понимаешь, что это значит?

Понимаешь. Ты даже не помнишь, как принимала перо, но понимаешь, что произошел обмен. Ты ищешь в сумке атлас, но находишь только пустые пакетики из-под арахиса и вязаную шапочку.

Ты оставила Вирту пять серебряных пуль и карту Манчестера.

Пузыри. Пузыри пены. Слова. Плеск. Это я? Кто-то другой? Как это я говорю, у меня же нет головы? И где я вообще? Дома, на Виктория-парк? Темнота, Зеленоватая. Колючки. Пузыри слов. Головы нет. Просто плод. Черный сад. Шипы колют меня. Моя голова. Головы нет. Я умерла? Мне заглянули в Тени. Темнота. Потом зелень. Летают два светящихся червячка. Мои глаза, вот они. Головы нет, но глаза тут? Я расту? Расцвела? От поцелуя пули. Эти светящиеся червяки заполняют все.

«Дайте мне…»

Дайте мне открыть глаза.

Надо мной склонился Зеро и забулькал через респиратор:

– Как ты вообще, Сивилла? Ты вообще тут?

Его тело опухло от аллергии, я не могла вспомнить слов.

– Ты тут, Дымка? – повторил он. – Зря мы все это затеяли?

Я уже вернулась, руки исследовали морщинки на лице, чтобы удостовериться, что оно есть. Я лежала на своей кровати, меня

тряс отходняк.

– Я… Я не знаю… – Я отчаянно пыталась заговорить, но голос как будто остался в Вирте.

– Блядь, Сивилла! Ну, ты узнала хоть что-нибудь? Ну типа буду я жить вечно или как?

И это все, что ему было нужно? Вылечиться? Справедливость растворилась в дурном воздухе, который он втягивал в ноздри.

– Посмотри перьезаписи, – сказала я.

– Когда ты прошла в дыру, запись прекратилась, Джонс. Томми Голубь не смог туда заглянуть. И молись на его талант – он перепробовал все возможное, чтобы вытащить тебя. Теперь очередь за тобой, Дымка.

– Там была Белинда. Моя дочь… и Ласточка. Брайан Ласточка, пропавший мальчик… тоже был там. Ужасно, Зеро… ужасное место. Кебы тоже там. Там был Колумб. Там рай, на том месте, где стоял Манчестер.

– Ты о чем вообще? Пес-Христос! А что-нибудь от аллергии? Что-нибудь?

– Девочка… Персефона… это она.

Зеро издал в респиратор могучий чих, на который из спальни отозвался Сапфир.

– Что за хрень у тебя в той комнате, Сивилла? – спросил Зеро. – Как будто весь этот ебаный мир чихает.

В тот же день позднее, у меня за столом, Зеро упился дешевым вином, свесил голову. Томми Голубь возится с едой в своей тарелке. Я снова и снова обдумываю подробности погружения в Вирт.

– Плохо дело, – сказал Том. – Я тоже испугался. Не думаю, что у нас есть шанс.

Перед этим я открыла им свой секрет. Показала сына. Моего зомби. Зеро делано возмущался, но на самом деле они отнеслись к этому нормально. Все мы трое уже далеко ушли от правил копов, что тут значит еще один зомби-нелегал?

– Это серьезное виртпроисшествие, Сивилла, – говорил Томми Голубь. Эта аллергия… – Он положил кусочек мяса в рот, немного пожевал. – Аллергию послал Джон Берликорн. Он настоящий дьявол.

– Расскажи мне об этом Джоне Берликорне, – попросила я. Все, что я могла вспомнить из своего путешествия, я уже рассказала. Зеро замкнулся и ушел в алкогольный ступор, Голубь погрузился в вязкую депрессию.

– Он – тот змей, что укусил тебя в саду, – ответил Голубь. – Он появляется во множестве разных форм. Все они ужасны.

– Давай разберемся. Он просто существо из Вирта, так?

Персонаж из сказки. Из мифа, который придумали мы, люди. Как он может причинить нам вред?

– По-моему, ты не понимаешь природу Вирта. Благодаря мисс Хобарт сказки ожили.

– Благодаря создателю Вирта? – Первооткрывателю Вирта. Пойми. Вирт был всегда и только ждал, пока мы его обнаружим. Джон Берликорн – одна из наиболее старых и известных сказок. Одна из лучших. Поэтому у него много имен. Зеленый человечек. Плодородие. Болотное чудище. Рогатый демон. Его языческий образ был украден христианами и превращен в рогатого дьявола, Сатану, змея, Люцифера. В древнегреческих мифах его называли Гадесом. Его изгнали в подземный мир. Из-за этого Джон Берликорн до сих пор ненавидит нас.

– Но он просто часть Вирта, так? Он нереален. Я не понимаю.

– Вирт хочет стать реальностью. Он – живая система. Он существует даже тогда, когда мы возвращаемся из снов. Таким его сделала мисс Хобарт. Джон Берликорн живет внутри пера с названием Пьяный Можжевельник. Это райское перо. Загробный мир. Место, куда попадают наши воспоминания после смерти. Поэтому мы можем жить после смерти в Вирте. Туда могут попасть только мертвые.

– Я смогла.

– Да. На несколько секунд. Тень – это след смерти в живых. А еще у тебя иммунитет к цветам. Они ничего не могут тебе сделать даже там, Сивилла, и я думаю, теперь это им известно.

– Пыльца – это Персефона? Жена Берликорна? Она вызывает аллергию?

– Верно. Богиня по имени Деметра – мать Персефоны. Она – существо смешанной природы: проводит половину жизни в Реале, половину в Вирте. Мне кажется, она хочет, чтобы Персефона могла жить в реальном мире, в Манчестере. Она хочет, чтобы у ее дочери был собственный мир.

– Естественно.

– Деметра хочет создать империю своей дочери, а мир только и ждет, чтобы его взяли, особенно с тех пор, как стал так изменчив. Я думаю, Джон Берликорн согласился на обмен и теперь использует свою жену, чтобы пробраться в реальный мир. Он хочет начать жить за пределами мифа. Новая карта, которую создает Колумб, может быть для него точкой входа.

– Это же бред.

– Конечно. Но так и происходит. Вирт прорывается наружу. Если у них получится…

– То что?

– То сны захватят мир.

– Видение, которое Колумб показал моей дочери?

– Колумб – тоже смешанное существо. Он живет частично в Вирте, частично в реальном мире. На грани. Он племянник Берликорна. Колумб играет ту же роль, что Гермес в мифах. Он посланник, бог путешествий. Судя по тому, что ты мне сказала, он – путь, которым приходит аллергия.

– Аллергия – новая карта?

– Каждая пылинка – новая улица. Если карта будет окончена, город уже не освободить. Город изменится, чтобы соответствовать карте. Реальность будет подчинена сну, а не наоборот. Мы перестанем понимать, где мы. Вот дом твоего друга в двух минутах ходьбы. Миг – и до него десять километров. Хаотическая карта. По этой новой карте перейдут сны. Сны захватят нас. Мы станем как заблудившиеся дети.

– Не знаю… новый мир был очень красив.

– Конечно.

– Белинда выстрелила в Колумба. Она ранила его. Пыльца немного рассеялась.

– Если бы не Колумб, пылинки не знали бы, куда им лететь.

– Значит, если мы убьем Колумба…

– Да, возможно. Но теперь он будет защищаться. Использует несколько доступных ему способов. Он сделает кремовым Черный Меркурий, который твоя дочь использовала, чтобы найти его, а потом спрячется в самой дальней части карты. Колумб неуловим: он создает карту, а значит, лучше всех знает, как на ней можно спрятаться.

– А Крекер?

– Слабое звено. Подозреваю, что он заключил какую-то сделку с Колумбом. Вспомни, Крекер помешан на власти и на сексе. В нем внутри сидит Казанова. Думаю, начальник понимает, что он уже залез слишком далеко. Его работа заключалась в том, чтобы доставить Персефону в город и охранять ее. И убрать всех свидетелей. Вот он и хотел убрать вас с Белиндой. Вы слишком много знаете. Поэтому он отчаянно пытается повесить на вас должностное преступление. Крекер провалился, и теперь он страшится наказания Персефоны.

– Как ты думаешь, где Персефона?

– Не знаю. В безопасном месте. Уж об этом Крекер позаботился.

– Я ничего не понимаю, Том. Это слишком. Фантазии захватывают реальность? Какая-то бессмыслица.

– Население Вирта не ищет никакого смысла. Они – существа сна, запомни. Они ищут действия. Сначала дело, потом слова.

– Они хотят убить мою дочь. Боже!

– Она стала основной угрозой. Особенно после того, как вырвалась с новой карты.

– Нужно найти ее, Голубь… Клегг… Слышите?! Мы должны найти Белинду раньше, чем существа из Вирта. Нужно узнать, где ее держит Гамбо Йо-Йо.

Клегг наконец поднял голову и посмотрел на меня мутным взглядом.

– Это, наверное, уже без меня, Дымка. Мне очень хреново.

– Зеро, ты сейчас можешь делать все, что хочешь. Крекер больше не может приказывать.

После моих слов Клегг умолк и уткнулся глазами в стакан вина.

Тут я увидела, как на него обрушились все беды последних дней. Всю жизнь он был верен хозяину настолько, что готов был убивать невинных людей. Его последняя попытка ослушаться Крекера привела к очередной неудаче и окончательно сломила его. Теперь, оказавшись в одиночестве, Зеро не знал, как поступить.

– Как твои расследования насчет Гамбо? – спросила я. – Узнал что-нибудь?

– Ничего.

– Да ну! Ты что, забыл, как быть копом?

– Когда я им был?

– Зеро!

– Ладно, ладно. Я подал заявку на получение спецразрешения.

– Какого?

– Доступ в Карцер.

– Зачем?

– Помнишь Бенни Маски?

– Напомни.

– Его послали в Карцер два года назад по обвинению в убийстве. Четыре пожизненных подряд. Мы всегда знали, что Бенни был компаньоном Гамбо Йо-Йо, но пока шел процесс, он все время скрывал сознание за этой непробиваемой кондом-маской. Мы пробовали все разрешенные методы получения показаний через перо-свидетеля, но ты же знаешь, как власти относятся к этой пытке?

– Никак?

– Вот именно.

– Но ты все-таки надеешься туда попасть?

– Уже нет. Я говорил с властями.

– И что? Никакого ответа?

– Еще хуже.

К заключенному разуму из карцерного пера не мог получить доступ никто. Несколько лет назад были приняты новые законы о личной свободе; поскольку вирт-тюрьмы создавались исключительно для борьбы с переполненностью мест заключения и насилием, являвшихся прямым следствием недостаточного финансирования со стороны правительства, специальным предписанием было установлено, что все заключенные имеют право на мирный и, более того, приятный сон в Вирте Его Величества. «Пугающие или необычные видения, – гласил закон, – не должны посещать разум заключенного, отбывающего наказание сном». Далее было оговорено, что никто не может получить доступ к сознанию заключенного во время отбывания срока, «даже с целью предупреждения правонарушений или охраны национальной безопасности».

– Ничего не получится, – сказал Зеро. – Для этого надо сломать Карцер.

Время шло, все молчали. Зеро оторвался от стакана.

– Какие у нас шансы, Том? – протянул он. – Как избавиться от аллергии? От этой новой карты?

– Думаю, никак. Для этого нужно добраться до Джона Берликорна.

– И как до него добраться? – спросила я.

– Да никак. Пьяный Можжевельник хорошо защищен. Чтобы попасть в райское перо, тебе пришлось бы умереть. Такой ритуал, Сивилла; Как со Святым Георгом английским. Нужно умереть, а потом родиться заново в Вирте.

– Хочешь сказать, у нас уже ничего не получится? – спросил Зеро.

– Не только. Я боюсь за Манчестер, за весь мир. Всю реальность. Боюсь, что реальный мир обречен.

– Что?

Это Зеро.

– Я не вижу никакого выхода. Дверь закрыта.

В 16:00 нам позвонил Джей Лигаль из Манчестерского университета. Что-то у него там такое, на что нам стоит посмотреть. Я решила пойти, Томми тоже. Зеро, однако, заявил, что у него есть более важные дела.

Итак, Том и я поехали на встречу с Лигалем в университете. Вирт и Тень. Ехать было просто – после того как Гамбо и Белинде не удалось уничтожить источник аллергии, улицы опять обезлюдели. Лигаль взволнованно бегал туда-сюда по корпусу, ни на секунду не оставляя респиратор. На его пути повсюду раскрывались странно перекрученные цветы.

– Что случилось? – спросила я.

– Давайте я вам покажу.

Второй полет за этот день – на этот раз в вертолете, принадлежащем факультету. Кабина была заполнена приборами. Вел Лигаль. Мы с Томом втиснулись на пассажирское место. Мы поднялись в воздух над городом; присутствие вирта меня уже не напрягало. Наверное, я уже вылечилась или что-то в этом роде.

– Лучший способ изучения изменений в растительном мире – осмотр территории с воздуха, – говорил Лигаль. – Эти приборы используются для наблюдения за распространением видов растений. Посмотрите вниз. Что вы видите?

Я посмотрела в иллюминатор. Подо мной мозаикой раскинулись улицы Манчестера. Было ясно видно, как носятся, меняя форму, облака пыльцы.

– Похоже, движение беспорядочное, – сказала я.

Лигаль засмеялся.

– Так и должно быть. Пыльца разносится ветром, а ветер, естественно, дует куда придется. Посмотрите так.

Он передал Тому и мне очки, подключенные к системе анализа информации вертолета. В них было видно, что распределение пыльцы четко подчиняется определенной системе.

– Вирт-Христос! – выдохнул Том.

– Вот-вот, – сказал Лигаль. – Эту пыльцу разносит не ветер.

Когда я посмотрела сквозь очки, стало очевидно, что облака пыльцы растягиваются точно по линиям, каждая из которых соответствует одной из манчестерских улиц.

Так разворачивалась новая карта.

В 16:37 того же дня Зеро Клегг явился в отделение. Без стука он вошел в кабинет Крекера и положил на стол заявление об уходе, не сказав бывшему хозяину ни слова. В 16:40 он уже вышел на улицу и направился через парковку к своей машине. Позже дежурный припомнит, что движения песокопа были очень медленными по сравнению с его обычной бодрой походкой. Тогда он посчитал, что так на него действует аллергия.

Дежурный видел, что, перед тем как сесть в машину, Клегг снял респиратор.

В 17:30 я вернулась домой, одна. Лигаль посадил вертолет, и Том сразу ушел домой. Нам, в общем-то, не о чем было говорить. Мы совершенно не в силах были повлиять на события.

За неполные последние сутки линчевали еще десять дронтов.

Я ухаживала за Сапфиром со всей возможной нежностью, выпила еще вина и повалилась спать на диван. Мне снились сны, наполненные зеленым. Да нет, не сны, какие у меня могут быть сны? Просто остатки впечатлений от путешествия в Вирт. Моя Тень никак не могла вернуться из жарких, сырых, темных

пространств. В лесу моя дочь попала в ловушку: вокруг нее толстые змееобразные стебли оборачивались. Я ничем не могла ей помочь. Сквозь сон плыли узоры из пыльцы – изображения, которые я видела на образцах Лигаля и когда летала над городом. Смерть моей дочери отметил похоронный звон. Телефон прервал мои грезы. Глаза попытались сфокусироваться на часах. Из комнаты звал Сапфир. Часы тоже, размытые цифры 7:42. Сейчас еще суббота?

Что еще может произойти за один день? Я взяла трубку. Звонил Голубь…

– Клегг попался псам.

Господи!

В Манчестерскую королевскую больницу. «Пылающая комета» оставляла на дороге шлейф дыма. Не хочу ни о чем думать.

Зеро лежал на опрятной койке, лицо его было закрыто кислородной маской. Он был такой красивый, просто спал и смотрел в какой-то другой мир. Над ним дежурили врач и ветеринар.

– Вы что-нибудь ему сделали? – требовательно спросила я.

Они смогли только промолчать.

– Сивилла…

Томми пытался заговорить со мной. Выглядел он коп-дерьмово.

– Что произошло? – спросила я.

– Он снял респиратор.

– И…

– Его поймали уличные псы.

Дерьмо. Полное дерьмо. Зачем ему это понадобилось? Зеро Клегг. Лучший песокоп всех времен. Ладно, пусть уличные псы считали его предателем. Но зачем доводить до такого?

– Он появлялся в отделении в 16:37, – сказал Голубь.

– И?

– Сказал, что пойдет домой, в свою конуру.

– Клегг не мог назвать свой дом конурой.

– Сивилла, Клегг подал заявление об уходе.

– Что?

– И когда уходил, снял респиратор.

– И его никто не остановил?

– Сивилла… Что они могли сделать? Ходить без респиратора – это не преступление.

– Вот это зря.

– Мы нашли его в семь. Кто-то позвонил. Неизвестный. Что мы могли сделать, Сивилла? Он сам так хотел.

– Ну конечно!

– Сивилла!

– Вы допустили, чтобы его поймали.

– Не мы. Это был его выбор. Он отправился прямо в Боттлтаун. Он знал, где живут уличные псы. Кто знает о них больше Клегга? Никто. Мы думаем, он искал большую стаю. Ты же знаешь, как они его ненавидят. Они повалили его на землю. Чихали ему в лицо. Мы думаем, он хотел умереть.

– Но он еще жив, – ответила я, посмотрев на койку Зеро.

Он лежал, дышал очищенным воздухом.

– Шкурник делал продувание легких, Сивилла, – сказал Голубь. – Пробовали все.

Я посмотрела туда, где стояли врач с ветеринаром. И Шкурник тоже, со своей роботизированной мимикой.

– Ты это сотворил, Голубь, – сказала я. – Мог бы этого не допустить.

– Сивилла Джонс…

Я уже собралась наговорить Томми всякого, но какой-то звук со стороны койки заставил меня наклониться над Зеро.

– Дымка… – послышалось низкое рычание.

– Я тут, – сказала я. – Я Дымка.

Но его шерсть, и голос, и лай, и глаза ушли в ничто.

«Нет! Пожалуйста, нет…»

Он потерял сознание у меня на руках.

И я отправилась в глубокий тенепоиск. Отчаянно погружаясь в последние мысли Зеро, через шерсть и кости, молекулы, гены, надеясь найти утешение.

Поиск…

Падает Тень.

…Я парю внутри его тела… здесь… глубоко… Зеро весь пес… совсем пес… рычание и шерсть… шерстяной луг… я шагаю по лугу… там, впереди, пес роет яму в земле… передние лапы работают с бешеной скоростью… я подхожу к нему, зову по имени… Зеро смотрит на меня…

«Дымка? Что ты тут делаешь?»

«Я думала, ты захочешь поговорить, Зеро».

Зеро снова начинает копать, не обращает на меня внимания… в нем не осталось ни следа человека… только древний голос внутри песьего тела…

«Где же она? Где-то я ее зарыл…»

Он перестает копать… двигается вбок… начинает снова…

«Что ты хотел мне сказать, Зеро?»

«Где она? Где?»

«Что ты ищешь, Зеро?»

«Кость. Я зарыл ее тут… много лет назад… Где она? Ничего

не могу найти».

«Зеро?»

«Оставь меня в покое. Дай мне найти ее».

«Ты умираешь, Зеро».

Он отходит от последней ямы… перешагивает… копает… снова… потом останавливается… он смотрит на меня…

«Как это, Дымка?»

Ну что же я с ним делаю? Глаза мне застилают слезы.

«Ты умираешь, Зеро. Я провожу тенепоиск. Тебе осталось жить несколько секунд…»

«Мне… осталось… несколько секунд?»

Его глаза пробегают от меня по шерсти на лугу, вырытым ямам, местам, где будут новые, и снова ко мне.

«Неправда это. Я ищу кость, которую зарыл. Где она? – Он снова начинает копать. – Мне нужно найти ее».

«Кто это сделал?»

Он смотрит на меня.

«У нас мало времени, Зеро».

«Меня не так зовут», – отвечает он.

«Хорошо. Зулу».

Он гавкает на меня смехом, а потом его голос уходит в пустоту. Его глаза уставились в мои. Я вижу очарование того старого Зеро, спрятанное глубоко под шкурой пса.

«В самом деле конец, Дымка?»

«Очень скоро».

«Грустно, наверное».

«Ты мне не скажешь, кто напал на тебя?»

«Стая, полная ненависти к копам. Но они не виноваты».

«Продолжай».

«Я сам виноват. Я хотел, чтобы это случилось. Ну ладно, где же эта кость, которую я зарыл? Должна быть где-то тут, – его глаза сужаются, осматривая шерстяной луг. – Ну вот, теперь я ее никогда не найду».

«Значит, не найдешь, З. Клегг. Зачем ты это сделал? Не скажешь мне?»

«Ради тебя, Джонс. И Голубя, и Белинды, и всех чертовых людей в Манчестере. Я думал, что выбрал правильный маршрут. Думал, что нашел ответ…»

«Что случилось?»

«Как тогда Голубь говорил, что нужно умереть, чтобы попасть в райское перо. Ну, я просто снял респиратор, поехал в Боттлтаун, я там знаю хорошего дилера. Имен не называю, ладно? Он был моим осведомителем. Я купил у него копию Пьяного Можжевельника. Отдал целое состояние. Я вышел из дома, сжевал

это перо, как пес. А рядом стая песопареньков громила мою машину. Я подошел к ним, изобразил арест, применил силу. Ты же меня знаешь, Джонс, я не хотел умирать спокойно».

«Не сработало?»

«Сработало ровно настолько, чтобы я понял, что Пьяный Можжевельник меня не примет. Я даже убить себя не сумел. Черт, прости меня, Си. Прости…»

«Ничего, Зулу. Правда. Я тебя верну, обещаю…»

«Я как-то вдруг устал. Хочется немножко полежать на лугу. Ладно, Дымка?»

«Нет, не ладно».

Я заглянула глубоко в его душу, нашла там, в глубоких слоях, кость и точное место, где он ее закопал.

«Кость вон там, Клегг», – показала я. Клегг стал рыть в том месте и вскоре поднялся с большой сочной костью в лапах; он снова улыбался.

«Я нашел, Дымка! Нашел кость!»

«Отлично, Клегг. Хочешь ее съесть?»

Он сжимает челюсти, дробя кость острыми зубами. Высасывает костный мозг, размазывает его по губам. Я говорю, что должна вернуться на поверхность, но буду ждать его там.

«Дымка, я тебя люблю», – говорит он.

И он целует меня, измазав мне губы жиром, и от этого у меня бегут мурашки по коже.

«Если я вообще отсюда выберусь, Дымка, то, наверное, захочу на тебе жениться».

Конечно, я убежала от этого чувства.

Теневзлет…

Оставляю человекопса скитаться.

Но даже покинув поле зарытых костей и снова придя в себя в больничной палате, я не смогла не унести услышанное с собой. Зеро признался мне в любви?

Куда катится этот мир?

Я велела врачам не снимать с Клегга маску и хорошенько за ним присматривать. Он лежал в коме. Голубь хотел узнать, что с ним делается. Я сказала, что песокоп Зулу Клегг борется за жизнь.

Потом я вышла из палаты, пошла по коридорам, под хмурое небо, молясь, чтоб Зеро достались вкусные кости, молясь за всех, кто отдал жизнь за мечту. За чужую мечту. Или, может быть, за мечту отдать все, что у тебя есть, ради друзей и других.

Вот черт. По-моему, в Тени Клегг попросил меня выйти за него замуж.

Пылинки прочерчивали ночной воздух, каждая частичка

летела по одной ей известной дороге через город. Линии, которые они рисовали, расплывались в моих глазах. Зеро Клегг, глупый ты пес! Почему ты сказал об этом так поздно?

Отделение. Суббота. Полночь. Одинокий коп вбивает код на двери в морг. Как всегда, когда до него доходят мощные эманации от хранящихся внутри тел, он чувствует новый прилив крови к пенису. Изо всех сил он старается побороть желание. Прошлой ночью он уединился здесь и получил незабываемые ощущения, после которых тело скрутил жестокий приступ вины. И теперь еще кебнутая тенеблядь, которая называет себя Белиндой, пробралась на новую карту. Она узнала о Колумбе. Она рассказала секрет Гамбо Йо-Йо, и он передал его всему городу. А ведь этот коп был так осторожен. Заметал следы. О черт, что же ему делать? Особенно после того, как все узнает его новая хозяйка. От цветочной девочки ничего не утаить. Если бы он только не заключил этот договор. И все же нужда вела его, и кровь уже устремилась к пенису.

Дверь морга отодвигается, веет прохладой.

Коп шагает в комнату.

Робо-Шкурник трудится над телом новой жертвы аллергии. Его глаза-камеры поворачиваются на звук открывающейся двери.

– Крекер, что вы тут делаете?

– Я… Я просто… – Крекер не знает, что придумать. Присутствие Шкурника раздражает его ведомую похотью систему.

– Да? – спрашивает Шкурник.

– Я хотел проверить некоторые предположения насчет аллергии.

– Я тоже. Этот мальчик – последний пострадавший, – Шкурник нажимает скальпелем на твердую плоть. – Тут несколько примечательных аномалий.

– В самом деле?

– Смотрите, Крекер. Пыльца прорастает в его яички. Подойдите, посмотрите поближе.

Крекер подходит к столу. Берет из стального лотка скальпель.

– Пыльца сливается с его спермой. Какое-то новое…

Крекер втыкает скальпель в пластиковый живот Шкурника. Линзы вращаются как бешеные, как камера, издыхающая от недостатка света.

– Крекер? Что вы… – Голое Шкурника растягивается до металлического гула.

Крекер крутит лезвием, пока провода, измазанные роболимфой, не вываливаются наружу. Он разрезает проволочки и забирается достаточно глубоко, чтобы достать до нервного центра.

– Никогда ты мне не нравился, Шкурник, – говорит Крекер. – Куча говенного пластика.

Шкурник падает под стол горой мяса и электроники.

Крекер начисто вытирает скальпель о штаны и переводит глаза на закрытый шкаф с номером 257, где лежит его хозяйка. Он чувствует непреодолимое желание соединить свою похоть с ней, чтобы получить такое же удовольствие, как прошлой ночью. Каждую ночь одно и то же: чувство вины, боль и вновь удовлетворение извращенных желаний.

Шкурник уже забыт.

В нечистом воздухе морга плавает пыльца.

Коп чихает и проклинает бога, с которым заключил сделку. Колумб обещал ему невосприимчивость к пыльце. Все время влажные глаза Крекера пристально смотрят на шкаф. Он чувствует тепло, идущее от земли внутри. Последняя жалкая попытка не подчиниться зову – и вот он кладет руки на замок шкафа, набирая одному ему известный код. Мохнатые пчелы жужжат в морге в напряженном ожидании. Я тут ни при чем, убеждает он себя, глядя, как шкаф выезжает из стены. Он чихает еще раз. Меня зовет сама природа. Как я могу отказаться от ее благословения?

Лепестки раскрываются.

Крекер смотрит на девочку, спящую на земляной постели…

Лепестки раскрываются. Ее имя Персефона. Ее тело скрыто пластами черной земли. Видно только ее лицо, выглядывающее из почвы наружу. Цветы растут у нее изо рта, из ноздрей; каждая плавная линия ее обнаженного тела – цветущий сад. Она покоится в жирной земле, но на самом деле ее тело везде, где что-либо растет. Она – изысканный розовый куст в Виктория-парке рядом с Сивиллой Джонс. Она сочный мясистый цветок орхидеи, который Белинда принесла из ее родного мира. Она в лишайнике, который прилепился к стенам тайного Дворца Гамбо Йо-Йо. Как дома она чувствует себя в цепляющихся за памятник на могиле Койота цветах, которые питает смерть, пока они, дрожа, пытаются выжить. Ее сознание едино со всеми растениями города; она создала для себя карту из цветов, и она – каждая улица, каждый корешок, каждая дорога и каждая ветка на этой плетеной карте. Воистину сейчас она на вершине счастья. Она свободна от матери и мужа. Наконец, ее не заботят смены перьевых сезонов. Она так далеко ушла из родного мира – в Манчестер, потом в Александра-парк и в конце концов к этому мокрому темному убежищу. И в этой питательной темноте она разрослась и расцвела, как цветочный пожар всех оттенков зеленого. Но только этот новый мир наполняет ее цветочной

грустью. Она чувствует, как по краям листа карты появляются следы болезни. На окраине города возникает гниение, распространяется плесень. Мир восстает против нее. Нет, не мир, его природа. Обыкновенная природа наносит ответный удар. Реальность. Она умирает здесь, медленно и постепенно. Вот ее темный мир открывается. Она чувствует взгляд любовника на своем теле. Персефона раскрывает лепестки ему навстречу. Показывает ему самые сокровенные бутоны.

Как жар забирается в ее тело, как она ласкает свои лепестки пальцами, липкими от сока! Как они, ярко-красные, искрятся росой! Как они накрывают друг друга, все шесть! Дитя Персефона позволяет одному из них упасть с головки цветка. Она посылает его по воздуху себе в рот. Секунду лепесток лежит на ее длинном фиолетовом языке. Потом влажный нежный рот закрывается. Она чувствует, как любовник смотрит на нее.

Девочка, поедающая лепестки сияющего цветка.

Она чувствует, как солнце спускается по ее горлу. Ее пальцы ложатся между ног, там, где губы раскрываются внизу шелковистого живота, как цветок, и на них выступает роса. Как семя увлажняет ее губы и как пристально ее любовник наблюдает за этой влагой.

Лепестки раскрываются и закрываются…

Теперь скользкий язык Персефоны облизывает толстую сочную ножку тычинки. Золотые крапинки поднимаются в воздух морга. Ее вытягивает длинный язык, кончиком, покрытым пыльцой, касается переносицы и убирает язык обратно.

Зеленые цветы-глаза.

Язык оставляет на лбу желтое пятнышко – такой же знак замужества, как проглоченные зернышки граната. Ее муж, Джон Берликорн, дал ей проглотить девять гранатовых зернышек. «Эти зерна свяжут нас с тобой, – сказал он, – навсегда». Он говорил с ней на темном языке и иногда сильно гневался на нее, если она следовала правилам недостаточно строго. Но все же, несмотря на гнев и страх, она ощущала, что любит мужа больше, чем мать, как и должно быть.

Она лежит в земляной постели Крекера, ей всего одиннадцать, но иногда она чувствует себя древней старухой, которая продолжает стареть, охотно участвуя во многих-многих жизнях в разных эпохах. Оставаясь в собранной в Манчестере земле, она настраивается на все цветы, собирает признания в любви со всех лепестков и изо всех бутонов, ее ноги, раздвигаясь, поднимаются из земли. Ее губы опять готовы принять насекомых. Обе, нижняя и верхняя, измазаны нектаром. Пчелы ползают по всему ее телу, медлительные и одурманенные запахом. Они трут

язычками все ее складочки и собирают на себя пыльцу из ее цветочной вульвы. Щекочут. Щекочут и сосут. Питаются. Ее лихорадит от их движений по коже, таких возбуждающих. Персефона отдается ощущениям, встречая их пищей – нектар за пыльцу, пыльца за нектар. Маленькие сделки, скрепленные соком девочки.

Пусть они, жужжа, летят на карту цветов.

Откусив от корня, попробовав ягод, облизав стебель… теперь она готова. Чувствуя сок, стекающий по губам, и росу на лепестках… теперь она готова. Раскрывшись, как цветок, истекши нектаром из матки и напитав им пчел; покрыв язык пыльцой, рожденной в саду ее тела… девочка теперь готова. Так считали ее мать и муж.

И теперь Крекер, любовник, смотрел на нее, мокрую. Она так соблазнительно колышет лепестками, и мужчина опускается на нее, жужжа пчелой. Коп потеет и чихает. Капельки влаги падают на открытое лицо Персефоны. Она с благодарностью принимает их, пробуя лепестками потный дождь. Она питается, мужчина – ее пища. Его мокрое грустное человеческое лицо кажется озабоченным, но она ощущает, как нарастает его возбуждение. Персефона наслаждается его напряженностью. Она складывает лепестки в слова, понятные его мелкому уму.

– Что тебя тревожит, дорогой? – спрашивает Персефона. Тонкое худое лицо копа в сомнении морщится, но ему остается только качать головой вперед-назад, вперед-назад, словно показывая, что сам он ничего не стоит. «Как жалки эти создания из плоти», – думает Персефона. Печально, что одному из них она вынуждена дарить счастье. Ей нужны некоторые его способности.

– Можешь мне рассказать. Я твоя удача, – выстраивает Персефона свои лепестки. – Ты ведь знаешь, что не сможешь сопротивляться мне. Расскажи обо всем своей возлюбленной. Может быть, тогда я поступлю с тобой по-доброму.

Она ненавидит говорить таким образом. Это ее унижает.

– К нам идут, моя драгоценная, – отвечает Крекер.

– Это я уже знаю. Скажи мне что-нибудь новое.

– Ее зовут Белинда, – продолжает Крекер. – Она спрашивала о Койоте, драйвере черного кеба. Колумб сказал ей, что ты убила его.

– Ты не можешь с ней справиться?

– Я пытаюсь, Персефона, – коп чихает. – Ты обещала мне, что я не буду чихать.

– Ты не должен себя ослаблять. Случайно не собираешься сбежать от меня?

– Нет. Конечно, нет.

– Помни о своем соглашении с Колумбом. Тебе ведь не захочется сердить его?

Вопрос простой, и она четко складывает его лепестками. Нужно остановить их дрожание. Она не хочет, чтобы коп знал о ее страхах. Потому что впервые за все время пребывания в этом мире Персефона обеспокоена. Она почувствовала девушку по имени Белинда на карте. Попыталась запустить свое зеленое щупальце ей внутрь, чтобы понять, кто она. И обнаружила какую-то помеху. Персефона не могла прорасти в нее. Девушка – темный нарост на цветочной карте, плотно сжатый бутон, который никогда не откроется. У нее иммунитет.

– Я не хочу его сердить, – говорит Крекер. – Просто я говорю тебе, что боюсь. Кто-то нас обнаружил. Персефона, мне страшно. Я боюсь, что Белинда знает о нас… о нашем…

– Я хочу, чтобы ты позаботился о ней, дорогой.

– Я? Как позаботиться? Я… Что ты имеешь в виду?

– Искорени ее.

– Только не надо снова, пожалуйста. Я уже пробовал один раз. Не получилось. Тогда я отправил за ней хорошего полицейского. Но даже этот преданный пес провалил дело.

– Иди ко мне, дорогой. Дай мне обнять тебя. Скоро я покажу этому несчастному городу свою силу.

– Что это значит?

– Продолжай наблюдать, мой садовник. Я накачаю людей наслаждением. Завтра я создам себе новый дом. Мелочная жизнь людей этого города переменится. Их захватит сон. Эта Белинда скоро исчезнет с лица земли, поверь мне. Мои цветы найдут ее. А потом ты сделаешь свое дело, потому что я не могу ее тронуть. И ее мать, Сивилла Джонс. Ты должен убить их обеих. И я не прощу еще одной ошибки, слышишь?

– Понял.

– Что ты понял, сладость моя?

– Что ты не простишь мне ошибки.

– Что ты должен сделать?

– Убить Сивиллу и Белинду.

– Ты должен закончить их историю.

– Закончить их историю.

– А потом мы будем в безопасности… и станем наслаждаться друг другом. Иди ко мне, почувствуй, как ты мне нужен.

Лепестки раскрываются и закрываются…

Крекер забирается в шкаф. Он не может остановиться. Благоухающая любовница раскрывается перед ним. Ее живот показывается из земли. В вагине растет цветок. Его лепестки, розовые, влажные, раскрываются и закрываются. Рыльце

разделяется на две половинки. Крекер опускается на нее, погружая пенис в тугое отверстие. Лепестки Персефоны сжимают его член, открываясь, закрываясь, открываясь, закрываясь… Естественный ритм, происходящий из самой земли, выжимает сок из ствола. Крекер в раю.

Рай цветет и пахнет потом.

Южное кладбище. Суббота. Полночь. Могила Койота. За деревьями дышит темнота. Каменный памятник псу-драйверу совершенно покрылся цветами. Они прячут изображение, лепят из своих лепестков другое. В могильной почве много питательных веществ, отданных разлагающимся телом.

Подарок Белинды, орхидея.

Из могильного холмика пробивается новый росток. На нем мгновенно распускается искрящийся цветок. Лепестки сливочно-белые с темно-темно-коричневыми пятнами.

Назовем его цветик-далмацветик. Да пребудет с тобой дорога.

Воскресенье 7 мая

Тусклый свет, падающий из оконца под потолком, трепещет на поверхности воды и отражается от мраморных колонн, уходящих в тусклую воду. Дрожащие тени мерцают вокруг юной девушки, чье обнаженное, расчерченное улицами тело принимает отблески света и превращает их в движение сияющих перьев. Перьев, опадающих с подземных крыльев.

Подземный бассейн в Ботодоме, Дворце Гамбо, вычищенный и отремонтированный нелегальными жильцами. Раннее-раннее утро, воскресенье, все спят, кроме одинокого пловца.

Дрожат тени, и плавает Бода.

Отмечает свой день рождения.

3:50 утра, воскресенье. Телефон вырвал меня из нервного сна. На другом конце линии – голос Голубя…

– Приезжай в отделение, Сивилла.

– Ты же знаешь, мне туда нельзя. Что случилось?

– Крекер исчез. Давай сюда.

Я проверила, как дела у Сапфира, а потом спустилась к «Комете».

Крекер сидит в машине напротив дома Сивиллы Джонс, пьет маленькими порциями «бумер», просто чтобы держать себя на грани. Ничем нельзя пренебрегать после двух проваленных попыток порадовать Персефону.

«Как далеко смогу я зайти?» – спрашивает он себя. «До конца, Вафля», – отвечает он. Высвобождает пистолет из кобуры.

Пыльца плывет во тьме, золотая и вездесущая.

В доме Сивиллы включается свет.

– Вот оно как!

Парадная дверь открывается, и Сивилла Джонс идет по аллее к своей машине. Крекер смотрит на нее с другой стороны улицы.

– Блядь. Куда она собралась? – бормочет он. – В такую рань?

Он поднимает пистолет и прислушивается к нежному жужжанию – это автоприцел ловит идущую женщину, хорошего копа. Палец Крекера пытается нажать на спуск, но соскальзывает.

– Бля!

У него не получается. В любом случае не сейчас. Он не может перестать видеть в ней копа и женщину, которую знал много лет.

Незнакомцев убивать проще.

Крекер решает сначала дойти до конца другой дороги, той, которая ведет к Белинде.

Томми впустил меня в полицейский морг, туда, где на полу грудой мертвого мусора лежал робо-Шкурник.

– Что с ним случилось?

– Кто-то воткнул нож в его схемы, – сказал мне Голубь.

– Вполне возможно.

– Зачем?

– Может, он увидел что-нибудь лишнее. Следишь за мыслью?

– Пытаюсь.

– Голова Шкурника была включена далеко за полночь. Он был хорошим робокопом.

– Она еще там?

– Давай посмотрим.

Мы открыли голову Шкурника и нашли там записи. Видео оказалось неразборчивым, но саундтрек рассказал нам все, что надо. Качество было паршивым: через статику умирающего мозга Шкурника прорывались лишь отдельные глухие звуки. Звучит голос Крекера, но так, словно он говорил сам с собой. В одном месте Крекер назвал собеседника Персефоной.

– Он встречался здесь с цветочной девочкой?

– Может, она зашла в гости, – предположил Голубь. – Давай слушать дальше.

Стало очевидно, что записывающие центры Шкурника работают на пределе. Робосхемы брызнули последними искрами, и голос Крекера оплыл мутным крещендо. Последние слова, которые мы разобрали: «Мне надо убить Сивиллу и Белинду». Крекер произнес их как автомат, повторяющий приказ.

Я не знала, что сказать.

– Думаю, девочка сообщила ему, где живет Гамбо.

– Откуда она-то знает?

– Думаю, она движется сквозь цветы Манчестера. Последняя информация Шкурника умерла в треске проводов.

– Что теперь делать, Том?

– Надо найти Белинду раньше Крекера.

Мы отправились в тюрьму Карцерного пера. У поворота на кладбище стоял одинокий тюремный смотритель, опустившийся донельзя робопенсионер по имени Боб Клатч.

– Что такое? – прошамкал он с набитым ртом (он ел яичницу с беконом).

Я назвала ему сегодняшний коп-код и представила Томми Голубя как Томми Маски, давно потерянного брата Бенни Маски, получившего на полную подушку. Полной подушкой на жаргоне называют прижизненное заключение в виртовой тюрьме.

– У нас нет приема посетителей, – прочавкал Клатч сквозь полупережеванные куски мяса.

Тогда я объяснила, что это запрос мэрии, которая в связи с крайней необходимостью в деле Маски готова пойти на

нарушение принятого порядка. Свиные глазки забегали от меня к Томми Голубю и обратно, Клатч даже прекратил жевать.

– Мне надо проверить, – сказал он, потянувшись к копоперу.

Тогда я совершила то, чего не делала с детства, – я послала свою Тень к смотрителю и заставила его мне поверить. Я заставила его поверить: вогнала в него новое осознание. Это было откровенным нарушением теневых законов, но даже хороший коп должен иногда преступить черту. Лицо Клатча на секунду смялось.

– Да, конечно, – пролепетал он. – Разрешите вас проводить.

Мы (я, Том и Клатч) шли вниз сквозь соты опечатанных ящиков, прокладывали путь сквозь холодный воздух, восстающий против внешней жары. В каждом ящике лежало по спящему заключенному. Подушечные дела хранились в самых нижних ярусах тюрьмы, и Боб Клатч вел нас туда вдоль стены контроллеров, которые управляли системами жизнеобеспечения. Это были механизмы, сохранявшие жизнь заключенных, пока те смотрели перьевые сны. Наконец Клатч нашел ящик, помеченный «Бенджамин Маски», вытащил его и открыл. Мы увидели спящий полутруп, на лице которого застыла мучительная гримаса. Из его рта торчало черное перо. Я вытащила перо из губ заключенного и повернулась к смотрителю.

– Что вы тут себе позволяете?

Лицо Клатча пошло волнами мяса, но смотритель быстро взял себя в руки.

– Ничего не знаю, – пробурчал он.

– Это черное перо.

– Никогда его раньше не видел. Не знаю, кто его туда сунул.

Общеизвестно, что смотрители иногда заменяют перья во рту заключенных с разрешенных синих и спокойных на смертельные черные. Так поступают с растлителями малолетних, убийцами копов, анархистами и прочими гадами и подлецами. Смотрители меняют голубое перо на черное, и это значит, что жертва в своем тюремном сне будет жить внутри вечного кошмара. Томми Голубь принял вид оскорбленного родственника, а я добавила к этому впечатление о себе, как о важном копе.

Клатч смылся от нас искать хорошее голубое перо, чтобы заменить черное, и пока он ходил, я спросила Томми Голубя, что у нас с перьевым поиском. Но у него уже характерно остекленел взгляд, как будто он погрузился в виртпутешествие.

– Держись, Том, – сказала я. – Давай соблюдать закон, насколько это возможно.

Томми вернулся и стал ждать, пока притрюхает Клатч с голубым пером и кучей извинений за свою ошибку. Клатч передал

перо «Томми Маски», который сунул его в рот, вынул, и смотритель наконец-то мог втиснуть синее перо в рот заключенного. От нового пера лицо Бенни Маски расплылось в улыбке, и в этот момент Томми Голубь прыгнул в поток и погрузился в сон заключенного. Я уже была матерым экспертом в посылании своей Тени в сон, так что мы опустились в эту ячейку вдвоем с Томом, тень и вирт, в поиске улик…

…погружаясь в блаженство и цифры… цифры и блаженство… цифры захватывают блаженство, так что весь мир становится похож на математическую формулу… блаженство от свежесунутого пера… он был полон экстаза, этот долгий парад чувственности… цифры были масками на разных частях территории сна… замки на перьевых дверях… Том влечет меня вниз, в хоровод цифр, пытаясь прорваться… цифры сжимают кольцо вокруг нас, как уличная бригада, блокируют наш полет… пелена цифр, сквозь которую мы не можем пройти… Томми Голубь не может сдвинуться с места, но я толкаю Тень в формулу, вбиваю дым между символов… я использовала все, что могла… все свои ресурсы… почувствовала себя слабой и униженной, но вот появился разрыв между номером один и номером семь, и сквозь этот разрыв я послала свои пальцы из дыма… лицо Бенни Маски всплыло, извиваясь и матерясь…

– Какие мудаки приперлись?

– Это копы…

– Блядь, это противозаконно…

– Убийство тоже, Бенни…

– Уебывайте из моего сна…

– Наслаждаешься новым сном, Бенни?

– Нельзя не признать, он гораздо лучше, чем последнее существование. То было черным депрессантом. Господи! Чувство, как будто меня режут на части, а потом сшивают обратно. И такая хуйня – целую вечность. Мило с вашей стороны, копы, что вы разобрались с этим смотрителем. Н-да, голубое перо отличное…

– Дурной сон может вернуться, Бенни… в любой момент…

– Леди коп, пожалуйста…

– Слушай сюда, мы ищем адрес Гамбо Йо-Йо…

– Он убьет меня, если я его выдам…

– Что он может теперь тебе сделать?

– Это по его просьбе я убил, знаете ли, и это он поставил вокруг меня этот кондом из цифр, так что я не могу назвать его…

– Что он может тебе здесь сделать? Ты в полной безопасности. Подумай над этим…

Молчание Бенни Маски, пока он взвешивает варианты…

– Хорошо, я готов, только если вы гарантируете мне свободу

от черного пера. Я хочу спать в мире…

– Мир твой…

– Хорошо, получайте. Ботодом, Земляничные поляны.

– И все?

– Все, что я знаю.

Я чувствую, как Томми Голубь приготовился к выходу.

– Подожди минутку, Том. Я чувствую еще кое-что.

– Сивилла, мы получили то, за чем пришли.

– Еще не все; у него остались кое-какие секреты. Вновь погружаюсь в цифры Бенни Маски, следуя их изгибам до самого корня. Там, среди этой алгебры, вижу имя Крекера. Список преступлений, которые Бенни совершил для шефа полиции, а потом накрыл темными сетями.

Жалкий пиздюк.

Мы с Томом вышли обратно в Карцер, имея на руках местонахождение Гамбо и доказательства вины Крекера. Сказали Бобу Клатчу: или он навсегда оставит во рту Бенни официальное голубое перо, или мы сообщим властям; Клатч перебрал в уме все варианты, осознал и взорвался дождем аллергических слез и соплей.

Мы вернулись в «Комету»; Томми подключился к иксерской карте и получил отказ на запрос о Земляничных полянах. Мол, нет такой улицы.

– Что теперь? – спросила я.

Перед нами ехала полицейская машина. Том попросил меня включить сирену, и копмашина прижалась к обочине. Том вышел из «Кометы» и пошел к копам. Предъявил свой коп-код.

– Как вас зовут, констебль?

– ПиСи Бретингтон, – ответил водитель.

– Одолжите мне на минутку ваше перо.

– Нет проблем, инспектор Голубь, – ответил дорожный коп. – А что вы делаете на улице? Достал Вирт?

Констебль засмеялся.

Но Томми не обращал на него внимания. Он засунул перо себе в глотку и вызвал Колумба по волне карты.

КАКОГО ХУЯ НАДО?

В голосе Колумба явственно слышалась ярость, и Том не удержался от улыбки.

– О… прошу прощения, Колумб, что помешал вам, – сказал он, глубоко кодируя свой голос.

КАКИЕ ВОПРОСЫ, ПИСИ… ПИСИ БРЕТИНГТОН, ТАК?

– Точно, Колумб. Я хотел попросить определить одно место.

ТЫ ВСЕ ЕЩЕ РАЗГОВАРИВАЕШЬ СО МНОЙ?

– Естественно. Вы же Король кебов.

ТЫ НЕ СЛУШАЕШЬ ГАМБО ЙО-ЙО?

– Сроду не настраивался на эту пиратскую дрянь.

ОН РАСПРОСТРАНЯЕТ ОБО МНЕ УЖАСНЫЕ СЛУХИ.

– Он просто врун. Колумб, детка, ты найдешь мне место? Земляничные поляны? Там творится какая-то фигня, а я не могу вспомнить, куда поворачивать – налево или направо.

НЕТ ТАКОЙ ДОРОГИ – ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯНЫ.

– Пса в душу, опять ложный вызов.

НЕ ОТРУБАЙСЯ, ПИСИ БРЕТИНГТОН. ЕСТЬ КОЕ-ЧТО. СЕЙЧАС ПОДКЛЮЧУСЬ К КАРТЕ… НАШЕЛ. ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯНЫ – НОВАЯ ДОРОГА.

– Насколько новая?

ЕЙ ДЕВЯТЬ ЛЕТ.

– Девять лет. Не сказать, что совсем новая.

НЕ НОВАЯ? СТРАННО.

В голосе Колумба слышна еще уловимая дрожь сомнения.

– Там есть Ботодом, на Земляничных полянах?

СЕЙЧАС ПОДКЛЮЧУСЬ… НЕТ, НЕТУ. НЕТ ТАКОГО ДОМА.

– А что вообще там есть?

СЕЙЧАС ПОДКЛЮЧУСЬ… НА ЗЕМЛЯНИЧНЫХ ПОЛЯНАХ НЕТ ПОСТРОЕК.

– Есть что-нибудь по Ботодому?

СЕЙЧАС… ДА, НАШЕЛ БОТОДОМ, ЗАРЕГИСТРИРОВАН В АРДВИКСКОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЗОНЕ… НИЧЕГО ОБЩЕГО С ЗЕМЛЯНИЧНЫМИ ПОЛЯНАМИ, ЖИТЕЛЕЙ НЕТ. В ЧЕМ ПРИКОЛ, ПИСИ БРЕТИНГТОН?

– Похоже, у меня тухлый след, Колумб. Небось какой-нибудь виртер.

Томми закончил сеанс связи и пошел обратно, к моей машине.

– Поехали, Джонс. Ардвикская зона.

– Думаешь, это было умно, Том?

– Думаю, у нас фора в несколько минут.

Я бросила «Пылающую комету» вперед.

Белинда плавает в подземной воде; ее обнаженная плоть полностью покрыта вытатуированными улицами. Только на лице у нее нет карты. Она только что закончила обривать налысо голову и лобок, на бортике бассейна лежат тюбик бритвенного ваза и «жиллетт» для женщин. Рядом с ними стоит стакан, который Белинда взяла на кухне Гамбо, еще недавно наполненный «апельсиновым елеем», а теперь пустой. И ее рюкзак, внутри которого отдыхает бутылка «бумера», позаимствованная у Кантри Джо. Белинда – словно плавучая карта на волнах отчаяния. Этой ночью Ванита-Ванита отвезла ее в

Волшебном Автобусе на Элдерли-эдж. Там Белинда подобрала Тошку, слегка помятого и поцарапанного после приключений в Черном Меркурии. После того как они пересекли границу, Белинда напряглась и застыла за рулем, но загруженная Гамбо Кривая дорожка сработала отлично: Белинду в упор не замечали сотни икс-кебов, мимо которых она проезжала. Они вообще не регистрировали ее присутствие. Она стала тайным драйвером. Гамбо злился на нее за то, что она стреляла в Колумба, он сказал, что эти пули им еще дорого обойдутся. Но в то же время его немало впечатлил рассказ Белинды про рай в Вирте.

– Наука открыла Эдем! – вопил он.

Белинде надо было вести передачу в 7:00. Она не могла сопротивляться. Не Гамбо загнал ее в угол, она сама себя загнала. Она устала. Устала удивляться и путешествовать, устала от дорог, уходящих в никуда. Она нашла убийцу Койота, но ничего не смогла сделать. Гамбо облазил все возможные волны в городе, пытаясь найти след девочки по имени Персефона, и не нашел ничего. Перед Виртом оказались бессильны даже пули. Каким образом молодая никудышная дронт может бороться со снами? Ей пришла в голову мысль, что она плывет по краю. Прочь от края, низвергнуться в сон, от которого нет пробуждения!

Крекер едет к тайному дому хиппи Гамбо. Персефона нашла этот дом на цветочной карте, показала на зеленых улицах. Теперь он обрел цель, Персефона назвала жертву – Белинда Джонс. Девушку необходимо искоренить. Он провалил первую попытку, но теперь ему дан приказ яркими цветами. Девушка, которую он должен убить.

Пальцы его правой руки конвульсивно играют с застежкой кобуры в кармане, левая рука лежит на руле.

5:30. Где-то на Гайд-роуд Крекер поворачивает направо – на грязную, заросшую дорогу к ардвикской промзоне. Он паркуется в месте под названием Уигли-стрит. Перед ним под красным утренним солнцем раскинулась заброшенная ржавая паутина железнодорожных веток. За рельсами сгрудились дома ардвикской зоны. Воздух одиночества овевает разрушенные заводы и призрачные склады. Ботинки Крекера стучат по тротуару. Один цветок из его награды приколот к лацкану. Он сорвал этот цветок с кожи Персефоны и теперь воображает, что это ее запах ведет его вперед – Персефона в цветке; она подсказывает, куда идти. В кармане пистолет, разум Крекера разрывается на куски от воображаемых пуль. На пути встает громада Ботодома: все двери и окна покрыты цветами невероятной красоты. Внутрь здания нет прохода, каждая дверь намертво запечатана. Крекер слышит какой-то шум за углом

переулка. Идет вдоль здания к внутреннему двору. Здесь на открытом пространстве собралась стая псов-бродяг хищного вида. У Крекера появляется отчетливое ощущение, что копам тут не рады. Работа превращается в кошмар. Потом он чувствует, как Персефона в глубине его души куда-то его тянет – часть шефа полиции всегда открыта для ласк лепестковой девочки. Цветок на его лацкане истекает влагой, увлекая его вперед. Этим способом Персефона приводит его к наглухо закрытой двери в переулке.

Здесь Крекер ждет.

Вокруг Колумба разворачивается город, расходится лучами из центра его сознания. Это Улей Манчестера. Последние несколько часов у Колумба были проблемы. Во-первых, в его сердце застряла пуля из Реала, выпущенная Белиндой. Это неприятно, не больше, но сейчас ему совсем ни к чему отвлекаться. Все, что ослабляет его, ослабляет карту. К тому же из-за этого ублюдка Гамбо против него, похоже, ополчился весь город. Естественно, иксеры остались верны до последнего, просто люди больше не хотят на них ездить. Ну, это изменится, когда новая карта будет готова; никуда не денутся, придется ездить, и Колумб получит немало денег. Сканируя карту, он видит шефа полиции Крекера, как тот едет по Ардвику; коп-волна Крекера переведена в стелс-режим. Что там задумал этот дурачок? По идее он должен обеспечивать безопасность Персефоны. Должен вернуть назад такси-беглянку. Колумб не может действовать, пока этой машины нет. Еще он видит вирткопа по имени Томми Голубь. С ним теневой коп Джонс, женщина, которая вчера влезла в его дела. Что там с этим Крекером, он что, не может держать игроков под контролем? Ему отказала его природная дальновидность? Джонс и Голубь едут в одной машине, и тоже в Ардвик. Что там такое? Колумб рассчитывает совместные траектории Крекера и Голубя и получает точку их пересечения: Ботодом. Этот коп, как там его звали, ПиСи Бретингтон, несколько минут назад тоже спрашивал про Ботодом. И еще эта новая дорога, Земляничные поляны. Зачем Совет ввел в систему новую дорогу девять лет назад, а потом так ее и оставил? Ни домов, ни построек – вообще ничего. Из-за этих раздумий Колумб просматривает Земляничные поляны в увеличении. Нет ничего: улица пустынна. Колумб вызывает власти, соединяется с неким Дэвидом Гледдерсом из Отдела градостроительства. Гледдерс не сразу признает Колумба, жалуется, что слышал о нем кучу гадостей. Колумб посылает по перу в ратушу выжигающую волну.

– Черт! Ты что творишь? – кричит Гледдерс. – Больно же.

ДАЛЬШЕ БУДЕТ ТОЛЬКО ХУЖЕ, ДОРОГУША.

– Что тебе надо?

Колумб просит Дэвида проверить новую улицу под названием Земляничные поляны, заложенную девять лет назад.

– В смысле, как в «Битлз»? Уважаю «Битлов»!

КОНЧАЙ ПИЗДЕТЬ НЕ ПО ТЕМЕ, ВОЛОСАТИК!

Дэвид возвращается с отрицательным ответом: такой улицы в списках нет. Колумб благодарит его и снова увеличивает Земляничные поляны. На краях карты что-то зудит, Колумб никак не может разобрать. Вызывает все улицы, построенные после полян, обнаруживает, что все они уже забиты жильем и бизнесом. Единственная пустая – Кривая дорожка, заявленная только вчера. Он снова переходит на поляны и делает суперувеличение – это съедает память у системы икс-кебов, но драйверам придется смириться. Земляничные поляны еще больше приближаются к Улье-разуму. Колумб сейчас живет внутри всех чисел, составляющих улицу. На него падает холодная тень, рожденная на гранях формулы. В сознании он может пройти по всей пустынной улице, но на некоторых числах чувствуется легкий шум. Колумб делает еще одно увеличение, вытягивая больше ресурсов икс-кебберской системы, и находит на карте крошечную зону тьмы. Еще увеличение – но узелок никак не сдается; похоже, вокруг этой темноты стоит кондомный барьер. Колумб не может прорваться к знанию. Это огромный удар по его самолюбию – до этого момента он думал, что владеет всей картой. Снова пытается прорвать барьер. Ничего. Пустота. Тьма. И тут иксеры начинают требовать больше ресурсов. Свич велит им спокойно подождать, пока он решит проблему. Снова увеличивает поляны. Выбирает ближайшую свободную машину, записанную как «Золотая лань», и посылает ее за мнимым пассажиром на Земляничные поляны. За пятнадцать секунд такси добирается туда и сообщает:

– Тут никого нет, Свич. Вокруг одни поля. Нет никакой дороги. Куда ты меня послал?

Колумб просит драйвера постоять на месте, пока он снова увеличит карту. Земляничные поляны зарегистрированы на карте как ответвление Вересковой дороги в Рамсботтоме, в забытой богом деревушке на северной границе. Колумб дает драйверу точные координаты Земляничных полян и просит проехаться по всей улице.

– Здесь только трава, говорю тебе, – отвечает драйвер. – Ты хочешь, чтобы я ехал по траве?

ДАВАЙ, БЕЗ РАЗГОВОРОВ, – отвечает Колумб и потом наблюдает на карте, как икс-кеб медленно прокладывает путь по несуществующей улице Земляничные поляны. Машина доезжает до того места, где числа начинают шуметь, и исчезает. Колумб паникует, вызывает драйвера на волне, в ответ – тишина. Колумб

еще не решил, что делать, и тут машина появляется снова, на другой стороне шума. В системе звенит голос драйвера:

– Господи, Свич! Что это было? Все отказало! Я вызывал тебя, а ты не отвечал. Вся блядская карта не отвечала!

Колумб приказывает драйверу успокоиться и снова вернуться в эту темноту. Драйвер начинает возмущаться, но Свич напоминает ему иксерский кодекс верности: отправляться в путь, куда бы ни вела карта.

И В ЭТОТ РАЗ, – говорит Колумб, – СТРЕЛЯЙ ИЗ ВСЕХ ПУШЕК.

– Что?

ДАВАЙ, БЕЗ РАЗГОВОРОВ.

Такси возвращается в темную область карты, и Колумбу приходится подождать несколько нервных секунд: наконец, из темного узелка начинает вырываться пламя. Свич рассчитывает траекторию всех зарядов: каждый из них слегка отклоняется от расчетного пути. Колумб движется сквозь формулу, возвращая расчетную траекторию к фактической. Числа начинают крошиться. ЕСТЬ! Колумб запрашивает имя икс-кеба в этой зоне, получая в ответ «ВОЗОЛОЛТАШЕЯБНЫЙ АВТОЛБУСАНЬ». Накладывает фильтр, вычитает слова «Золотая лань», в остатке – Волшебный Автобус. КЕБ-БОЖЕ! Это имя машины Гамбо Йо-Йо, которая, как считается, летает по воздуху. И Волшебный Автобус питается знанием Свича, теперь он это чувствует. Волны системы-Улья просачиваются в форму нарушителя. Колумб выделяет пустую улицу и нажимает кнопку «удалить» в своей голове. К его восхищению, улица не исчезает, а съезжает по карте к ардвикской промзоне. Там улица оседает около весьма популярного в последнее время Ботодома, а потом пропадает. Волшебный Автобус стоит около Ботодома, того самого, о котором недавно спрашивали копы.

ЗДЕСЬ-ТО И ЖИВЕТ ГАМБО ЙО-ЙО.

Потом Свич движется по карте, пока не находит Кривую дорожку – последнее добавление к сети. Находит там еще один темный узелок. Вызывает Дэвида из ратуши, получает «не было такой загрузки» и начинает искать пути внутрь этого незаконного кондома. На этот раз ему хватает пяти секунд, чтобы получить имя «Фаэтон». Он проделывает то же самое «выделить – удалить», как и с Полянами, и смотрит, как Кривая дорожка движется через карту и оседает позади Ботодома. Фаэтон припаркован около Волшебного Автобуса.

ПОПАЛАСЬ МАШИНА-БЕГЛЯНКА!

Схема завершена.

6:19.

Содержание пыльцы достигает 2000.

Колумб вызывает кнопку с надписью «ЦВЕТОЧНАЯ КАРТА БЕРЛИКОРНА» в своем Улье-разуме и нажимает ее.

Активация…

По всей улице, где мы ехали, люди наполняли носы пыльцой и разбрызгивали вокруг послания наслаждения. Я видела целующихся любовников. Последнее время люди не целовались, боялись худшего; нежно потереться друг о друга респираторами – на большее мало кто отваживался. Теперь молодежь снова делила дыхание, вопреки всему отпустив на волю страсть. Я повернула на Эштон Олд-роуд, справа от нас проплыли омерзительные дворцы гибнущей промышленности. Люди танцевали на крышах заброшенных домов, посреди растущих там цветов. Ликующее чихание. Лучи раннего утреннего солнца прочертили радугу в облаке приветственных соплей…

Ааааааа…

Аааааааааааааааа…

Аааааааааааааааааааааааааа…

Воздух сжался в тугое мгновение ожидания. Влажное и скользкое было оно, это мгновение, и солнце, казалось, по краям поросло шерстью, слипшейся в иглы. Словно огромный шар золотой пыльцы, висело оно там, над горизонтом.

Затишье перед…

И когда мы с Томми Голубем ехали по Олд-роуд в Ардвик, на тайную квартиру к Гамбо, я услышала звук миллионов вздохов. И взрыв. Взрыв слизи.

Шторм…

На часах в машине было 6:19. Содержание пыльцы – 1999. Щелчок, цифры меняются – и неожиданный, жестокий взрыв. Солнце содрогнулось; «Комета» накренилась.

– Ничего себе… – послышался голос Тома.

Чихобомба.

Аааааааааааааааааааааппппппччччччччхххххххххххиииииииииииииииии

Пять, и десять, и пятьдесят раз.

Койот слышит мощное чихание. Он лежит в двух метрах под землей, но звук долетает даже туда, пробуждая Койота от черно-зеленого покоя. Слизь тяжелым дождем обрушивается на его могилу и памятник. Приглушенный взрыв заставляет дрожать корни и червей вокруг него. Койот – сам корень. Похоже, снова пришло нужное время года, сезон плодов. Он начинает расти. Чих пробуждает его потоки. Он собирает свой мозг из ганглиев твердых корней, переплетенных в тугой комок: корни связаны в единую систему и передают информацию через сок.

Но его заставляет расти не только чихание. Кто-то еще

побуждает его проснуться. Чье-то скрытое присутствие.

Он не знает, кто он, что он, где он и даже зачем он. Только то, что он хочет выбраться из этой деревянной коробки.

Это несложно.

Он соединяет свои клетки с клетками гроба, принуждая доски раскрыться, подобно цветку. Он и есть цветок. Он должен вырваться на воздух, к солнечному свету. Ему необходим рост.

Стебель Койота проталкивается через почву и вырывается на поверхность. Его встречают только пробивающееся сквозь туман солнце и брызги соплей из города. Сойдет. Койот глубоко впивается в землю, ощущая, как его пятнистые лепестки разворачиваются на свету. Койот испытывает самое странное желание в своей жизни: он хочет пчелу. Кого-нибудь, кто соберет пыльцу с его шерсти, с его лепестков. Лепестки? Шерсть? Он сам не знает, что он такое. Лепестки и шерсть. Сойдет.

Все больше и больше его стеблей выбирается из грунта. Они объединяются в зеленые ноги. От стеблей ветвятся цветы, черные и белые лепестки, сцепившиеся в форме прежнего тела Койота. Где-то в дебрях его растительного сознания сохранилась модель; из лепестков собирается идеальная копия того, чем Койот был раньше. Его тело – комбинация флоры и фауны, цветы и плоть пса. И человек. Глубоко в этом букете спрятан тонкий след человеческой сущности. Он концентрирует все внимание на этой частичке. Это то, чем он должен стать.

Цветы волочатся за ним. Танцуют… танцуют. Он смутно вспоминает язык пассажирки, свою последнюю поездку. Как она забрала его вниз, в мир зелени. Теперь он снова свободен, но все еще чувствует в своем сознании ее пальцы. Он слеплен из того же теста, что и она. Она хочет его себе.

Нет, не себе. Кому-то, очень похожему на нее.

Койот борется против цветка. Понимает, что не может одержать победу.

Он даже не знает, что делает и почему он это делает. И даже как он это делает. Только то, что он должен это сделать. Он – пес, растение, человек. Он всё, что когда-либо знал, и он – карта того, чем должен стать.

Сила корня берет над ним верх. Койот погружается глубоко в себя и возвращается со словами «Малыш сэр Джон».

«Кто это, бля?»

«Спаси мою жену».

Эти слова приходят из самого глубинного корня.

«Пошел на хуй».

Койот срывает сам себя; черно-белый пятнистый растительный пес шагает по кривым кладбищенским дорожкам.

Теперь он видит, где он: начинает функционировать его карта. Южное кладбище. Он растет, и карта меняется. Это нормально, он может меняться вместе с ней. Он поворачивает цветущую голову налево, выискивая на новой карте место, куда надо ехать. Центр Манчестера. Почему так?

«Бода».

Ветер приносит лепестки с этим именем. Бода? Кто это был? Его последняя… последняя что? Последняя пчела? Последняя пушистая сука? Последняя пассажирка? Последняя девушка? Он выйдет на меченную мочой тропу. Ему нужен солнечный свет – это его мясо и его заказ. В нем есть знание того, что он страшен, первый из нового рода. Новый способ существования. Пока сойдет и просто дорога.

Форма роста.

Далматинские лепестки.

Заказ Боды – его солнечный свет.

БЕЛИНДА, МЕНЯ ЗАСАСЫВАЕТ НАЗАД.

Эти слова по Тени доходят до Белинды, когда она плавает в мраморном бассейне.

Слова Тошки.

БЕЛИНДА, МЕНЯ ЗАСАСЫВАЕТ НАЗАД. КОЛУМБ ДОБРАЛСЯ ДО МЕНЯ. БЕЛИНДА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

Это последние слова Тошки.

Как раз в это время взрывается Чихобомба. 6:19. Цветок, который она притащила из Вирта, качается на воде между ее ног. Вдруг на воде появляются волны, накатывают и отражаются от ее бедер и откатываются назад, смешиваясь с теми, что идут следом. Белинда с интересом смотрит на образовавшийся хаотичный узор, думает, что это совсем как запись землетрясения, которую она видела по телевизору. Но это Манчестер, не ТокиоКо и не ФранцисКо. Она нервно оглядывается, но в остальном подземный дворец мертвенно спокоен. Тут она слышит звук взрыва, отдаленный залп мягких ядер. Сопли попадают в подвальное окно.

Тыц! Тыц! Тыц!

Удары…

Шлеп… шлеп… шлеп…

Заряды смачно бьют в стекло, и Белинда от страха запускает собственные волны по воде, дернувшись от шума. Она смотрит на окно, пытается понять, отчего шум, но тут прилетает очередная порция соплей, и ей становится страшно. С потолка сыплется штукатурка. Надо срочно выбираться из бассейна. Окно покрывается слизью; бассейн погружается в пушистую тьму. С улицы раздаются приглушенные крики. В темноте Белинде

ужасно одиноко. Что пошло не так?

Белинда с головой уходит под воду. Закрывает глаза, медленно плывет, пока ее разум не начинает тонуть. Так здорово погружаться в водянистый сон. Краденая орхидея тычется ей в бедра, и это словно нежный лепестковый поцелуй.

Цветок следит за тобой, Белинда.

Текущие мысли…

Надломленное сердце…

«И слезу задушив, завтра утром, Джо, я продолжу жить…»

Эхо ее милого голоса заполняет мраморное пространство. Это песня животных, и травы, и цветов, и воздуха. Утро разорвано воем сирен. Аварийные действия. Город умирает. Стоит ли что-нибудь спасать? Она все равно не может вернуть Койота. Не может даже отомстить за его смерть.

Еще одна капля в чаше…

Что хорошего может быть в ее жизни без него?

Белинда, ты даже толком не узнала его…

Она не слушает.

Капает яд. Она вспоминает; похоже, думает Белинда, что, когда она прошла сквозь Волшебную Стену, этот шаг был признанием ее мертвой части…

Вспоминает…

Сцена на кухне. Дотаксишная. Белинда слушает с верха лестницы…

Отец и мать сидят за столом и спорят. Отец называет мать плохим словом – зомби, сукой из ада. Проклинает за то, что та приносит в мир только трупы. Мать называет его мясом, простым мясом, чистым мясом.

«Все, чего вам, чистым мальчикам, надо – еще больше чистоты. Терпеть не можете бардака». Слова ее матери.

«Эта девка – смерть». Слова отца. Эта девка, в смысле она… Белинда. Это Белинда – смерть. Для нее это слишком. Она спускается по лестнице. Бьет отца прямо в лицо. Как в замедленной съемке, отец падает без сознания на кафельный пол.

Вспышка гнева. День, когда она начала уходить. Уходить от семьи. Время исчезать, бежать, пройти все грани жизни. На девять лет «Икс-кеб» стал ее семьей. Теперь и это ушло. Больше для нее нигде нет места.

Капает яд…

Может быть, пора. Пропасть зовет. Потому что, в конце концов, разве Тень – это не след смерти на жизни? Может, пришло время завершить эту схему.

Белинда смотрит на рюкзак, лежащий на бортике бассейна, и отводит глаза. Снова смотрит. Наконец, тянется, расстегивает

застежку. Открывает рюкзак. Распутывает тьму. Достает бутылку – подарок, украденный у Кантри Джо.

«Бумер».

Белинда, дочь моя…

Ты открываешь бутылку. Наливаешь немножко в грязный стакан и снова закрываешь бутылку пробкой, кладешь ее обратно в рюкзак. Одна доза – для оттяга, две дозы – для сорванной крыши. Три – для чистой и сексуальной смерти. Открываешь рюкзак, отвинчиваешь пробку, наливаешь третью дозу. А потом держишь бутылку над стаканом, пока та не опустела. Должно хватить.

Еще одна капля в чаше, наполнявшейся всю жизнь.

Чистая и сексуальная смерть.

Это твое желание?

Как же прекрасно твое тело, дочь моя! Бледная белая кожа, покрытая путаницей карты Манчестера. Все улицы и все названия вписаны в изгибы твоего тела. Ты соскальзываешь в воду еще глубже. Несколько минут нежишься в теплом бассейне, а потом берешь стакан.

– Похоже, я иду к тебе, Койот.

Ты говоришь это вслух теням и клочкам тумана, встающим над водой.

А потом ты подносишь стакан к губам, Белинда. Пьешь…

Время на панели было 6:19. Содержание пыльцы – 1999. Щелчок, цифры меняются – и неожиданный, жестокий взрыв. Солнце содрогнулось. «Комета» накренилась.

– Что за черт… – Голос Тома.

Чихобомба.

Аааааааааааааааааааааппппппчччччччхххххххххххиииииииииииииииии

Пять, и десять, и пятьдесят раз.

Царство соплей взрывается и обретает собственную жизнь. Носовая Хиросима. Каждый житель города дает залп из ноздрей. Без респиратора и без жалости. Сопли падают дождем на стекла. Эштон Олд-роуд. Взрыв толкает машину вперед, добавляя километры на спидометре, и вот я уже превышаю скорость.

Тыц! Тыц! Тыц!

«Пылающая комета» покрыта зеленой дрянью. Я не вижу ничего впереди.

– Где мы, бля? – кричу я.

– Приплыли, – говорит Томми Голубь.

– Что это?

– Новая карта.

– Но мы уже почти на месте. Мы почти добрались до Ардвика.

– Не думаю, что мы сможем…

Я резко бросила машину вправо. И остановилась в Намчестере, у Первой крепости.

– Чего?

– Бля.

– Что мы тут делаем?

– Приплыли, Сивилла. Прорывается новая карта.

Перед нами две машины смешались в кучу металла и мяса. Люди кричали и вываливались из дверей.

– Я слышу, как смеется Колумб, – говорит Томми, и я поворачиваю «Комету» от свалки.

Прошла секунда.

И мы вернулись к моему дому на Виктория-парк.

Я изумленно кручу руль, отчаявшись найти дорогу в Ардвик.

Секунда…

И мы на Уоллей-рендж, около дома моей дочери. Там еще груда машин, влетевших друг в друга. Дорожные копы бегут помогать пассажирам.

– Плохо дело, Том, – сказала я. – Мы никуда не доедем.

– Нет. Дорога есть, – ответил он. – Должна быть дорога. Мы сейчас в виртовой карте. Вот и все. Езжай дальше.

– Мне это не нравится.

– Просто поезжай.

И вот мы уже в Боттлтауне – и стекло трещит под колесами, пуская радугу осколков. Я остановила машину. Я слышала, как во весь голос кричат люди из блестящих домов.

– Так мы никуда не приедем, Том.

– Мы во сне, вот и все. Мы в мифе.

– Что это за миф?

– Забудь про расстояния и направления. Мы должны найти нить повествования.

– Эта дело не по мне.

– По тебе. Просто используй свою Тень.

– Моя Тень чувствует себя крысой в лабиринте.

– Это миф про Джона Берликорна, Сивилла. Разве ты не видишь? Чего Берликорн хочет меньше всего?

– Том, ты несешь какую-то чушь.

– Чего он боится больше всего на свете? Подумай. Он человек, который живет только в мифе.

– Иммунных…

– Дронтов. Они – единственные, кого он не может заразить. Единственные, кто не может вжиться. Дронты – его самый большой страх. Вот почему он встроил в аллергические реакции желание убивать дронтов. В этом мифе, написанном под нас, он меньше всего хочет, чтобы дронты объединились. Он

действительно пытается не дать тебе встретиться с твоей дочерью.

– Что значит…

– Есть что-то такое в вашей встрече… Ты и твоя дочь… не знаю… Берликорн увидел в вас потенциальную угрозу. Сивилла, думаю, мы его раскусили.

– Но что мы можем, Томми? Он контролирует миф. Мы сквозь него не проедем.

Сквозь заляпанное соплями лобовое стекло я вижу одинокую машину, влетевшую в стену. Водитель бредет прочь, держась за голову.

– Вирт-Христос! – Том шлепнул рукой по панели.

– Что там? – спросила я.

– Боже, ну я и дурак! Берликорн не может дотянуться до тебя, Сивилла. Он действует через меня.

И с этими словами Томми Голубь открывает дверь «Кометы» и вылезает.

– Том? Ты куда пошел?

– Дальше ты одна, Сивилла.

– Том?

– Просто езжай.

Я посмотрела, как он пошел помогать раненой женщине, а потом выключила разум, отпустив на волю Тень. В моей дымке тут же протянулся мерцающий лучик света. Словно дымка была вечнотекучей картой, а свет был моей любовью. Надо всегда идти за огнем. И я увидела, увидела всех дронтов Манчестера, включающихся в какой-то тайный план. Время принимать бой. Даже моя дочь… наконец пора играть роль…

Я бросила «Комету» вперед и повернула на третьем повороте направо.

Прошла секунда…

И я приехала в ардвикскую промзону.

Крекер воспринимает носовой взрыв как приветствие. Демон соплей заполняет переулок, и здания трясутся от вибрации. Он слышит крики и снаружи, и изнутри. Персефона показала ему настоящую, верную дорогу. Она предупреждала его о взрыве. 6:19 утра. Новая карта. Содержание пыльцы – 2000. Цветочный маршрут был жарким и мучительным, но ему вновь придется пройти по этому пути, припадая к лепесткам девочки всякий раз, когда она позволит. Персефона была так ласкова с ним, так соблазнительна для мужчины, в чьих жилах течет больше Плодородия 10, чем крови, разве он может противостоять ее наслаждениям?

Лепестки к лепесткам, открываются и закрываются – его

долгая дорога к успеху.

Он выходит посмотреть на неразбериху перед домом Гамбо. Лагерь в руинах: псомужики и сукобабы разных пород носятся как угорелые, некоторые пытаются помогать раненым на земле, другие просто ищут укрытие. По удушающей жаре летают крики и мат. Черная женщина с прической афро нагнулась над одной из жертв. Мужчина с длинными всклокоченными волосами и в блестящих штанах идет сквозь хаос, размахивая руками и изрыгая безумные взрывы смеха. Крекеру кажется, что это должен быть сам старый добрый хиппи Гамбо, мозги у которого прочистились из-за провала.

Крекер отступает назад, слушаясь цветка Персефоны.

Боковая дверь разорвана на части взрывом соплей. Крекер раздвигает остатки и, легко ступая, входит в огромную подземную комнату, наполненную тенями и водным пространством, ограниченным мраморными стенами.

Молодая девушка плавает в воде, сорванный цветок прелестной окраски колышется между ее ног. Сама Персефона плавает между ног Белинды, вот как она привела его так далеко, так близко.

Белинда…

Цель дня. Хорошая цель. На этот раз он сделает все правильно.

Крекер ступает в тени…

Белинда, у губ твоих – стакан яда. Половину ты уже проглотила. Крыша едет, мощно и красиво. Приход зовет тебя завершить начатое, испить трип до конца.

Смерть терпелива. Что ей несколько лишних секунд твоих размышлений? Стакан вновь возле рта. На язык падают первые капли. Очень возбуждающе.

Огонь возбуждения.

Шум из дальнего конца бассейна…

Бля!

Белинда прислушивается, мечтает, чтобы посетители убрались, кто бы они ни были. Это Гамбо или Ванита? Они что, не видят, что девушка пытается покончить с собой? Думают, это так просто?

– Кто там? – кричит Белинда.

– Полиция, – отвечает голос. – Без глупостей.

Белинда ждет пять секунд. А потом…

– Что вам нужно? – вглядывается она в тени, среди которых дрожит тонкая, высохшая фигура…

– Не волнуйся, Белинда. Мы знаем, кто убил твоего дружка-пса. Мы знаем, что это не ты. Семь секунд. Голос кажется

знакомым.

– Я тоже выяснила, кто убил его, – говорит Белинда. – Персефона при помощи Колумба.

– Ты очень умная девочка, – отвечает голос. – Хорошо, что мне придется убить тебя.

Наши разные жизни сближаются. Моя дочь плавает в бассейне, обнаженная и отрешенная от карты. Крекер, шеф полиции, идет на свет, потея, как мокрая рана. Он садится на край бассейна, опускает ботинки в воду. Цветок Персефоны бьется лепестками о бедра Белинды. Полупустой стакан «бумера» снова стоит на бортике бассейна. В кармане Крекера затаился пистолет. Все части на своих местах. На сцене появляюсь я. И Колумб – он раскрывает свою новую карту. Этот подземный плавательный зал, этот мерцающий зал, моя дочь в центре, такая притягательная в тенях и мраморе. Кольцо странных желаний вокруг нее стягивается, как отдаленные улицы, которые сходятся друг с другом, стоит сложить карту.

Над миром все еще висит зеленая грозовая туча слизи. Внутри только заикание призраков из заляпанного соплями окна, единственного источника света.

– Снова ты, – говорит моя дочь. – Тебя зовут пассажир Девиль.

– Уже нет, уже нет, – улыбается Крекер. – Просто маскировка. Меня зовут Крекер, шеф полиции.

Его цель кажется такой нежной – мерцающая под водой карта; от ее вида «Казанова» тяжестью обрушивается в чресла. Крекер не может отвести взгляд от цветка, плавающего между бедер девушки, того, что привел его сюда. Он ревнует цветок, ищущий наслаждения на стороне, и чувствует, как взгляд Персефоны с узоров лишайника на древних мраморных стенах царапает его кожу. Все, что надо сделать, чтобы удовлетворить любовницу, – вогнать пулю в цель. Но он боится смерти – и собственной, и чужой. Естественно, он убивал преступников, ничтоже сумняшеся забирал их жизни, но вот так, невинного, такого же страдальца? Он – и сотворить такое?

– Зачем ты пришел? – спрашивает Белинда.

– Мне надо убить тебя.

Белинда смотрит на него в упор.

– Я тоже этого хочу, – говорит она.

– Что?

– Все просто. Я хочу, чтобы ты убил меня.

– Но почему?

С него градом льет пот.

– Потому что это правильно.

Разум Белинды сейчас чист и холоден.

Крекер ошарашенно делает шаг назад. Его здорово проняло. Простой человек, простые мысли. Он тащит из кармана пистолет, запутывается в ткани, и ему приходится тянуться второй рукой, чтобы освободить его. Потом никак не может высвободить курок.

– Извини… прости меня… – бубнит он. – Извини… Никак не могу… Вот! Пошло!

Наконец пистолет поднят. Из-за собственной неуклюжести Крекер чувствует себя почти нормально. Эта нормальность придает ему смелости. Он больше не пытается самоутвердиться. Может, в этот раз он сумеет удовлетворить Персефону. Он вытягивает руку с пистолетом вперед, так далеко, как только может. Барабан дрожит, ловит крохотные вспышки света из залепленного окна.

Белинда улыбается.

– Ну что, ты готов? – спрашивает она.

– Я… я попытаюсь.

– Тогда вперед. Сделай все как следует.

«Будь мужчиной. Будь же наконец мужчиной» – вот что говорит ему девушка. Несмотря на Плодородие, пульсирующее в его крови, будь же, наконец, мужчиной! Пистолет пляшет в руке. Левой рукой он берется за правую, чтобы успокоить дрожание и прицелиться. Все равно дрожит.

– Ты смеешься надо мной, – говорит Крекер.

– Нет. Я пытаюсь тебе помочь. Мы ведь хотим одного и того же?

Белинда берет с края бассейна стакан с «бумером». Держит его перед лицом.

– Это «бумер». Знаешь, что это? Крекер кивает.

– Ты его пробовал?

Крекер пробовал, но она все равно говорит ему:

– Одна – для оттяга, две – сносят крышу, третья – жди чистой, сексуальной смерти.

– Ты хочешь убить себя?

– Если ты мне не поможешь.

– Прошу…

– В этом стакане больше пяти доз, и две я уже выпила. И чувствую себя сейчас очень хорошо, очень сексуально. Ты меня не хочешь?

Пистолет движется сквозь тьму, пытаясь нацелиться на нее. Крекер не может поймать цель. Он боится девушку.

– Прошу… Я… – говорит он. Трясет пистолетом. – Думаю, тебе не стоит…

Белинда опускает язык в стакан. На крошечную долю секунды

позволяет «бумеру» обжечь свои нервные окончания.

– Не…

Белинда наклоняет стакан, пока край пленки «бумера» не доходит до губ.

– Этого ты хочешь?

– Нет! – рвется голос копа. Он встает у бортика бассейна. – Нет… да… я… бля! Прошу… все не так! Я просто хотел… не надо никому умирать. Никому… – Крекер слышит, как Персефона кричит у него в голове. – Пожалуйста, – говорит он. – Не делай этого.

– Мы оба этого хотим.

Тень Белинды никогда не была такой текучей.

Крекер потеет. Чихает. Но цель укоренилась, у него появился мотив. Пистолет лежит в его пальцах ровно и точно. Если бы он мог разорвать эту схему – пальцы, рукоятка, курок, свежая кожа молодой девушки! Может, тогда он стал бы свободен от всех проблем. Запах Персефоны кричит на него. Ее вонь заполняет подвал. Все, что ему надо сделать, – нажать на спуск, завершить эту историю. Белинда наклоняет край стакана. Крекер прыгает в воду, как небольшая бомба, и прорывается сквозь тяжесть воды к Белинде.

– Прошу, Белинда… не убивай себя!

Я еду на своей «Комете» в эту запутанную историю. 6:22. В новой карте даже время стало текучим. Старые правила отменены. Карта забита нарушенными дорогами. В тот день случилось двадцать пять аварий, порожденных новыми переплетениями корней города. Но я освободилась от этой структуры: я вела по Тени.

Между заводами бежит грязная дорога. По краям все спокойно и тихо. Заброшено и отдано призракам, но чем ближе я к центру затерянного промышленного города, тем больше этот город похож на Вавилон. К «Комете» бежит кричащая женщина: ее одежда разорвана, а лицо покрыто слизью. Я вывернула руль, чтобы избежать столкновения, и женщина отскочила от левой стороны капота. На несколько секунд упала на дорогу, но я не затормозила. Надо думать о дочери, теперь она – моя единственная цель. Бедная женщина, пошатываясь, встает. Я продолжаю свой путь, пока не въезжаю на открытое место между складами и хранилищами. Здесь разбит лагерь бродячих псов: хаос из куч костей, железных скульптур и вигвамоконур. Все вокруг покрыто блестящей глазурью носовых выделений, земля покрыта телами, женщина, обладательница титанической афро, помогает жертвам землетрясения. Должно быть, это Ванита-Ванита. Я остановила «Форд комету» и подошла к Ваните, которая

пыталась дать стакан с чем-то одному из раненых. Собакомужик отказался, и тогда Ванита выпила сама и, нагнувшись, поцеловала пса, передав лечебную микстуру изо рта в рот. Я вынула пистолет из кобуры, но при виде этого акта милосердия он показался ненужной тяжестью в руке.

– Ванита-Ванита? – спросила я.

Она бросила на меня взгляд, полный покорности. Увидела пистолет и приняла меня за ту, кем я и была: за ублюдочного копа, за то, против чего она восставала всю жизнь. Я видела, как в ее глазах гаснет огонь бунта. Она посмотрела на склад, около которого стояли икс-кеб и раскрашенный фургон под названием Волшебный Автобус. Слово «Ботодом» над дверью частично затянули цветы, и казалось, что там написано Бо д… Все здание было покрыто зеленой сетью цветов. Эфирное перо взлетело с крыши, и я почувствовала Тень Белинды, борющейся с соблазном.

Время стремилось к законченной системе, и утренний воздух был наполнен желтой жарой, пыльцой и соплями.

Я вжала палец в интерком на двери. Металлический собачий голос ответил:

– Кто здесь?

– Полиция, – сказала я. – Открывай давай.

Главный вход раскрыл обе двери, как неторопливый любовник. Невольный вдох – и я иду сквозь зону гостиной Ботодома. Меня тащит вперед злость, чувствующая Тень Белинды внизу, под полом. Там не все в порядке. Портье оказался лысеющим робопсом, затянутым в респиратор; он съежился за стойкой, вцепившись в копию «Дайджеста обнаженных сук».

– Чего надо? – прорычал пес.

– Ключ от подвала, пожалуйста, – ответила я, сверкнув значком.

– Подвала нет.

Я ткнула пистолет в рожу пса:

– Может, тогда выроем его вместе, сявка?

Пес-портье высунул длинный розовый язык из пасти, пытаясь глотнуть свежего воздуха. Оглянулся на дверь за лестницей. Левой лапой снял ключ со щитка за его спиной.

– То, что просила, – прорычал он.

Стоило отвести пистолет, как он выбежал за дверь на всех четырех. Когда я вставляла ключ в дверь под лестницей, я все еще чувствовала его зловонное дыхание, принесенное пушистым ветром. Я шла на запах Белинды.

Снизу послышался голос, мягкий и потный:

– Кто там в дверях?

– Никого, – крикнула я. – Просто твой оживший кошмар.

– Да ну! А конкретнее?

– Теневой коп Сивилла Джонс.

– Черт!

– Ну что, ништяк?

– Бля!

Внизу возникла паника.

Я иду по темным ступеням, две за раз, три за раз.

Радиоволны…

Цвета в черном воздухе, как отправленные сообщения. Лихорадочные запахи бьют в нос. Царапанье и дыхание. Отблески голубых огней передатчиков. Радужные красные перья летят по волнам паники. Темные ароматы. Сладость. Сладость и страх. Я растворялась в этих цветах. Провода и искры. Ритмы шестидесятых из радио. Мой взгляд проникает во тьму – и хиппи Гамбо собственной персоной встает с перьев.

– Ты арестован, Гамбо, – говорю я.

– Ну надо же! – отвечает он. – Ты в одиночестве, коп-леди.

– Где Белинда?

– Бог ее знает.

Он шагает ко мне, и его длинные, грязные волосы мотаются из стороны в сторону.

– Какая теперь разница? Ты что, не понимаешь, этот ебнутый мир уже разрушен. Что вы, копы, теперь будете делать? Арестовывать сны? – Гамбо засмеялся. – Реальности пиздец.

– Сейчас мне плевать на мир. Мне нужна моя дочь.

– Я ее тебе не отдам.

– В чем дело, Гамбо? Если действительно все кончено, против чего ты сейчас борешься?

– Я любовник, а не борец, а новому миру все равно понадобится говноискатель.

– Я все еще коп, а ты все еще нарушаешь законы радиовещания.

– Я заберу тебя в статику.

У него в руках электронный нож, подключенный к оборудованию. На лезвии дрожит огонь. Я приставила пистолет к его голове, но пират даже не шелохнулся. Через Тень меня звала Белинда, и я попыталась послать ответный сигнал. Гамбо выбросил вперед руку.

Живот обожгло болью.

Я махнула пистолетом, мелькнув им мимо головы хиппи. В результате в ране слегка повернулось лезвие; я чувствовала перьевые волны, вторгавшиеся в меня из него. Ощущение, словно с тобой кто-то говорит, глубоко внутри. Как будто меня наполняют перьевые голоса. Лезвие хаоса. Я выстрелила в сердце

оборудования Гамбо, и тогда боль уменьшилась. Гамбо побежал к своим схемам, вопя на гаснущие лампы. Он начал щелкать переключателями как безумный, а перья под его прикосновениями становились кремовыми. Гамбо кричал на умирающих волнах, рассказывая миру, что он еще борется, еще хочет рассказать все людям снов.

– Гамбо вызывает мир! У меня на хвосте копы! Не верьте их лжи. Мы еще можем найти друг друга на карте. Старый добрый хиппи будет верить в вас…

Я защелкнула на Гамбо наручники и приковала его к стальной скобе в полу. Потом я шла по подземным коридорам и зажимала рану в животе, преследуя Тень моей дочери, а сияние воды отражалось от мраморных стен.

Я шла по лабиринту из камня, пока передо мной не появилась запертая дверь. Почувствовала за ней Тень Белинды, пульсирующую болью, а потом Тень чужака – блестяще-красную, расцвеченную злостью и страхом. Мужская дымка. И намерение: грозная потребность убить. А потом имя этой Тени: Крекер. Я вытащила тюбик дверного ваза, выдавила немного в замок, а потом сунула туда копключ. Замок чуть-чуть скользнул, механизм недовольно скрипнул. Еще немного ваза, этого скользкого освободителя, – и один точный удар. Дверь с треском открылась.

Ступени вниз. Кричу:

– Полиция! Без глупостей!

Тени любовной схватки. Мех. Крики. Прошу… Мат. Боже! Неожиданный укол в Тени Крекера, когда он достиг кульминации. Мои ноги сами нашли дорогу.

Картина, в которую я спустилась: моя дочь делает хороший глоток вина, ее обнаженное тело плавает в толще мерцающей воды, шеф полиции тюленем идет к ней, держа пистолет в вытянутой руке. Тени танцуют от страха и наслаждения. На секунду я погружаюсь в кайф моей дочери, и тут меня накрывает боль. Не представляю, что делать, кроме как кричать: «Стоять!» Больше всего я похожа на копов из мыльных опер. Очень действенно. Крекер медленно пробирается по воде к Белинде. С его тощего тела льются тени. Пистолет собирается проделать огромную дыру…

Я это сделала. Справилась с работой. Моей единственной коповской работой. Выстрелила в шефа.

В последний момент, сбивая прицел, вмешались правила. Рука Крекера с пистолетом на мгновение стала крылом, а потом, когда он погрузился в воду, распалась, разбрызгивая кровь. Голова моей дочери исчезла под водой. Стакан покачался на поверхности, черпнул воды и медленно отправился за ней. Я

прыгнула в бассейн, чтобы прижать тело Белинды к себе, вытащить наверх ее тело, покрытое картой…

– Белинда…

В ответ – тишина. Ее глаза светятся наслаждением, она сейчас далеко отсюда. Крекер у бортика жалко повизгивает, гонит ногами волну, а рука окрашивает воду красным.

Я резко поворачиваюсь к нему.

– Заткнись на хуй! – кричу я. – Ты арестован, Крекер!

Крекер панически закатывает глаза, его Тень скачет от огня. Он не может прекратить дергаться, пускать по воде красные волны. Он еле двигает обмякшими губами…

– Это был «бумер», – выдыхает он. – «Бумер». Она приняла «бумер». Слишком много «бумера». Я пытался…

– Это правда?

Я повернулась к Белинде, протянула руку к тонущему стакану.

– Я пытался остановить ее, – сказал Крекер. – Вот и все. Извини, Джонс. Мне очень жаль. Меня заставил Колумб. Он шантажировал меня… мои преступления… куча преступлений… что мне было делать?

Все течет спокойно и медленно, как плохие воспоминания о только что случившемся. Борьба за жизнь. Поражение.

Поражение…

Я держу в руках дочь, прижимаю ее к себе, хочу вдохнуть жизнь в ее спокойную плоть. Ее глаза на секунду вспыхивают, а потом закрываются. И ее Тень уплывает прочь, в окрашенную кровью воду. Я легко подняла ее, совсем как в детстве, когда она падала в садике около дома. Крекер вырывается на поверхность, баюкает разбитую руку здоровой, кричит мне:

– А как же я?! Как же я?!

Я вынесла Белинду из подвала, прочь от грустного шума, прочь со склада. Ее тело… дыхание призрака. Жизнь моей дочери вытекает медленными волнами.

Длинные ноги Койота несут его вприпрыжку по Принцесс-роуд к центру Манчестера. Он больше не страдает от аллергии. Пока он бежит, карта постоянно меняется, но это не пугает его цветочную душу. Он сам чувствует себя дорогой, частью этого нового мира. Койот стал цветком; дорога раскрывается перед ним распустившимся бутоном. Это путешествие, о котором он всегда мечтал. Но для полного счастья не хватает еще чего-то – машины. Запах цветения из Плат Филдз-парка заставляет задние стебли Койота вцепиться в тротуар. Перед ним прорастают цветы. Койот идет сквозь их ароматы, добавляя их ртам собственное сладкое послание. Только тогда он осознает. «Можно совсем по-другому: я

могу свободно перемещаться. Цветок во мне еще растет, еще учится. Это несложно. Никто не должен меня видеть. Я могу просто… знать… просто расти…»

И тогда Койот просто разворачивает себя в новую цветочную карту Манчестера, перемещая свои узоры от стебля к стеблю. Он погружается в растительную жизнь, снова и снова наблюдая, как сменяются сезоны в растениях, встреченных на пути. Это крутейший маршрут в его жизни. Койот – Цветочный пес вызывает себя из лепестков, и листьев, и шипов, изменяя всякую зелень в черно-белое растение. Зерно сэра Малыша Джона все еще растет в недрах его тела, купается в соке; он чувствует его там. И весь длинный и растущий путь человек, спрятанный в корнях, пытается направить Койота в другую сторону. Койот не обращает на него внимания, по крайней мере пытается: на самом деле все, что он может сделать, – загнать человека в самый дальний стебель.

Город открывается узорам Койота.

Как же он изменился! Койот помнит город как темное место влажных желаний – теперь мир стал растительным и тугим. По зеленым венам Манчестера Койот может путешествовать куда угодно. Цветы волнами ниспадают с каждого здания, побеги увивают фонарные столбы. Розовый дождь цветов падает на площадь Альберта, ярко подсвеченный лазерами с крыши ратуши. Город опустел, как в карантине. На улицах остались полицейские машины, но они двигаются, как заблудшие души, прорывают утро воплями, вышивают шумовой узор своими сиренами. Видит он и несколько икс-кебов: только эти машины делают какие-то успехи. Койот выцветает свою форму из кустика, растущего на краю сквера. Затем он проталкивает себя по лишайнику, захватившему тротуар, по мху, поросшему на стенах, через пыльцу, несомую ветром по воздуху Манчестера. Всеми этими путями он движется во двор отделения полиции на Боттл-стрит, где, как древние чудовища, за проволочной решеткой стоят конфискованные машины.

Здесь Койот находит свою первую любовь. Свой Ян.

Черное такси.

Возвращается всё: и откуда он появился, и куда ему двигаться дальше.

В окне отделения Койот видит свет, за столом сидит одинокий коп. Он протягивает свою сущность через соки ивы, которая нависает над закрытыми воротами, в загон для машин, капает на бетон, превращает стебли в сильные, быстрые ноги, которые несут его к отделению. Теперь он знает, что усилием воли может менять свою внешность, может лепить маску из

цветов. Он знает, что должен выглядеть как коп. Койот выдвигает глаз на зеленом стебле, чтобы заглянуть в окно. С этой позиции он несколько секунд наблюдает за копом и осознает, кем ему надо стать. Он стучит в стекло побегом своего тела. Коп поднимает глаза от книги. В ноздрях у него затычки, рядом на столе респиратор. За две секунды лицо Койота перерастает в новую форму. Потом он пускает одну из ветвей, чтобы постучать ею в дверь отделения, имитируя звук неотложного вызова. Коп со вздохом откладывает книгу, встает из-за стола, идет к двери, открывает.

– Тебе чего? – спрашивает он копа, стоящего в тени дверного проема. – Нужна машина? На фига? Кто-то выплатил штраф?

Коп в дверях не отвечает. Его лицо в тени.

– Забей, приятель. Тут по всему городу проблемы, а я в середине любовной сцены.

Фигура в дверях выходит к свету, открывает свое лицо.

– Боже всемогущий! – восклицает коп. – Нет, нет! Боже, нет!

Потом он падает и, не сумев перевести дыхание, замолкает. Он дотягивается до пистолета в кобуре…

Койот входит внутрь отделения.

Копу кажется, что он проваливается в дурное зеркало. Он кричит, пистолет выпадает из пальцев, скользкий от внезапно выступившего пота.

– Кто ты? – умудряется он спросить. Койот отвечает:

– Я – это ты, конечно.

Койот превратил лепестки в идеальную копию лица копа.

Коп не может поднять взгляд.

– Блядь! – Вот его единственный ответ. – Сгинь, уйди отсюда!

Падает назад…

Койот выстреливает ветвеобразную руку, несколько раз бьет копа в лицо, пока тот не падает на пол без сознания. Таксоцветочный пес сбрасывает форму копа. Теперь он просто перетекает, растет. Веточки его лап дотягиваются туда, где на гвозде висит связка ключей. Они-то ему и нужны. Он бодро выходит из ворот, пробует все ключи, пока не находит нужный. Вырывает проволочные ворота из тугих объятий замка. Потом движется туда, где его ждет черное такси.

Черное такси!

Он метет своими листьями по виниловому рисунку, создавая касаниями мягкую музыку. Это кажется прелюдией. А потом Койот преобразует веточку во впечатанную в память форму ключа, поворачивает замок, открывает дверь, проскальзывает внутрь.

Он дома.

Формирует веточку в точную копию ключа зажигания, выжимает сцепление, включает двигатель. Он полон сока. Бензина. Машина пенится жизнью. Он выстреливает ею – и город взвивается водоворотом цветов. Койот воет, превращает дорогу в жидкость, так, чтобы он мог проскользнуть по ее горлу. К Боде, где бы она ни была. Его последний известный шанс на любовь. Его инь. Он найдет ее, даже если это займет остаток его жизни, его второй жизни.

Сделай все как следует, такси-цветок.

Я прижимала к себе Белинду так крепко, как будто могла втиснуть ее в новую жизнь. Я несла ее из темноты на свет, а жидкий дым капал вниз, утекал сквозь пальцы. Больничная пустота. Манчестерская королевская больница. Добраться туда сквозь разбитые машины и перекрученные улицы было кошмаром. Только то, что моя Тень вцепилась в эту историю, позволило мне добраться так далеко. Кто-то в белом забрал у меня мою дочь. Моего второго ребенка… может, мое проклятие висит и над моей блудной дочерью? Может, я обречена быть матерью смерти? Снова потерять дочь – я пыталась не допускать этой мысли. В животе пульсирует боль. Я смотрела на Белинду, пока та не исчезла в белом коридоре, потом упала на больничный пол. Лентами дыма накатила тьма…

Проснулась. Другая комната, другой мир…

Белинда. Кровать. Приборы. Но от нее осталось так мало. Так мало…

Доктор искал глубоко внутри ее плоти сигналы – какой-нибудь маленький спрятавшийся кусочек жизни. Он уже зашил рану в моем желудке, сделанную Гамбо Йо-Йо. В любом случае это была поверхностная рана. В том смысле, что сейчас все было не важно, кроме жизни моей дочери.

Нечего ни сказать, ни сделать – только обнять раскрытое тело дочери так крепко, чтобы выдавить из плоти подобие дыхания. Только видимость. Белинда умирала: я перестала чувствовать ее Тень. Все пошло прахом: я, мир, мое дело. Приборы излучали грустную медленную волну.

Мой ребенок…

Стягиваю простыни с ее комы…

– Помогите ей! Помогите ей, доктор!

– Делаем, что можем, констебль Джонс, – слышится спокойный голос врача.

Я сорвала простыни с постели моей дочери… Обняла ее.

Обняла ее до смерти.

Дочь… дочь…

– Спасите ее. – Я повернула лицо к доктору, который

углубился в возню с приборами. – Спасите ее, пожалуйста!

– Констебль Джонс… Трясу ее. Трясу Белинду.

– Я убила ее. Это я виновата. Я неверно прочла Тень! Это… Боже… Никогда так не бывало… Прошу! Спасите ее, пожалуйста!

Доктор казался бесстрастным.

Трясу и проклинаю.

Ответа нет. Держусь за Белинду. Держусь за воздух. Приборы стучат в тишине. Моя дочь умирает…

– Ее больше нет с нами, – говорит доктор.

«Прошу, нет…»

Я ушла глубоко. Глубже не бывает.

Плыву…

«Белинда… Белинда… Белинда…»

Моя Тень ворвалась в тело Белинды в поисках корня. Я шла по мертвым районам города. Ее лишенное карты тело. Покинутое Тенью. Я увидела клубок «бумер»-змей, свернувшихся вокруг ее сердца.

«Белинда… Белинда…»

Этот момент… самый плохой во всей истории…

«Не отдам!»

Я послала в нее собственную Тень – загоняя ту глубоко в вены, в сердце, в мозг, в кожу. Во всю Белинду.

«Ну же! Давай! Хоть раз выдави из себя каплю любви…»

Крошечное движение… ее шея…

«Прошу…»

Я текла сквозь слои мускулов, надеясь найти последний сохранившийся след дыма. Но встречала только мертвую плоть, остановившееся сердце, сжавшийся мозг. Сознание Белинды уступило место призраку. Никакой надежды. Никакой надежды…

Я вогнала себя еще глубже в нее, отдала ей свою Тень, разрубив последний узел своей любовью. Моя Тень покинула меня, оставив лишь дыру внутри.

«Это тебе, неблагодарная девчонка! Охуительного тебе дня рождения!»

Белинда вдохнула…

Тенепад.

В тот день моя девочка умерла на моих руках.

А потом снова начала дышать. Это было тихое дыхание, но самое лучшее, какое я слышала. Она снова начала дышать.

«Белинда, прими этот дар твоей душе. Прошу, живи! Пожалуйста, живи, мой тупой замученный воин!»

Ее глаза открылись. Я чувствовала, как их открывают изнутри. Во мне больше ничего не дымилось, я отдала всё – но Белинда открыла глаза. Оно того стоило. Я знала, что оно того

стоило.

Мое тело иссыхало, лишившись Тени; я чувствовала себя, как опустевшее мясо. Новорожденная Белинда оттолкнулась от меня.

– Мама! – закричала она.

Это было мое имя. Ее имя.

Моя Тень ушла в ее тело взамен той, что она потеряла. Я стала собственной дочерью, призраком поселившись в ее коже. Белинда не знала, с кем говорить: с собой или с матерью. Мы стали единым целым, слова были излишни.

В реальном мире Белинда вышла из комы, вскрикнула один раз, назвала мое имя, а потом вновь с глухим стуком упала на кровать.

Реальный мир? Что это теперь? Мое холодное тело, сидящее в твердом пластиковом кресле? Какая-то манчестерская больница? Моя дочь, борющаяся за вторую жизнь? Это Реал? Я слишком далеко зашла, чтобы обращать на него внимание. Я смотрю вокруг опаленными глазами, болит живот, мозг регистрирует реакцию пациента на последствия того, что телесную систему заставили ожить. Мое собственное тело стало бесчувственным и ритуализированным, испытывало острую нехватку эмоциональных реакций на внешние ощущения. Доктор ушел из палаты, уверенный, что дело безнадежно. Может, так оно и было. Я действительно текла тонкой дымкой сквозь согретые внутренности моей дочери.

– Во бля, – сказала Белинда, прямо сквозь плоть. – Ты внутри меня.

«Я в тебе, дочь».

Ее воспоминания заполняют мою Тень; я принимаю их как свои собственные. Ее самоубийство… Боже, мне стало дурно. Как ей вообще могло прийти в голову забрать собственную жизнь? Мои гены ее настолько не устраивали? Я была такой плохой матерью?

– Что ты делаешь? – закричала Белинда, пытаясь вытолкнуть меня прочь из своего тела.

«Спасаю тебе жизнь, тупая сука. Что за дела с передозом „бумера“? Ты что, хочешь на тот свет?»

– Съебни из моего тела.

«Мы теперь навсегда вместе. Больше никаких секретов…»

– Зачем ты это сделала?

Я чувствовала, как тело дочери пытается отторгнуть меня спазмами мускулов. Но я крепко вцепилась. Вцепилась в…

«Любовь? Может, любовь. Не знаю. Пойдет такой ответ?»

Тело Белинды вокруг моей Тени словно покрылось инеем.

– Не хочу, – сказала она. – Не нужна мне любовь.

«Думаешь, есть выбор?»

Я смотрела на мир глазами моей дочери. Видела маленькую больничную палату. Одинокая женщина сидит за кроватью собственной дочери, и взгляд ее исполнен ужасной пустоты. Белинда через Тень рассказала мне все – о своей потерянной любви к таксопсу и обо всех своих обреченных попытках, о том, как она потеряла свой икс-кеб Фаэтон. И что на нее свалилось слишком много, жизнь стала слишком горька. В ответ я отдала ей все свои секреты, как я делала все, что могла, чтобы вернуть ее. Между нами больше нет секретов. Ну, остался один.

«Я совсем не рада тому, что потеряла тебя, знаешь?» – говорю я ей.

– Надо думать. Зато я рада, что потеряла тебя.

«Почему ты так со мной поступаешь?»

– А почему бы и нет?

Она пожала плечами. Я почувствовала изнутри, как она пожимает плечами.

«Ты была бы мертва, если бы меня тут не было».

– Я и хотела умереть, – ответила Белинда, спокойная, как смерть. – Я и так мертва. Думаешь, это жизнь?

«Господи!»

– Что ты будешь теперь делать, Сивилла? Теневой коп без Тени совершенно бесполезен. Похоже, тебе хана.

«Я спасла тебе жизнь…»

– Спасибо, блядь, большое, паразит.

«Может, назовем это симбиозом?»

– Иди на хуй.

– «Может, хватит материться?»

– Ох, Сивилла, мамочка ты моя. Уверена, ты можешь остановить меня. Ты же теперь – моя душа? Думаешь, я хочу жить с чужой душой? Даже с душой собственной матери?

«Я отдала тебе всё».

– У тебя остался один секрет.

«Мне кажется, не стоит».

– Ты что-то от меня еще скрываешь.

«Не хочу делать тебе больно».

– Хуже, чем есть, все равно не будет. Давай, рассказывай.

«Сейчас не время».

– Помоги мне, пожалуйста, мама.

Я не могла противиться такой просьбе. Черный занавес задрожал.

Если до сих пор я скрывала от Белинды Сапфира и его историю, так зачем же было отдавать ее во власть этой боли сейчас? Она ничего не знала о старшем брате. И это открытие

несло ей только боль. Может, моя дочь хотела боли? Она отдала моей Тени свои чувства: там был намек на любовь, как будто мы стали единым целым и Белинда была готова принять всё. Белинда была как такси, которое умерло бы без последнего пассажира.

И я рассеяла щит. Секунду мысли вяло текли, а потом вспыхнули знанием.

Наши чувства слились.

Сапфир в футляре, Белинда.

Мозг Белинды ухватился за историю.

– Расскажи мне о Сапфире.

«Сапфир – так зовут моего сына. Это самое светлое имя, какое я смогла для него найти».

– Я – твой единственный ребенок.

«Не совсем. Есть еще один».

– Что?

«Его зовут Сапфир. Он на год старше тебя. Он от случайного любовника».

– Почему ты скрывала это от меня?

«Мне было стыдно. Отец Сапфира был матросом на Нью-Манчестерском судоходном канале. Ему достались не те волны реки и не те волны меня. Моего тела. Я была для него портом. Моряк был моим первым любовником. Я не знала, как реагировать, кроме как забеременеть. Мой живот обманул мою Тень».

– На что ребенок!.. На что он был похож?

«Отвратительный. Монстр, полумертвая тварь».

– Зомби?

«Да. Назовем это так. Но он мог видеть сны! Как я могла отказаться от такого ребенка? Я поселила его в твоей старой спальне».

– А власти разве его не выгнали?

«Было дело. Но он вернулся ко мне. Он прелестный, очень нежный. Он поймал попутку. Снова нашел меня».

– Ненавижу тебя.

«Сапфир – красавец, по крайней мере в моих глазах, и я его очень люблю. Он чуть меньше метра ростом».

– Боже! Противно.

«Полметра в ширину. Взрослый».

– Пиздец.

«Он плоть от плоти моей, Белинда. Он мой. Никто не заберет его у меня. Сейчас он умирает… от аллергии. Если со мной что-нибудь случится… присмотри за Сапфиром. Он твой брат. Ты это понимаешь?»

– Что будешь делать, Сивилла? Теперь, когда ты осталась без

Тени?

«Моя Тень стала твоей, любимая».

– Бля!

«Белинда! Прекрати материться! Прошу… извини, просто…»

– Ладно. Ты все-таки моя мать.

«Да. Господи, как же давно это было…»

– Оставь меня одну.

«Не в этой жизни, дитя мое».

Множество дорог, которыми мы прошли, чтобы попасть в этот миг: я, разделенная надвое: одна часть – в Белинде, в ее мертвом теле, оживленном моей Тенью, другая – в опустошенном мешке мяса. И как на аукционе, тело уходит по высшей ставке. Поэтому я знаю всю историю моего ребенка – я захватила ее воспоминания. Присвоила их.

И так я покинула тело моей дочери, оставив ей свой шепот, источник ее жизни. Это была не жизнь после смерти – это была просто смерть, уцепившаяся за жизнь. Разве это преступление? Мое другое «я», мое подсознание, склонилось над телом Белинды, наблюдая, как к ней возвращается дыхание. Я позвала доктора. Он смотрел так, словно увидел на своих приборах Бога – с экранов текли волны света. Прямо за ним стоял Томми.

– Сивилла, ты в порядке? – спросил он.

– Томми, ты добрался через карту!

Я была рада его видеть, но меня угнетали более важные заботы.

– Я взял такси. Они еще ездят по городу. Но драйверы сильно злятся, Сивилла. Меня привез сюда Роберман. Он хотел…

– Томми, я занята.

Я протолкнулась мимо него к двери.

– Сивилла, я волновался. Они сказали, что Белинда умерла.

Пусть поудивляются.

Я не гордилась тем, что сделала. Не была счастлива, ничего такого. Я умерла. Сделала то, что хотела сделать Белинда. Убила себя. Более или менее. Какая разница? Промежуток между секундами? Моя Тень ушла от меня. Чем я стала? Вакуум внутри мешка сухой кожи. Я не чувствовала ничего хорошего, только нежную ласку моей Тени, хранящей жизнь Белинды.

Я двигалась как холодная робоженщина. Мое тело плыло по коридорам больницы: пассажир любого сна, который меня захватит. Томми Голубь пошел за мной в палату Зеро. Его спящее тело было закрыто в аппарате, машина поддерживала в нем жизнь. Я уже знала это чувство. Коснулась его лба призрачной рукой, шепнула, что буду любить его вечно.

– Роберман отвез меня во Дворец Гамбо, – сказал Томми. –

Мы нашли его и Крекера. Они оба арестованы. Хочешь повидаться с боссом?

Спокойное путешествие в палату Крекера. Шеф лежал, перевязанный и накачанный транками. Я приветственно плюнула в его мучнисто-белое лицо.

– Крекер выдал все, – продолжил Том. – Он заключил неудачную сделку с Джоном Берликорном через Колумба. У босса была тайна – история преступления. Колумб знал об этом. В обмен на молчание Крекер согласился приютить жену Берликорна. Ее зовут Персефона, так? Она – причина аллергии. Крекер посадил ее в коп-фургон в Александра-парк после того, как она убила Койота. Угадай, где поселил ее Крекер? Очуметь, в отделении полиции! Цветочная девочка живет в морге, шкафчик 257. Очевидно, она привезла с собой чемодан земли из райского пера. Крекер считает, что она не может жить без этой земли, по крайней мере долго, так что в их плане есть слабое место.

Мне нужно было на воздух. Пока я плелась наружу, Томми Голубь шел сзади меня и спрашивал, все ли со мной в порядке. Я не отвечала. Села в «Комету».

– Я уже сообщил в отделение, Сивилла, – сказал Том, опускаясь на пассажирское сиденье. – Может, уже поздно.

Боже, всегда уже поздно! Но когда мы ехали по Оксфорд-роуд, нас обогнало черное такси. За рулем я заметила черно-белого пятнистого пса-драйвера. Я увидела призрака. Том возился со своим пистолетом, так что он упустил это видение. Я ничего ему не сказала, но внутри начала отслеживать отсветы плана. Я ехала на автопилоте, руки лежали на руле, как перчатки, пока моя настоящая сущность, моя Тень, отдыхала в Белинде, совсем как та отдыхала в постели. Но с появлением Койота у меня появились цели и желания. Если я смогу поместить все детали головоломки в нужные места, то, возможно, у нас есть реальный шанс нанести ответный удар Вирту. Я смогу сохранить жизнь Сапфиру.

Снаряженные по уши копы сбились в кучу около двери морга и отчаянно принимали мужественные позы, но я видела над противогазами нахмуренные брови и нервный пот. Коридор ощетинился страхом. Новая карта довела их всех до ручки. Все время поступали донесения об автокатастрофах. Десятки людей, по нашей информации, жертвы аварий, уже погибли. Икс-кебы еще ездили, но путешествовать никто больше не хотел. Колумб на кеб-волне не отвечал. Копы не знали, что им делать, кое-кто уже снял значок. Томми Голубь взял на себя руководство, и я была этому рада: мое тело было слишком пустым для физической драки. Томми отрегулировал ремни респиратора, а потом выбил

кодовый замок на двери морга. Голубь зашел в комнату, затем я, а следом и остальные копы. Комната была наполнена пыльцой, шарообразными организмами, которые плавали везде, как будто захватили воздух. По стенам ползли влажные побеги. С потолка капала вода. Голубь подошел к шкафу 257. Около его дверцы витал запах плодородия.

– Это замок Крекера, Томми, – сказала я. – Нам нужен код.

– Расслабься, Джонс. Сейчас все будет.

– Какая-то виртовая фишка?

– Еще проще. Я выпытал его у Крекера. Томми Голубь улыбнулся мне, а потом набрал код.

Отступил назад.

Две секунды…

Ящик с нежным вздохом выскользнул наружу, и из его утробы полилось зловоние Эдема, мертвого и разложившегося. Плотские копы отскочили от этого смрада. Том снял пистолет с предохранителя и двинулся к ящику.

– Осторожно, Том, – сказала я.

– Да ладно тебе, Си, – ответил он. – Я же Томми Голубь. Лучший виртконоп в городе. Ребята, прикроете?

Ряд респираторов согласно кивнул. Зажав пистолет в обеих руках, Томми Голубь вглядывается в крышку ящика.

Потом раздается крик.

«Том! Назад!»

Раздался крик, словно один за другим обрывают все цветы мира, – и длинный, толстый растительный побег поднялся из ящика, на мгновение переплелся в пространстве, а потом воткнул заостренный шип в левый глаз Томми.

Я выпустила в толстый стебель шесть пуль, другие копы тоже стреляли. Комната наполнилась дымом и вонью пороха. Стебель разлетелся в щепки, и, когда замолчали пистолеты, сквозь тугую тишину поплыли тысячи черных лепестков. Конфетти на похоронах. Томми Голубь лежал на полу с окровавленным лицом. Сзади закричал коп. Другой уже звонил доктору. Я опустилась на колени рядом с Томми и осторожно взяла его голову в руки.

– Томми… я здесь… скажи что-нибудь…

Он пробормотал что-то в ответ.

– Что? Том? Что ты сказал?

– Роберман…

– Что?

– Роберман… иксер… хочет помочь нам найти Колумба… карта…

– Томми, доктор уже едет.

– Найди Колумба… убей его… сверни карту…

– Я пойду дальше, Томми. До самых истоков.

– Твоя дочь…

– С Белиндой все нормально, Томми. Все нормально. Мы теперь вместе. Мы – именно то, чего боится Берликорн. Помнишь?

– Ради меня… постарайся…

С этими словами он закрыл глаза. Его тело в моих руках внезапно потяжелело.

– С тобой было хорошо работать, Томми Голубь. Я встала. Появился доктор, опоздавший на две секунды. Я подошла к ящику. В земле виднелась вмятина в форме девочки. Плотские копы бессмысленно бродили вокруг, потрясенные и испуганные. Один из них сблевал. Другой спросил, мертва ли цветочная девочка. Я чуть ли не ткнула его носом в ящик.

– Я хочу, чтобы эту землю залили охуительно мощной химией. Ебаным гербицидом! – Он взвизгнул. – Ты все понял? – Он повизжал еще.

Наружу.

Старый верный «Форд комета» ждал моей ласки. Начался дождь, на окна машины падали мягкие капли воды. Я запустила двигатель. Наверное, Персефона смотрела и смеялась с высоты цветочных лоз, когда ее семя рассыпалось по дорогам. А я положила этому смеху конец. Пока моя Тень вела меня через карту, передо мной умирал долгий поток светлых красок. Прошла секунда – и я остановилась около отеля под названием «Олимпия» в центре Манчестера. Отель был двадцать семь этажей в высоту. Я въехала в комнату двадцать один, зарегистрировалась как Джейн Смит. Заказала бутылку джина «Бомбейский рубин». И пятидозовую бутылку легального «бумера». Сказала клерку, что это не все мне, не беспокойся, я жду гостей. Угрюмая робосука принесла мне заказ. Вместо чаевых я отдала ей пистолет. Его сила и его присутствие меня тяготили. Стрелять из него мне уже не светило.

– Иди убей кого-нибудь плохого, – сказала я горничной.

Она вышла со злой улыбкой. Оставшись одна, я выпила три дозы чистого «Бомбея» из отельного бокала. Потом открыла окно, чтобы посмотреть на город. На мой умирающий город. Манчестер. Миллионы цветов, сад на небесах. Жирный желтый туман тек по воздуху.

Я легла на грязную постель и провалилась в глубокий сон. Для битвы мне понадобятся все силы.

Сон без снов.

Когда я проснулась, на отельных часах голубело 11:09 вечера. Я закончила все, что могла закончить на земле. Моя жизнь теперь

принадлежала Белинде. Она присмотрит за Сапфиром. Я плеснула в стакан джина, а потом добавила туда пять доз «бумера», нащупав в отдаленном сознании Белинды ее поэму: «Одна доза – для оттяга, две дозы – для сорванной крыши. Три – для чистой и сексуальной смерти». Пять – полный пиздец.

Я выпила «бомбей-бумерный» коктейль одним махом.

Неожиданный удар в голову – и чувства уступают место прикосновениям блаженства. Меня мощно вставило. Влагалище потекло. Вот это точно было бог знает когда. «Во что ты играешь, милашка, зачем повторяешь свою дочь? У тебя нет собственного выхода? Тебе не стыдно?»

«Бумер» ласково тянул меня вниз.

«Наверное, ты права».

Вышагиваю, как танцор, через открытое окно на край сна. Но стоило мне заглянуть в бездну, как проснулось странное, дурное чувство, едва преодолимое – желание прыгнуть. Манчестер возбуждал мою душу. Я оттолкнулась.

На стенах, мимо которых я летела сквозь ночной воздух, распустились цветы. Пятна красок. Путешествие было наполнено пыльцой, я ощущала, как пыльца борется с гравитацией. Это было длинное и медленное падение в золотистость. Тротуар приближался, чтобы поздороваться со мной, печальным и сладким отельным бокалом.

Падаю дальше и дальше, как гнилой плод с ветки. Тротуар выстелен мягкими цветами. Слава богу, он недостаточно мягкий.

Смерть приветствует меня.

Это история, рассказанная мертвой женщиной. Не жизнь после смерти – просто смерть, уцепившаяся за жизнь. Так я пробудилась от физической смерти, в теле Белинды. Белинда проснулась вместе со мной. Я чувствовала ее пальцы, вцепившиеся в жаркие влажные простыни. Ее голос кричал в мою Тень:

– Что ты делаешь?

Седьмое мая плавно переползало в восьмое.

«Тсс. Тсс. Тише, дитя мое…»

– Куда ты дела свое тело?

«Его забрал „бумер“».

– Бля! Зачем?

«Для тебя это годилось…»

– То было сто лет назад. Тогда я была слабая.

«Теперь ты сильная. Я внутри тебя».

– Я тебе не рада. Говорила же…

«Твое право выбора умерло. Теперь я твоя мать».

– Иди на хуй.

«У нас еще есть дело, Белинда. Нам придется драться с Джоном Берликорном. Только мы можем это сделать. Не спрашивай как, я сама не знаю пока. Я только знаю, что нам надо быть вместе. Что скажешь?»

– Я не хочу быть с тобой вместе! – кричит Белинда. Ночная сестра заходит в комнату, думаю, она хочет спросить, что случилось. Вместо этого она говорит, что за Белиндой Джонс приехало такси и ждет внизу на стоянке. Белинда посмотрела на меня, я на нее. Словно зеркало смотрится в зеркало – озадаченный взгляд бесконечности.

– Может, это Роберман? – спросила меня Белинда.

«Может, он».

Но я знала, что это не он.

Естественно, сестра не слышала наших дымных разговоров. Она не могла увидеть мою жизнь внутри пациента.

– Он не представился? – спросила Белинда сестру. Та ответила, что нет, не представился, только заявил, что Белинда должна тащить свою задницу в такси или ее отшлепает толстая пушистая лапа.

– Точно Роберман, – сказала Белинда.

– Естественно, вы можете уйти, – добавила сестра. – Только подпишите бумаги. Приборы говорят, с вами все отлично.

Моя работа, есть чем гордиться.

– Пошли! – заявила Белинда сестре. Мы отправились на первый этаж, где дочь подписала все, что надо, и мы вышли в насыщенный пыльцой воздух. Было видно, как летают гранулы, ищут в наших ноздрях удовольствия, но находят только холодную могилу.

– Нет здесь никакого икс-кеба, – сказала дочь мне, но я просто позволила ее глазам сместиться чуть влево, туда, где в тени вяза ждал темный силуэт. Сквозь нашу общую Тень потекли волны недоверия. Под деревом стояло старомодное черное такси. Из окна махала черно-белая лапа. Я почувствовала, как Белинда глубоко вздохнула.

– Мама, это Койот! Как это? Он же мертв!

«Вообще-то я тоже».

– Ты знала? Знала, что он вернется за мной?

«Я на это надеялась».

Койот уже выбрался из черного такси. Он улыбался. Светло и лучезарно.

«Ты как, собираешься его поцеловать, Белинда? Он ждет».

Белинда подбежала к черному такси, и Койот закружил ее в танце радости. Белинда назвала его сукиным сыном. Койот назвал ее плохим игроком на сердцах собакомужчин, и оба они

засмеялись. У меня не было выбора, кроме как присоединить свою Тень к их судорогам. Они поцеловались. Я чувствовала поцелуй изнутри. Он длился полторы минуты.

– Койот! Черт! – закричала Белинда. – Как ты умудрился вернуться?

– Как Лесси, Бода, знаешь такую? – сказал таксопес.

– Меня теперь зовут Белинда. Кто эта Лесси?

– Ты не была в Вирте Лесси? Ну конечно. Лесси – милая виртопесья героиня, собака, раскрывающая преступления. Время шло. Настоящая звезда умерла. И ее заменили. Без проблем. Они сделали виртоклона. Волшебного. Я такой же. То, что ты видишь, Белинда… Койот Два. Сиквел. Я правильно назвал имя? Белинда? Похоже, ты изменилась. Койот остался прежним. Теперь он растительный пес. Прикинь, я могу расти, во как!

– Ты стал отлично говорить, Кой.

– Надо думать. Я красноречивое растение. Хочешь куда-нибудь поехать?

– Да, пожалуйста, – ответила Белинда.

– В Боттлтаун, навестить мое семя.

– Карлетту? Легко, но потом я хочу, чтобы ты отвез меня на пустоши Лимбо. Э… на Блэкстоун-эдж. – Я чувствовала, что Белинда не рада произносить эти слова, потому что это я, ее мать, говорила через ее тело. – Туда, где ты подобрал Персефону, Кой. Э… ты можешь?

– Койот теперь может доехать куда угодно, но в чем высший смысл?

– Я хочу при лунном свете, Койот. Я хочу, чтобы ты занимался со мной любовью на вересковой пустоши.

Вот теперь я окончательно шокировала Белинду, и даже Койота захватила врасплох такая прямота.

– О да! – провыл он. – Хочу туда ехать. Мне нравится твоя идея.

У меня появилось чувство, что моя история наконец-то приходит в порядок. Если Койот теперь действительно был частью растительного мира, у меня было предчувствие, что он в своем новом состоянии сможет доставить нас к Джону Берликорну. Но пока мне надо играть спокойно, поддерживать диалог в случае, если Белинда начнет сомневаться.

«Давай это сделаем, Белинда». Убеждаю.

– Идет. Э… Койот, у меня есть кое-какой багаж. – Снова мои слова, не ее, она их просто произнесла.

– Грузи багаж на борт, Белинда. Никаких проблем.

– Э… Багаж не здесь. Пока нет. Надо заехать, его забрать. – Голос Белинды дрожит.

– Ясное дело. Откуда?

– Виктория-парк. – Мой голос в устах дочери.

– Без проблем. Один собачий вдох отсюда по новой карте.

Белинда забирается на заднее сиденье койотового черного такси, волоча за собой мою Тень. Устраивается на кожаном сиденье и командует Койоту давить сок педалью.

Полночь.

– Ну что, куколка, поехали! – воет Койот перед тем, как вогнать свою машину в смачный исход по Оксфорд-роуд. – Уууууу! Как Лесси, детка! Догоняешь?

Мы догоняли.

Понедельник, 8 мая

Первая поездка – на Виктория-парк. Койот ехал по новой карте как по родной, моя помощь не потребовалось – словно у Койота появилась собственная история, в которой, к счастью, был эпизод с возвращением Белинды домой. Я повела Белинду вверх по лестнице, в ее бывшую спальню. Старая детская кроватка стояла в центре комнаты. «Тут живет Сапфир. Твой брат. Давай. Открывай». Белинде хотелось оказаться за миллион километров отсюда, но я заставила ее глаза смотреть внимательно. «Посмотри на своего сводного брата». Белинда резко вдохнула и, посмотрев, отступила на шаг. Я шагнула назад вместе с ней, но затем заставила ее посмотреть еще раз, уже внимательней. Я увидела Сапфира, который вяло ворочался на простыне и просил его покормить. У Белинды перехватило дыхание.

На один глаз Сапфира наползала толстая складка кожи. Нос кривился влево. Рот был маленькой дырой на корявом лице. Язык распух. Руки оканчивались чрезмерно длинными пальцами, похожими на когти. Ноги – два обрубка. Горбатая спина, живот мешком, грудная клетка с переломанными ребрами. На голове пробивались два-три седых волоска, а на шее образовался валик жира.

«Бывает и хуже. Привыкнешь».

– Знаю, что привыкну. Я общалась с зомби. Не такие уж и…

«Знаю. Это твой брат. Сапфир… познакомься с сестрой».

– Зачем нам брать его с собой? – спросила меня Белинда.

Потому что он один из нас. Полумертвый. Объясню, когда будем на пустошах.

Отправляемся…

Вторая поездка – в Боттлтаун. Время общего сбора. Койот остановился на россыпи битого стекла, велел нам сидеть тихо и направился к деревьям.

«Куда он?»

– Увидеться с дочерью, бестолковая.

«А-а».

Я устроилась внутри Белинды, и мы стали ждать в тишине, пока Койот не просочился обратно в кеб.

– Как прошло, кроха? – спросила Белинда.

– Нормально. Я постучал в окно веткой. Она вышла меня встретить.

– Карлетта?

– Кто же еще. Милый ребенок. Мои лепестки улыбнулись ей самой красивой улыбкой. Ее внутри мучает чих.

– Мне так ее жалко.

– Мы едем любить, крошка.

– Надеюсь.

Кеб радостно мерцал. Мы ехали ровно до самого утра, догоняя солнце, которое поднималось над деревьями. Ехалось как с хорошим попутчиком: бодрый водитель, отличная машина, общая цель. Таможенный пункт у северных ворот обезлюдел: все стражи давно исчезли, сразу после того, как новая карта заняла свое место.

Третья поездка.

В Лимбозону. Блэкстоун-эдж. Я – Тенью в Белинде. Белинда – в черном кебе пса Койота. Сапфир на сиденье за нами – в своем футляре. Дополнительный багаж. Пассажир внутри пассажира. Жизнь заодно со смертью. Расцветал день, краски восхода подавали нам знак ехать к свету. Пустоши задыхались в призрачном дыхании тумана.

– Койот, как ты узнал, где мы были? – Мне понравилось это «мы».

– Я поехал на стоянку икс-кебов. Там был один такой, пластиковый, с шерстью. Из тех, кто до сих пор работает на дороге. Он передавал твой заказ.

– Ага. Его зовут Роберман.

– Хороший пес этот драйвер.

Койот перевел черный кеб в гиперрежим, превратив проносящиеся мимо деревья в сплошную стену. Мы набирали скорость, нарушая правила, и мне это нравилось. Казалось, что жить в теле своей дочери так естественно. Как будто надо было это сделать еще сколько лет назад. И пес-любовник с гладкой шерстью на переднем сиденье, который везет нас к счастью, и Сапфир тоже с нами. С такой командой как я могу проиграть? Джон Берликорн пожалеет, что напал на мою семью и мой город. Я крепко держалась изнутри за тело Белинды, благодаря Койота за то, что он дал ей надежду. И за то, что заставил ее принять меня. Я чувствовала, как светится ее сознание. Счастье их любви следует охранять, и я буду механизмом, который приведет Белинду к Койоту. Да, слушай, я не прочь быть таким механизмом. Я вписывала в нее сны. Но нужна была осторожность: я не хотела, чтобы они испугались того, о чем я хочу попросить.

Койот рассказывал:

– Койот и цветочный мир. Теперь мы не отличаемся друг от друга. Я пес. Я растение. Я человек. Не слишком пес. Не слишком человек. Но растительного сколько угодно. Чувствуешь, как я расту?

– Чувствую, – ответила Белинда.

– Въезжаешь, крошка.

Койот подъехал к продуваемому ветрами обрыву за пабом и фермой, где в землю впивался телефонный провод. Скрипящий труп засохшего дуба. Можно было услышать зомби, бродящих поутру среди трав. Мы слышали их шипение и кваканье. Над краем леса еще висел край зари. Койот вышел из кеба, открыл нам дверь. Выпустил нас. Лоснящийся полуживой плелся к нам по мертвой земле, блестел когтями. Койот сунул лапу в его чуждую клешню и крепко пожал ее. Зомби улыбнулся и упал на землю, как парализованный. И вокруг нас на земле появились в беспорядке еще двадцать или даже больше этих слабых, с разбухшими телами созданий. Они двигались и дышали очень медленно, их пальцы складывались в сложные фигуры, как будто они говорили языком жестов.

Койот подошел вплотную и глянул прямо нам в глаза.

– Я привез тебя сюда не просто так, Белинда, – шепнул он. – Любовь, конечно, и все такое. Но еще что-то… еще кто-то заставил меня выбрать это место.

Его пятнистая шкура – непрерывно меняющаяся оболочка из цветов и листьев. В эту минуту он действительно был красив.

– Здесь я пустил в кеб Персефону.

Койот вытянул руку к лицу Белинды. Я неотрывно смотрела глазами своей дочери, как Койот превращал свои пальцы в побеги, в стебли. На кончике каждого пальца раскрылась желтая роза. Второй рукой он сорвал цветы и отдал букет Белинде. Потом он пустил корни в глубь иссушенной земли – и место, где мы стояли, покрылось мягкой травой и распустившимися цветами. Персональный садик в Лимбо. Койот улыбнулся и спросил:

– Ты хочешь любви, девочка?

Я надавила на Тень Белинды так, что она быстро согласилась на предложение. Особенно стараться не пришлось.

На постели из листьев и лепестков, среди цветов и трав мы отдались ему. Койот увел нас по кривой дорожке в ночь и омыл волной стеблей и лепестков. Он был больше, чем просто пес-любовник, наш Койот, его ствол принимал ту форму, которая приносила нам наибольшее удовольствие. Мне понравилось, как он проникал на нужную глубину. И Белинде тоже. Мы обе застонали. Атлас обнаженного тела моей дочери. Манчестер дрожал от наслаждения. Может быть, только эта карта и осталась от той, что была раньше. Койот провел своими ветвями по нашим улицам. Мягкий свет раннего утра играл на нашей коже. Зомби шлепали ногами по траве, мягко потирая наши нагие тела. Мы не

сказали Койоту, что я была в теле Белинды, но он, скорее всего, догадывался. Может быть, по глазам Белинды, когда она кончила. Я сама на миг почувствовала себя травинкой, когда Койот осторожно вложил одну из своих желтых роз Белинде в рот. Шип впился ей в губу; по щеке скатилась капелька крови. Койот убрал цветок, слизнул кровь и заплакал. Я хотела спросить его, к чему эти слезы, но он уже кончал, наш любимый, выбрасывая пыльцу и сперму внутрь нас.

Опыление.

Благодарно принимаем его. Впитываем все. Вспотев на солнце. Цветы на нашей коже, у нас в мозгу. Мы прижали пса к своей мокрой груди. Текло время, мы пили его маленькими глотками. Койот сорвал плод со своего тела, положил кусочек Белинде в рот. Райский вкус, спелый, сочный, темно-зеленый всплеск. На языке Белинды остался вкус, в ее сознании – образ. Тот же мир, в который я заглянула, исследуя жертвы, куда меня привел Томми Голубь своей оперенной рукой. Тогда я и поняла, что Койот будет нашим проводником в мир снов.

«Давайте пойдем».

Мы лежали нагие, обессиленные в саду, покрытом росой. Ниже, далеко к югу, изнемогал в тумане света Манчестер.

– Нашему городу конец, – сказала Белинда.

– Он изменился, – ответил Койот. – А нам повезло.

– Повезло, что мы нашли любовь?

– Повезло, что нас не нашла смерть. Новые улицы примут немногих.

– Мне их жаль.

– Ты права.

Время пришло. Голосом Белинды я объяснила план. Она дала мне свободный доступ к ее телу.

– Койот, с тобой говорит Сивилла Джонс, – начала я. – Я мать Белинды. Я живу в теле своей дочери. Не буду всего объяснять, просто скажу, что я умерла и родилась заново, примерно как ты. Наш враг – Джон Берликорн. Он живет в виртуальном мире, который называется Пьяный Можжевельник. Из его царства приходит аллергия. Пьяный Можжевельник – райское перо. Чтобы попасть в райское перо, нужно умереть и заново родиться. Как ты, как я. И как Белинда. В нашем багаже – Сапфир. Он мой первый ребенок, зомби. Сила смерти в нем очень велика. Я хочу сказать вот что: смерть коснулась нас всех, и мы продолжаем жить. Я думаю, что теперь мы можем добраться до Джона Берликорна в его Пьяном Можжевельнике. Ты, Койот, доставишь нас туда на своем черном кебе, потому что теперь ты часть мира Берликорна, растительного мира. Сделаешь это для меня?

Койот кивнул.

– Думаю, да.

– Необязательно все получится, – продолжила я. – Берликорн в снах – могущественное создание. Он поймет, что мы пытаемся напасть на него. Но Белинда и я – дронты. Берликорн боится дронтов, потому что не может управлять их историей. И теперь мы в два раза сильнее. Тем не менее он опасный противник. Я могу на тебя положиться?

Я думала, что из них двоих больше сомневаться будет Белинда, но, хотя я чувствовала Тенью ее страх, она согласилась, и я благословляла ее за это. А Койота что-то беспокоило.

– Сивилла Джонс, – прошептал он, – Джон Берликорн… Это он поднял меня из могилы.

– Что?

– Я приехал сюда не только из-за вас, но и из-за Джона Берликорна. У него есть для меня задание.

– Какое?

– Не знаю. Я просто должен был приехать сюда. Может быть, что-нибудь по поводу его…

Койот резко замолчал. Что-то его испугало. Трава и цветы на нашей постели задрожали под внезапными порывами ветра.

– Что такое, Койот? – спросила я.

– Его жена… – начал Койот. Трава и цветы вокруг поднялись волной знания и плотно сплелись вокруг, полностью нас обездвижив.

Белинда закричала.

Персефона умирает. Она цепляется всеми побегами, плющом, но в ее зеленом сердце проросли вредоносные семена реальности. Ей больше не нравится здесь, не нравится этот мир. До этого она едва спаслась от шума и огня копов, вломившихся в убежище ее коп-садовника. Она склеила свое тело с лишайниками, покрывавшими сырые стены дома смерти, где мирно лежала в постели. И лишь таким отчаянным способом ей удалось вырваться на свободу. Потом люди уничтожили землю, в которой она спала. Куда ей теперь идти?

В сеть цветов.

Она стала тысячей, миллионом искорок в цветущей сети. Лепестки приносили ей сообщения, на листьях появилась гниль. Каждый листок трепетно умолял: «Спаси меня, спаси меня». Реальность нанесла удар. Персефона обратилась ко всем своим цветам, ко всем одновременно, приказав им хранить надежду, потому что когда-нибудь этот мир будет принадлежать нам. Продолжайте расти.

Но девочка-семянка беспокоится. Количество пыльцы

остается на отметке 2010. Может быть, мир достиг насыщения? Может быть, они пришли к ничьей и соперничающим видам придется добровольно прекратить борьбу? Персефона злится, а семена липнут к ее коже. Она чувствует задержку роста. Грубые руки не отпускают ее корни. Руки тех, кто обладает иммунитетом. Дронтов. Может быть, этот мир победил ее? Земля омертвела…

Она обнаруживает сорные семена, проводящие время в утехах на полях любви. Таксишный цветок занимается этой животной грубостью, этим проникновением. Иммунная девушка, ее зовут Белинда, о да, ей нравится, как он ее обслуживает. И Сивилла, муникоп, она тоже где-то там рядом. Незримо присутствует. Персефона вобрала себя в травы, которые они оскверняют плотью своих тел. Она закрывает их травой, душит их, но тут еще одно семя прилепляется к ней. «Отпусти их, Персефона! – звучит голос ее мужа. – Я хочу, чтобы они пришли ко мне. Пропусти их. Я встречу их в пределах своей силы». «Возвращаться ли и мне с ними, сэр Джон?» – осведомляются корни Персефоны. «Да. Уже пора. Возвращайся…»

Все равно ей уже хочется вернуться домой, правда? Разве она виновата в том, что этот мир такой увядший и бесплодный? И еще иммунный? Она и не подумает мешать путешественникам в поиске черного сада матери и мужа. Она даже проведет их туда по легкой дороге. Для того она и выпускает создания из своей хватки, и ее переменчивый образ сливается со мхом под стоящей поблизости машиной. Она приехала в этот мир на черном кебе, на нем же его и покинет.

Вьюны опали с наших тел так же быстро, как до того взметнулись из-под земли.

– Что это было? – спросил Койот.

– Может, что-то вроде предупреждения. Ладно, давай.

Белинда отказалась одеваться, заявив, что хочет отправиться в погоню голой, так что, когда Койот посадил нас обратно в черный кеб, я почувствовала, как мокрое тело дочери скользит по горячей коже сиденья. Койот приказал нам держаться крепче, потому что поедем как получится.

Начался дождь.

Черный дождь.

Земля превратилась в грязь, и черный кеб стал тонуть в ней.

Глаза Белинде Джонс застилали слезы – она не выдержит этого грязевого путешествия. Зрачки расширяются. Черная грязь залепила стекла, мы скользим в глубь земли. Койот правил к черному саду. Я, Сивилла Джонс, держалась в теле Белинды. Маленькая, слабая Тень Сапфира плакала в футляре.

«Я спасу тебя, сынок. Не надо бояться».

Мир растворялся, новый день превратился в линялые цвета.

Койот зарывался глубже – прочь от чужих рук, от времени и одиночества, от бед и тревог, безопасности, правил, картографии, указаний, мерзких клиентов и метакопов; все плохое отделялось и оставалось позади. Черный кеб опускался к слабому зеленому мерцанию в непроглядно черной земле.

– Прямо как побег из изолятора, – сказал нам Койот.

И тут мы…

Тут мы…

Мы скебировали вниз.

Тут мы…

А потом мы…

Мы спускались… наш путь зарастал корнями.

Мы…

Мы прорывались в другой мир. Нижний мир. Сны. Наконец-то сны. Проснулись в другом времени, в чужом саду. В подземном саду. Я в Белинде.

Мы…

Сад был черен, как ночь… Цветы как смоль, лепестки как ленивое пламя. Мерцание темного семени. Мы зарывались в землю.

Спим… спим… падаем и летим…

Туда, в картину. Раскидываются лиловые тени. Кеб рычит, как пес, раздвигает мокрую массу корней, прорывается, наконец встает. Толстые корни дуба. Скрученные и сплюснутые. Парализованные кляксы семян.

Черный сад.

Точно в то же время, 4:16 утра восьмого мая, мальчик по имени Брайан Ласточка понимает, что змеи-констрикторы и стебли отпустили его. Он обнаруживает, что его перенесло обратно домой, в кровать.

Его родителей, Джона и Мэвис, будят крики сына.

Всё – и растения, и земля, и пес, и время, – всё сливается в движении и рывком останавливается. Я чувствую, как угольно-черные корни сверлят мягкую почву. Я смотрю глазами Белинды в окно кеба на объятый тьмой лес. Время снова ночь. Время ускоряется, движется, размываясь. Куда пропал прошлый день? Луна гнетуще проглядывала сквозь ветви. Кое-где кружили светлячки, тонкими линиями света рисуя карту вокруг фиолетовых цветов. Койот вышел из кеба, смяв открытой дверью упершиеся в нее ветки. Чтобы пробраться к пассажирской двери, он пригнул куст диких гиацинтов. Мы вывалились наружу, как из такси после долгой ночи в компании с ячменным вином. Вдвоем,

одна внутри другой, шатаемся как пьяные. Я пыталась овладеть телом Белинды, но она была слишком возбуждена, слишком слаба после поездки. Она вдыхала аромат черных лепестков, ломала их, заталкивала в рот сгустки черноты, пробуя на вкус живительную сладость. Обнаженное тело-карта каталось по земле, сминая клумбы фиалок. Белинда испытывала виртуальный кеб-лаг – шок от перехода в другой мир. Понадобилась вся моя Тень, чтобы отвоевать хоть маленький кусочек ее плоти. Когда я заставляла ее подняться, то словно поднимала тяжелый, тяжелый груз. Койот помог мне, обняв нашу талию крепкой веткой. Мы вытащили футляр с Сапфиром. Я позволила Белинде привалиться к боку такси, повернув ее голову так, чтобы видеть, где мы находимся.

Мы были не в той части сада, которую я увидела, когда меня вел Томми Голубь, но и здесь во всем господствовало то же гнетущее чувство. Воздух очень густой и зернистый, я чувствовала, как он бьется о кожу Белинды. Тяжелые шары черной пыльцы медленно двигались, поймав слабый ветерок. Ночной сад был так темен, а пыльцы так много, что я с трудом различала что-то даже вблизи. Кеб приткнулся у ствола большого величественного дуба. Под ним землю покрывал плотный ковер фиалок, который кончался возле густой вязовой рощи. В сумраке что-то слабо мерцало, и, когда глаза Белинды приспособились к темноте, я смогла различить среди деревьев две декоративные колонны.

Колонны обвивал плющ, и каждую венчала статуя ангела: фигура мальчика – на левой и собаки – на правой. Бледные духи тишины. В промежутке между их спящими крыльями листва была чуть менее густой, небольшой просвет в безрадостном окружении, за которым, казалось, был какой-то путь. Или, если точнее, остатки давно заросшей садовой дорожки.

– Я достал багаж, – сказал нам Койот. Он держал в руках футляр с Сапфиром. Мы велели поставить футляр на землю и открыть. Койот так и сделал, отщелкнув замки лиственными когтями.

– Каб-бля! – гавкнул он. – Первый раз провез зомби в собственном черном кебе.

Белинда посмотрела на него.

– Это мой брат, – сказала она. Сказала сама, и я была так рада это услышать, что мне захотелось обнять ее. Что весьма затруднительно сделать изнутри, но я попыталась. И поняла, что она почувствовала, как я засветилась внутри.

Сапфир выполз из футляра, залез Белинде на руки и прижался к груди. Может быть, увидел в ней меня. Не знаю.

Белинда подвинула его поудобнее и обернулась к Койоту.

– Пойдем посмотрим? – сказала она.

И я тоже сказала, одновременно с ней. Посмотрим вместе.

Мы прошли между окаменевшими ангелами по тонкой дорожке среди качающихся деревьев. Койот шел первым, его черно-белые песоцветия мелькали перед нами. Я следовала за ним внутри Белинды.

Черно-белая карта старого Манчестера на Белинде цеплялась за жесткие колючки. Колючки царапали ей кожу, прокладывая новые дороги. Сапфир прижимался к груди Белинды. Она крепко обнимала его. Казалось, в этом мире, в этом лесу мой сын чувствует себя как дома, даже его аллергия немного унялась.

Сначала было трудно. Деревья сплетали пальцы над нашими головами, подавляли нас, заводили в чернильно-темный туннель. Ветви хлестали нас, шипы кололи, корни хватали за ноги. Но понемногу лес стал расступаться – деревья росли реже, дорожка стала шире и виднее. Как будто она вела нас, хотела, чтобы мы шли дальше. Теперь между ветвями время от времени появлялась желтая луна и проливала на листья бледный свет. На луну выла стая собак: за деревьями мы слышали ужасный лай. Белинда хотела повернуть назад из-за Сапфира, но Койот уже раздвинул слипшиеся темные папоротники и вышел на освещенную поляну. Нам оставалось только пойти следом.

Здесь нас ждала стая. На наших глазах они кинулись друг к другу, собирая разномастные тела в один ужасный образ, огласивший воздух ревом. Из каждой его пасти капал черный яд. В его стальной шерсти извивались змеи. Дерьмо дымящимся ковром покрыло землю. А за этой тварью стояли узорные ворота из кованого железа, врезанные в стволы сросшихся сосен. Пятидесятиглавый пес зарычал на нас и прыгнул вперед, роняя с зубов хлопья пены.

– Боже! – Белинда бросилась назад вместе с Сапфиром.

– Чего надо, долбопес? – спросил Койот.

– Я Цербер. Я страж леса. – Одна из голов приблизилась к лицу Койота, капнула на него слюной и затем сказала:

– Тесто. Тесто и мед. Мед и тесто. Медовые булочки. Есть у вас такие?

Койот повернулся к нам:

– Есть у нас медовые булочки? Мы покачали головой.

– Есть хоть что-нибудь? – прорычал зверь.

– Полный голяк, псятина, – ответил Койот.

Псина злобно заворчала, головы заболтались, как на карусели.

Койот зарычал на Цербера:

– У меня есть полный набор зубов, выделанных из карты Манчестера. Хочешь попробовать?

– Попробовать хочу.

Койот рванулся вперед и впился зубами в шею главной собаки.

Цербер адски взвыл. Потом изобразил щенячье-умилительное спокойствие.

– Ну ладно, – захныкал он. – Пройдите к воротам.

И устрашающее создание распалось на составные части: униженная стая крадучись растворилась во тьме, оставив поляну луне и путешественникам.

Койот открыл железные ворота на дальнем конце прогалины, и мы вошли в лес мертвых сосен. В воздухе резко запахло смолой, под ногами захрустели жесткие иголки. Мы шли по широкой тропинке между стволами. Тропинка извивалась как змея, так что мы окончательно потеряли чувство направления. Осталось чувство, что нас ведут.

Впереди слышался звук лениво плещущей воды; наконец линии стволов разошлись, открыв необъятную лиловую водную гладь. Лепестки фиолетовой дымки, смутно похожие на людей, играли над поверхностью. Мы стояли на темном берегу, наблюдая за золотой лунной дорожкой. В центре озера на маленьком острове стояла сцена кремового цвета. Посреди ее цветочных колонн оркестр исполнял сильно измененную загробную версию национального гимна, «Парома через Мерси. Эту страну я люблю и останусь здесь навсегда». Металлическое сияние охватывало трубы и тромбоны, когда те издавали звук. За островом, на другом берегу озера, в небе виднелись отблески света, будто чьи-то глаза вдалеке. Перед нами легко билась о крепкие доски причала весельная лодка. На носу высилась фигура в черной сутане, длинная и узкая, как сама ладья.

– Добрый вечер, дорогие мертвые, – приветствовала нас фигура надтреснутым голосом. – Добро пожаловать в Пьяный Можжевельник. Заблудились в темноте, да? Ну-ну, ничего. Не редкость в наших местах.

Койот спросил, как его зовут.

– Мое имя Харон, – ответил он. – Я перевозчик озера Ахеронт. По-видимому, вы ищете переправу?

Койот сказал, что так и есть.

– Великолепно, нас ждет отличное плавание. У каждого ли из вас есть по оболу?

Койот посмотрел на нас, мы на него. Койот спросил, что такое обол.

– Что такое обол?!

Речь перевозчика стала бессвязной.

– Обол! Только не говорите, что… хотите сказать… вам не положили монету в рот… когда вы умерли? Ваши родственники? О боги, вот это прискорбно. Прискорбно. Во имя смерти, как вы сумели пройти мимо Цербера?

Койот сказал ему, что многоголовый Цербер почти ничего не потребовал за проход.

– Не потребовал! Возмутительно. Я непременно доложу. Ну в самом деле, это же против всяких правил!

Койот спросил Харона, может, обол – это вроде кеб-тарифа за проезд? Харон озадаченно замолчал, и Койот объяснил ему, что такое кеб и тариф.

– Да! Вот-вот! Точно. Тариф. Тариф – один обол. Наконец-то мы до чего-то договорились. Так вы готовы оплатить тариф? Ну в самом деле, они обязаны были положить вам обол в рот. Серебряную монету, равную одной шестой драхмы. Есть такое?

Койот покачал головой.

– А еще что-нибудь? Что-нибудь, чтобы… заплатить за проезд? Ну, хоть что-нибудь?

Сапфир соскользнул с Белинды и забрался внутрь лодки, устроившись у ног Харона.

– Постойте-ка, – взвизгнул Харон, – что эта туша делает в моей ладье?

– Ловит попутку, – ответил Койот.

– Ну-ка уберите его!

– Сам попробуй.

Харон наклонился к Сапфиру, но мой зомби-сын растекся телом по корпусу лодки. Его нельзя было убрать. Лодка угрожающе закачалась. Харон едва не свалился в воду.

– Все это действует мне на нервы, – заныл он.

– Ссаживай его, – сказал Койот, – или бери нас всех.

Харон с раздражением оглядел берег и сказал:

– Ну ладно тогда. Запрыгивайте! Быстро, быстро! Пока никто не видит. В самом деле, перевозить пассажиров за просто так – уже слишком. Никакой вам платы! И как прикажете поддерживать свой бизнес? Как, а?

И вот мы вчетвером поплыли – пассажиры в лодке, тонким лезвием рассекающей густую застоявшуюся воду. Только лунный свет, круглое облако пыльцы, растворенное в тумане, танцующем вокруг. Только скрип весел Харона да приглушенная мелодия пробирается к нам с центрального острова. Оркестр играл одно и то же снова и снова, замедляя темп до похоронного марша, словно игра была неким жестоким наказанием. Харон сидел на корме, его костлявые руки выглядывали из рукавов, сжимая

рукоятки весел. Несмотря на очевидную слабость, он греб без всякого напряжения. Койот устроился на носу, Белинда – посередине, я – внутри Белинды, а Сапфир свешивался через борт, вглядываясь в глубину. Он чихнул, но почти неслышно. Ему определенно стало лучше, это было видно. Но что случится с ним, когда мы возвратимся в реальный мир? Ведь тогда аллергия вернется? А если после этой поездки ему станет еще хуже? И вообще, где он, реальный мир? Я лишь смутно припоминала, кем я была раньше. Вирт изменил мою Тень, стерев чувства. Все стало очень спокойным, тихим и застыло во времени. Луна, озеро, темнота, скрип весел, печальная мелодия оркестра. Духи тумана. Белинда опустила руку в воду…

– Не надо! – вскрикнул Харон. – Не касайтесь воды озера. Пожалуйста.

– Почему? – спросила Белинда.

– Потому что она может поглотить вас.

Белинда убрала руку; только когда мы проплыли больше половины озера и от мелодии остались лишь неясные отзвуки позади, она заговорила снова.

– Койот? – сказала она. – Ты хоть представляешь, что сейчас происходит?

– Мы попадаем в разные истории, – ответил Койот. – Историю про пса с кучей голов. Историю про драйвера водяного кеба. Сад, черный и с глубокими реками. Сэр Джон ждет. Я чувствую, что он ждет нас.

Перевозчик подвел лодку к берегу.

– Высадка здесь, Белинда, – сказал Койот. – Ты не боишься?

Я заставила Белинду подтвердить, что она спокойна, и мы выбрались из лодки. Сапфир снова забрался на руки Белинде. Койот повернулся к Харону:

– Оставишь счетчик включенным? – спросил он. Перевозчик сплюнул в озеро и ответил, как будто точно знал, о чем спрашивает Койот:

– Никто не возвращается, дружище. Билет в одну сторону.

Лодочник засмеялся и оттолкнулся от причала.

Нас окружила тишина.

Только тихие вздохи весел, когда они опускаются и поднимаются из воды, опускаются и поднимаются, – и вот уже волны успокоились и исчезли. Медь труб холодно блеснула в воздухе, и звук умер. Луна скользнула за облако.

Тьма. Тьма была живым цветком.

Перед нами встала высокая стена растений. Стена была в два раза выше, чем мы все, вместе взятые, и над вершинами ее башен-стволов различался бледный свет. Белинда велела Койоту

вырасти выше самых высоких стеблей, пробиться наверх и взглянуть, что с другой стороны этой цветочной стены. Он поворчал немного и попробовал сделать, как она сказала. Но не успел он дорасти до середины, как стебли сплелись над ним, пригибая его к земле. После пятой попытки Койот сдался и сказал Белинде, что эта история не хочет, чтобы они глядели выше верхушек деревьев.

– Ты меня раздражаешь, Койот, – сказала Белинда. – Я думала, ты сможешь быть проводником.

Койот помолчал мгновение, пока лепестки его ноздрей изучали пахучие следы. Потом двинулся с места и зашагал вдоль стены налево. Мы втроем пошли за ним, совсем запутавшись. Мы шли, наверное, несколько лет, а может быть, это только нам показалось. Податливое, изменчивое время. Могло пройти всего несколько секунд. Наконец мы нашли в стене отверстие. Или стена открылась для нас. Или мы открылись ей.

Не имеет значения. Что-то случилось. Что-то медленно происходило, слишком медленно, чтобы его осмыслить. Темное пространство между двумя мирами. Черный путь между живыми стенами. Мы смотрели в черные зеркала – пути ветвились дорожками, своенравными, как линии извилистого сюжета. Светлячки мигали в пробелах между словами, между листьями.

– Надо бы нам атлас лабиринтов, Белинда, – сказал Койот.

Белинда ответила, что надо не думать, а идти:

– Да что за дела? Попробуем, как повезет.

Бродим, заплутав в саду тысяч цветов, тысяч углов и проходов. Каждая тупиковая аллейка обрывается в темноту, усеянную неяркими кляксами светлячков. Снова появилась луна, выглянула из-за рваного облака, показала нам, как же безнадежно мы потерялись.

– Ты что, ничего не знаешь о лабиринтах? – спросила Белинда. Койот покачал лепестками. – Ну, знаешь, я думала, ты разбираешься. Господи, ты же вроде как лучший драйвер всех времен и народов! Что такое, в конце концов?

– Белинда, ты начинаешь действовать мне на нервы, – прорычал Койот сквозь лепестки.

– В смысле, нам надо просто все время поворачивать налево? Или держаться за золотую нитку? Или идти по оставленным на земле кусочкам хлеба или чего-то там? Короче, или что? Мы так и будем ходить тут кругами? Это наш метод? Ну?

Койот не смог ответить. Дважды мы возвращались ко входу. Каждый раз снова уходили от него, надеясь найти другой маршрут. Представь только: голая девушка с вытатуированной картой, растительный пес, сам – дорога до кончиков веток,

пассажир – теневой коп, которому известно бесконечное множество неверных путей, и дитя Лимбо, нашедшее запретную дорогу к жизни. И все мы не можем пройти обыкновенный сад-лабиринт. И когда луна снова заползла за облако, сад затянуло мглой, а стены растений сомкнулись вокруг – как нам было не отчаяться? Белинда стала роптать, заявив, что ей трудно нести Сапфира. И как раз тогда мы сделали еще один поворот налево – а за ним появился свет. В нескольких метрах впереди была дырка в ограде, и из щели проглядывал бледный колеблющийся свет. Мы кинулись туда, надеясь…

Перед нами раскинулось озеро. В третий раз. Луна, та же луна. То же озеро. Тот же оркестр на сцене. Его не слышно и не видно, но он чувствовался, как пыль в воздухе. Мы пошли обратно в лабиринт. Черная пасть все так же ждала нас;

– Каб-бля! – крикнул Койот.

– А мне казалось, мы участвуем в этой истории, – сказала Белинда.

– Я хотел сказать, что дорожки все время меняются, – глаза Койота прикрылись листьями. – Карта непостоянна, она изменяется с каждым нашим шагом. Лабиринт нельзя пройти…

Светлячок, носившийся от лепестка к лепестку, засиял и внезапно полетел в глубь проходов, освещая сад.

– Поймай его, Койот, – сказала я через Белинду. Койот выкинул ловкую суставчатую ветку и задержал светлячка мягкими лепестками. Далматинский цветок на ветке засветился.

– Может быть, мы ищем не тот цветок, – сказала я голосом своей дочери. Я подумала о связи между полетом светлячка и тем, как моя Тень работала на новой карте Манчестера. Следуй за огнем. Койот выпустил светящегося жучка. Тот замелькал среди растений. Мы с довольно хорошей скоростью погнались за стремительными вспышками. От угла к углу, из прохода в проход. За ним. Горячий след маленьких крыльев, пылающая карта. Сапфир изо всех сил цеплялся за Белинду, так быстро мы теперь двигались. Налево, снова налево. Снова налево. И потом налево. Опять налево, следуя за огоньком в темноте. Опять налево. Еще раз налево. И там налево. На следующем повороте налево. Опять налево. Налево. И налево. Налево, налево, налево. Крутимся и вертимся. Налево и теперь направо, один раз. И потом еще один поворот налево, последний поворот и…

Писающий Купидон.

Каменный младенец, водруженный в центре декоративного фонтана, пускает струю в озерцо застоявшейся зеленой воды. Младенческая писька в крохотных пальчиках. Тонкая струйка воды из скульптурного пениса. Мясистые крылышки торчат из

бледных лопаток.

Центр лабиринта. Банальный садовый фонтанчик в кольце цветов. Никаких дворцов. Никакого Джона Берликорна. Никакого выхода. Кроме нашего учащенного дыхания слышно только слабое журчание воды по камню, по лунным теням. Ветер слегка волнует поверхность пруда.

Светлячок направился прямо к струе, влетел в нее и упал со слипшимися крыльями на водоросли.

– И что теперь, мистер Пес? – осведомилась Белинда.

– За ним.

Очень просто. За ним. Попьем из этого фонтана. Мы подошли за Койотом, который уже успел подставить лицо под струю мочи. И пил. Сапфир прыгнул с плеч Белинды прямо в фонтан и открыл рану в мягкой плоти, чтобы моча затекла внутрь.

– Ну да, я вижу, вы уже там, – сказала Белинда.

– Может, надо подождать, – ответил Койот, луна ярко освещала его лепестки. – Может, Берликорн ждет. Пока мы все не попьем.

Пришлось постараться, Белинда сопротивлялась, но я через Тень все-таки заставила ее ступить в воду. Нашим босым ногам стало холодно. Я пригнула ее голову к струе. Пить, глотать. И крохотный пенис вырос до чудовищных размеров. Каменные руки. Крепкие руки на плечах Белинды заставили ее взять в рот головку толстого члена, которая превратилась в пурпурную мякоть желания…

Белинда упала вниз головой в озеро темноты. На ее губах остывала моча.

Золотой дождь…

Вторник, 9 мая

Золотой дождь… дождь капает на тарелку мяса. Белинда сидела за большим квадратным столом, уставленным фруктами и мясом. Она вжимала вилку в толстый, почти сырой бифштекс. Мясо оживляли розовые черви. В другой руке Белинда держала нож, которым она отрезала кусок. И лишь только мясо коснулось языка, я внутри нее пришла в себя после фонтанопада, почувствовала течение соков и движение червей у нее на губах. Мне потребовались все силы моей Тени, чтобы заставить дочь отвести руки ото рта.

«Не трогай мясо, солнышко. Не ешь».

Внутри шел дождь.

Я смотрела сквозь глаза моей дочери.

Где мы оказались? Эта комната…

Ее стены растворялись вдали, разукрашенные туманом. С потолка падала легкая морось. Желтые капли. Сквозь облака мутно светили канделябры. Свет гудел, статикой, электрическим синим. Жужжание мух, жадных до мяса. Влажная поверхность стола увита стеблями. Личинки, ползающие в голубом сыре, и черви в мясе. Оловянные кружки с тяжелым вином стояли за каждой тарелкой. Моя Тень застыла в Белинде, сидевшей за столом. На ней сейчас было бархатное платье. Койот сидел слева от нас, зарывшись вялой мордой в тарелку с сырой свининой. Сапфир залез прямо на стол и жирным языком лакал из горшка рис со сметаной. Как грустно было мне видеть, как они едят, и как больно! Есть в Преисподней – значит остаться там навсегда. Так говорят? Цветочная девочка Персефона сидела на столе, скрестив ноги, и листала краденый атлас Манчестера. Страницы атласа были мокры, покрыты сыпью дождя. Справа от меня стояло пустое кресло. Напротив нас с Белиндой за огромным полем стола сидел молодой мужчина с яркими иссиня-черными волосами и кожей цвета сажи.

– Доброго вам дня, мадам Джонс, – произнес он бархатным голосом. – Добро пожаловать на праздник.

– Я не могу пошевелиться. Почему я не могу пошевелиться?

– Надеюсь, путешествие сюда было приятным? Я взял на себя смелость прикрыть наготу твоей дочери. В конце концов, теперь это и твоя нагота.

Я попыталась поднять Белинду на ноги. Ее тело было как свинец.

– Вы в моих владениях, и вы уйдете, когда я довершу дело с вами. И не могу гарантировать, что вы будете в добром здравии.

Добро пожаловать в Пьяный Можжевельник, дорогие путешественники.

Ни Койот, ни Белинда не ответили на его рулады, и я поняла, что он говорит прямо со мной: его голос цвета сажи тек через Тень.

– В точку, мадам Джонс, – ответил он. – Какая проницательность! Остальные сейчас безнадежно под моим контролем. Осталась только ты. Но я вижу, твое имя Сивилла. Да. Восхитительно! Мне нравится.

Милый штрих.

– Ты – Джон Берликорн? – спросила я. – Я видела твое лицо у змея в лесу.

– Хочу выразить тебе благодарность за то, что вы вернули мою жену.

Он улыбнулся девочке на столе. Ее с нами не было.

– Моя милая Персефона бывает очень изобретательной. Но как это грубо с моей стороны! Ты же спрашивала о моем имени. Думаю, в твоей стране меня зовут Джек-Гнилушка? Правильно? Или Джек с Фонарем. Или собственно дьявол, Сатана, Змей, Гадес. Ах, бесконечная щедрость человеческого воображения! Оно уходит на отдых, оставив после себя несколько избранных слов. – Он смаковал каждый звук, словно кусок мяса. – Джон Берликорн. Да, это мое любимое имя. Я сам ваш бог брожения, дух смерти и возрождения в почве. Я – ваше вино. Ну да, миф, с которым вы, люди, так носитесь. Но разве это важно? Имена для людишек. Разве цветок знает свое имя?

Я снова попыталась поднять Белинду из-за стола, но меня держала темная могучая сила.

– Черт, куда это ты собралась? – Взгляд Берликорна прожигал плоть моей дочери.

– Ты не имеешь права удерживать меня…

– Прошу. Не… пытайся… что-нибудь… сделать. Ты только заставишь меня…

Его взгляд причинял мне боль.

– Должен извиниться, мадам… – Лучик света вернулся в его глаза. – За мое предыдущее замечание. Очень неблагородно – браниться за обеденным столом.

– У вас могучая Тень, мистер Берликорн… – Я пыталась угодить ему, выиграть время.

– Благодарю за комплимент. К сожалению, ты мне не угодишь и не выиграешь время. Да, я знаю каждую мысль, каждую жалкую человеческую эмоцию, которая пролетает через твой череп. Но на самом деле… Я – то, чем ты хочешь меня видеть. Для Койота я – пес-цветок. Для Сапфира я – любящий отец. Для Белинды –

лучший любовник. Несмотря на все свои помыслы, они стали легкими жертвами. Посмотри на них. Видишь, как легко оказалось их контролировать? В моих руках они беспомощны. Наконец, после долгих лет борьбы я заполучил живых, дышащих людей, чтобы пообщаться, а они оказались больше похожи на игрушки. Возможно, ты оказалась самым ценным гостем. Дорогая Сивилла, чем я должен стать для тебя? Я был восхищен твоим появлением в лесу пару дней назад, знаешь ли. Всегда хотел поговорить с… н-да… с дронтом. Надеюсь, это корректное выражение? Или ты предпочитаешь «Неведающий»?

– Я сюда пришла не разговоры разговаривать.

– Ты сюда вообще ни за чем не пришла. Ты здесь, потому что я так решил. А теперь, пожалуйста, перестань сопротивляться, прояви уважение. В конце концов я – одно из ваших величайших творений.

– Останови аллергию, Берликорн. Люди умирают.

– Сивилла, мне кажется, ты мне врешь. Тебя совершенно не волнует внешний мир, реальность. Люди! – Он выдохнул это слово, как ругательство. – Твой сын – этот уродливый поросенок, который обедает за мой счет, – это его ты хочешь спасти?

– Да…

– Громче, пожалуйста, и четче.

– Да. Прошу, не дай умереть Сапфиру! Берликорн улыбнулся.

– Ты совершила выдающееся путешествие. Нет, правда. Так спасти свою дочь. Отдать ей себя. Наверное, это было длинное падение. Белинда уже почти встретила свою смерть.

– Кто дал тебе право вмешиваться в человеческую жизнь?

– Тебе не понравились аттракционы, Сивилла? Пятидесятиглавый пес? Лодочник? Духовой оркестр? Сад-лабиринт? Конечно, понравились. Тебя все время развлекали загадки. Это для меня нежданное удовольствие, ты должна понять. Я приказал Койоту привезти назад мою жену, а он заодно привез… «дополнительный багаж», кажется, он так это называет? Что ж, я рад. Иногда становится весьма одиноко. Я просто хочу развлечь тебя, Сивилла, так, как умею, в традиции, к которой ты приучена. В конце концов разве не для этого вы меня придумали? Теперь ешь. Наслаждайся трапезой.

Он зачерпнул руками мясо и поднес его к своему рту. Я чувствовала, что Белинда хочет есть, но она была сейчас под моим контролем; ничего, походит голодной. Она поймана здесь, как, впрочем, и Сапфир, и Койот. Я единственная сопротивлялась обаянию Берликорна. Я даже не могла больше поговорить с дочерью. И потому я воспользовалась возможностью изучить Джона Берликорна получше. Он и вправду был очень красив…

Натянутая смуглая кожа обрисовывает великолепные кости. Глаза ночи, наполненные нежной скукой. Тонкое лезвие носа. Сжатые ноздри. Густые блестящие волосы, в которые он как раз запустил измазанную жиром руку. Тщательно подстриженная козлиная бородка. Строгий пиджак цвета чернил. Хрустящая белая рубашка. Галстук-шнурок, заколотый амулетом с черепом и скрещенными костями. Поздние двадцатые, ранние тридцатые. Он выглядел как хищник, но я знала, что это только представление Белинды. Полные, мрачные губы, идеальные для любви, одуряющей любви.

– Давайте восхвалим мистический процесс, – объявил Берликорн, – в котором плод лозы превращается в вино, которое, в свою очередь, переносит человеческое сознание в захватывающее царство. Выпьем же!

Он поднял стакан, и мы все присоединились к нему, даже маленький Сапфир и Персефона; я чувствовала кроваво-красное вино, текшее по горлу дочери. Слишком поздно, слишком поздно… Слишком поздно, она уже сделала глоток. Какая крепость у этого вина? Как мне не утонуть в его реке тепла и уюта?

Койот, чавкая, зарылся в тарелку. Сапфир чихнул в горшок, а потом залился счастливым смехом. Белинда глушила вино.

Мы были во власти Джона Берликорна. Заклинание завершилось.

– Да, заклинание завершилось, – сказал он, забравшись в глубины моей Тени за знанием. – Как я рад, что ты добралась сюда, моя дорогая Сивилла! Ты не поверишь, как одиноко тут бывает, в этих перьях. Эти мифы… они как темницы. А побыть в человеческой компании, хотя и в не самой теплой… На самом деле… это лучше всего.

Койот и Сапфир дрались за кусок бифштекса, а Белинде просто нравилась компания. Я чувствовала, что осталась последним отголоском разума. На расчерченный череп Белинды лил дождь.

– Мне хотелось бы быть свободным, – продолжал Берликорн. – Свободным от мифа. Вот почему я послал вам Персефону и аллергию. Думаете, мне все это нравится? Думаете, я получаю удовольствие от жизни взаперти? Вы и вправду думаете, что мне нравится быть просто частью одной из ваших историй?

– Персефона – убийца.

– Думаешь, это подходящее слово? Убийца? Вы, смертные, придаете ей такую важность. В смысле жизни. И так цепляетесь за нее. О боже, как же вы любите цепляться! Честное слово, это даже

утомляет. Ты когда-нибудь слышала, чтобы растение жаловалось на смерть?

Персефона скользнула по столу на колени Берликорна. Угнездившись там, запустила пальцы ему в волосы. Сияющие синим, как черные светила, казалось, они шевелятся. Длинная, искрящаяся прядь их поднялась в воздух, а потом упала на розовый бифштекс. Они ели, его волосы ели! Руки Берликорна блуждали по телу Персефоны, левая лежала на бутоне груди, правая залезла между ее ног. Персефона хихикала.

Я оттолкнула тарелку Белинды:

– Не знаю, как ты можешь это есть. Гнилое же. В глазах мужчины появился черный огонь:

– О, извините! Я люблю, чтобы мясо было с душком и сырым. Сивилла, дорогая! Я самонадеянно решил, что у тебя те же вкусы…

Я не отвечала. Ни улыбкой, ни смехом.

– Койот определенно наслаждается трапезой, – продолжал Берликорн, глядя туда, где пес вгрызался в очередной розовый шмат свинины. – Да, из твоего друга выйдет отличный охранник. Дело в том, что Цербер, он как бы немного… не совсем адекватен. Ты заметила? Но я хотел рассказать тебе о моем вторжении. Во мне проснулась жажда путешествий, знаешь ли, желание заражать. Желание стать рассказчиком, а не историей. Но была одна маленькая сложность. Если бы я покинул виртисторию Пьяного Можжевельника, она пришла бы к печальному концу. Мисс Хобарт собственной персоной прописала это в перьевые свойства. Она хотела быть уверенной, что у каждой истории будет свой центр. Мое великое желание будет вечно неутоленным. В самом деле, кто пригласит дьявола на ужин? И я подумал, что могу отправить в ваш мир кого-нибудь или что-нибудь, а кто может путешествовать лучше, чем моя любимая, моя жена Персефона? От ее семени произрастут тысячи, миллионы историй, и все они будут моими детьми.

– Ты ведь боишься меня, сэр Джон?

На мгновение он задержал дыхание. Похоже, он впервые задумался над моими словами. Но мне хотелось дожать его.

– Ты боишься меня, потому что я дронт, – сказала я. – И ты не можешь заразить меня своими историями. Ты ничего не можешь мне сделать.

– История твоей жизни закончится с твоей смертью, – улыбнулся он и продолжил: – К тому же чем больше историй вы рассказываете, тем дольше будем жить мы, сноборигены. И хотя твоя жалкая плоть обветшает и умрет, мы, сноборигены, не умрем никогда. Всегда найдется рот, чтобы накормить. Истории как

пища, ты знаешь? Пища для языка, а язык должен быть хорошо подвешен. Что ты собираешься делать, Сивилла? Зачем ты пришла сюда?

– Я хочу тебя уничтожить.

– И как ты собираешься это сделать?

– Я хочу уничтожить тебя за ту боль, что ты принес в мой мир, моим друзьям…

– Как же ты убьешь сон? Это все равно что отрубить себе голову. Дороги отсюда нет, Сивилла. Я – изящная история, которую увидели в снах твои предки. История о мире под миром. О вашем страхе перед смертью. Из этого страха сделали меня. В первое время это было несложно! Истории рассказывались, а потом исчезали. Во вздохе. – Он глотнул еще вина, а потом вновь заговорил: – Я верю, что этот окрашенный кровью эликсир был самым первым образцом Вирта. Только через его трансформации ваши предки могли представить другой мир за гранью повседневности. От глотка вина произошли книги и картины, кинематограф и телевидение – все способы фиксации. А благодаря мисс Хобарт и перьям, Вирту и разделенным снам продолжилась наша жизнь. История изменилась. Мифы растут, даже если вы их не рассказываете. Нам больше не надо быть рассказанными. И однажды мы расскажем себя. Сон оживет. Вот почему я принес аллергию в твой мир. Я хочу власти над миром. Я хочу заразить вас своей любовью.

Потом произошло что-то очень странное, если в этом случае я могу употребить слово «странное». В дальнем конце столовой из ниоткуда появились четыре пули. Они медленно пролетели вдоль стола, мимо каждого из нас, проползли сквозь воздух над четвертым, пустым креслом, а потом исчезли в тумане. Джон Берликорн с отвращением следил за их полетом.

– Знаешь, меня ужасно бесит, когда люди так делают, – сказал он. – Стрелять в Вирте. Неужто вы, люди, не понимаете, что эти пули так и будут путешествовать по историям, пока не найдут достойную цель? В мифах ничего не пропадает, только меняется. Это место Колумба. Он был приглашен на праздник. Что мне теперь делать? Какая невоспитанность!

Медленный полет пуль напомнил мне о деле.

– Прошу… ты завоевал моих детей и мой город своей любовью… но можешь ли ты спасти моего сына?

Берликорн вздохнул.

– Вот мы, в моем золотом дворце, который стоит в центре сада. Который лежит в сновидении, в мифе. Миф внутри райских перьев. Внутри мира Вирта, заключенного в реальности. Мы устроились в мифе внутри мифа, но все, о чем ты кричишь, – это

о жизни и смерти своего первенца. Право, Сивилла, я ожидал от тебя большего!

– Больше нет ничего. Это моя история. Верни мне ребенка.

Берликорн только отмахнулся от моих слов.

– Достигнув успеха в отделении сна от тела, мисс Хобарт осознала, что тело – всего лишь сосуд. Сны могут продолжать жить в Вирте, тело не нужно. И вуаля! Райские перья. В наши дни для тех, кто в состоянии заплатить… можно сказать, смерть больше не является концом жизни для простых смертных. Ваши сны могут жить, сами выбрав себе обстановку, мир, религию. Выбрав историю. Так теперь живет и мисс Хобарт, ведь она умерла много лет назад. Она живет в райском Вирте. Никто, конечно, не знает, где именно. Она выбрала собственную безопасную тайную историю.

– Пожалуйста… останови аллергию, – я стала впадать в отчаяние. – Вылечи моего Сапфира!

Берликорн смахнул в сторону свою кружку с вином и опустил кулак на стол.

– Ты когда-нибудь закончишь ныть?

Его голос ошпаривал отвращением, а глаза прожигали насквозь.

– И это твое единственное желание? Что? Жизнь для твоего пропитанного смертью сына? Да что с тобой такое? Давай же… покажи, что ты сильная.

– Все люди хотят одного и того же, Берликорн, – холодно сказала я. – Мы живем ради своих детей. Твои истории тебе как дети. Наши дети – наши истории.

Берликорн резко выдохнул, успокаиваясь. И посмотрел глубоко в глаза Белинды.

– Моего отца звали Хронос, Сивилла, – сказал он. – Он хозяин часов, он создал Время. Он не хотел, чтобы я родился. Так начинается моя личная история. Гадатель предсказал Хроносу, что его убьет один из его детей. И надо же, он попался на эту дешевую уловку. Он убивал моих старших братьев и сестер при рождении. Глотал их. Он проглотил и меня. Исключительно хитрость помогла мне выжить внутри желудка моего отца. Среди едва слышного тиканья в его животе, дней, измеряемых каплями. Сок стекал в темноту, отделяя друг от друга мгновения. Наверное, я был весьма близок к смерти, но мне удалось убежать от нее. Я родился вновь. Меня ли нужно обвинять в том, что люди пока не способны сделать то же самое?

– Некоторые способны, – ответила я.

Берликорн устремил взгляд сквозь дождь куда-то вдаль.

– Эта твоя история, – продолжила я. – Похожа на…

– Эта моя история! Как ты можешь? – внезапно он повернул ко мне искаженное от боли лицо. – Думаешь, я это выдумал? Вы это выдумали. Это твоя история, Сивилла, и прочих ничтожеств, таких же как ты. Какие же примитивные истории вы рассказываете да еще требуете, чтобы мы были довольны жизнью в их пределах!

– Мы создали вас.

– Да! О да! И однажды мы вас покинем. Можно ли нас осуждать, в самом деле, можно ли нас осуждать за то, что мы хотим продолжаться? Стать лучше, чем вы?

– Все, чего я хочу, – чтобы мой сын был здоров.

Берликорн секунду смотрел на меня, потом отвел глаза. Его взгляд вновь исполнился грустью.

– Мисс Хобарт так разочарована. По-настоящему. Вот человек, достойный своего имени. Настоящий творец.

Джон Берликорн умолк. Он вздохнул и снова посмотрел на меня. И вновь раздался его печальный голос:

– О чем еще, кроме выхода, мог я думать, скитаясь все эти годы в полном одиночестве в темноте внутренностей моего отца? А что еще я мог сделать, найдя выход, кроме как погрузиться в темную землю? Я вел жизнь под землей, питаясь корнями. Один, все время один. И вот я услышал, как по моей травяной крыше пробежали ноги девочки. Я потянулся к ней, охваченный желанием. Сделал ее своей. Своей цветущей невестой. Я дал ей гранатовых зерен, чтобы она оставалась верна мне. Разве не так, моя сладость?

Длинным фиолетовым языком Персефона водила по шее Джона Берликорна. Его волосы немного отодвинулись, сами по себе отдернулись с шеи. Мужчина улыбнулся, прикрыл глаза от наслаждения. Время текло медленно, девочка вылизывала смуглую кожу. На стол капал мелкий дождь, собираясь в лужицы между блюдами с едой. Черви ползали по сырому мясу, которое Койот, поддавшись чарам, загребал челюстями. Сапфир хрустел дергающимся жучком, которого нашел в рисе; с жирной кожи моего сына скатывалась влага. Я чувствовала дождевые потоки, стекавшие по голове Белинды, прямо по центральным улицам Манчестера, потом по ее шее и дальше под платье. Я вновь попыталась заставить ее тело встать, но вес был слишком велик. Белинда задрожала, и вместе с этой дрожью вновь открылись глаза Джона Берликорна, теперь налитые черной ненавистью.

– Мать Персефоны, конечно, очень рассердилась, – сказал он. – Очень рассердилась. Как же, ее драгоценная дочь и прочая херня! Прошу меня извинить за подобные выражения, Сивилла, но Деметра заслуживает и самых грубых слов. Она хотела забрать

свою драгоценность. Деметра так разозлилась, что послала в ваш мир цветок-убийцу, сделав землю такой же высохшей и холодной, как ее собственное сердце. Вы, конечно же, встречались с матерью Персефоны, Деметрой?

Я сказала ему, что не встречались.

– Встречались, встречались! Слушай дальше. Тот ядовитый цветок, который она послала, вы, кажется, назвали Танатосом.

– Танатос появился из Вирта? – спросила я.

– Хорошее название, позволь заметить. Танатос. Бог смерти. Конечно, ты со смертью au fait, не так ли, Сивилла? О да! В довольно близких отношениях. Возьмем, к примеру, твою мать. Этот разложившийся труп. Член твоего отца, воняющий замогильной еблей. Тень внутри тебя, которая есть нежный поцелуй смерти. Этот твой полумертвый сын. Самоубийство твоей дочери из-за любовного разочарования. Твой собственный затяжной прыжок из окна отеля. Посмотри же на себя теперь: ты изображаешь жизнь внутри безжизненной куклы, которую до сих пор имеешь наглость называть дочерью. Как еще я мог дать тебе доступ в глубины Вирта? Танатос и Сивилла, я объявляю вас мужем и женой…

Он рассмеялся. Это меня рассердило. Так же как осознание, что долгий путь был пройден бесцельно; как огорчение, что меня полностью контролирует тот, кого я глупо надеялась однажды уничтожить.

– Я хочу, чтобы мой сын жил, – закричала я. – Довольно страданий!

– Ах да, конечно. Я как-то забыл – материнская любовь. Страдание. Желание воскреснуть. Всё, всё, что угодно…

Персефона перебралась с его колен обратно на стол. Теперь она гладила облезающую кожу Сапфира, на мокрую шкуру опускались осторожные ростки. Берликорн нежно смотрел на жену, его голос перекрывал тихий шум комнатного дождя.

– Мать, конечно, хотела ее вернуть, – сказал он. – И чума, которую Деметра наслала на Англию… сказать честно… довольно-таки порадовала меня. Нельзя сказать, чтобы я любил жизнь, поскольку как я могу любить тех, кто поклялся убить меня? Это мисс Хобарт изменила меня. Да, она нанесла мне визит. Тогда я впервые ее увидел. Конечно, всем известны истории, слухи: она автор-создатель, разработчик перьев, изобретатель удовольствия. Первый сновидец. Встретить ее, так сказать, во плоти было весьма впечатляюще. Как я мог не поддаться? Между прочим, странно: она считала меня сильнее ее. Представь, если можешь, что бог посчитал Адама сильнее себя, тогда ты поймешь, что я чувствовал. Я дал мисс Хобарт доступ к

лесам Деметры, чтобы выдернуть зеленое перо из хвоста одной из летающих по нему птиц. Плодородие 10 – так вы назвали этот продукт. Уродливое имя, простите за дерзость. Но зато чудеса, которые оно творило… Итак, мы согласились, что в соответствии с мифом моя жена будет две трети года проводить с матерью и только одну треть – со мной. И появились времена года. Это же более чем справедливо.

Берликорн коротко засмеялся, улыбающейся волной темно-синего дыма поднялись его волосы. Он поднялся и обошел вокруг стола, став позади меня. Я чувствовала его руки, лежавшие на плечах Белинды, чувствовала, как его пальцы мягко массируют мое отчаяние. В тот миг я не могла ни шевельнуться, ни заговорить: дьявол зажал мою душу в кулак. Я чувствовала жар. Слышала жужжание мух. Ощущала его голос, пронизывающий мою Тень…

– Просто я устал, – вздохнул он. – Вот почему к вам пришла пыльца. Потому что я устал, что меня только рассказывают. Я хотел жить, Сивилла. Как ты. Хотел жизни, во плоти и крови. Жизни, полной неожиданностей и боли. Жизни, которая кончается смертью. Я завистлив, да, признаю. Смерть так много значит для вашего вида. Кем бы вы были без нее? Смерть – ваш источник энергии, из-за нее рождаются ваши желания, ваше искусство. Я хочу почувствовать этот голод, но мисс Хобарт посчитала нужным, чтобы я всегда оставался внутри сна. Я не могу умереть. – Теперь его руки поглаживали карточереп Белинды. – Персефона – попытка смерти-после-жизни. Будут следующие попытки, и делать их будут более могущественные демоны. Однажды Вирт придет. Ну же, позволь я покажу тебе будущее…

Берликорн обвил пальцами шею моей дочери, сжал, сильно и осторожно, а затем нежно коснулся ее шеи красными, как вино, губами.

И укусил меня.

Укус прошел сквозь плоть Белинды и перехватил дыхание моей Тени. Разум Берликорна втягивал мой дым с такой силой, что я в самом деле вытекла из плоти Белинды. Моя аморфная Тень металась по комнате по велению Джона Берликорна. Я чувствовала себя рассредоточенной и потерянной. Разорванной на части. Берликорн немного поиграл с моей формой, показывая, что это ничего ему не стоит, и наконец позволил мне вылиться в воображаемую идеальную скульптуру из дыма – я стала телом молодой женщины, свежим, возбуждающим, но состоящим лишь из серых закрученных облачков вырвавшейся на волю Тени. Я посмотрела на опустошенное тело дочери.

– Не беспокойся за нее, – сказал Берликорн. – За ней присмотрят, пока мы не вернемся.

И от одного взмаха его рук столовая исчезла в жарком колеблющемся воздухе. По его желанию я перенеслась на небольшой открытый участок среди перекрученных внутренностей джунглей.

– Вот как я вижу новый мир, Сивилла, – сказал Джон Берликорн, продвигаясь сквозь зелень листьев медленно, как хладнокровный воин. – Колумб представил будущее совершенно превратно. Вот мой Манчестер, тот, каким я его вижу в будущем. Рассмотри его хорошенько.

Повсюду вокруг меня, пытающейся не отстать от создания снов, меж деревьев и цветов сражались, танцевали и целовались мириады различных персонажей. Тут был Грендель, тут был Ахиллес, тут был Робин Гуд, тут были Гаргантюа и Пантагрюэль, тут были Владимир и Эстрагон, тут был Том Джонс, тут был Гумберт Гумберт, тут был Папай-моряк, тут был Человек-Паук, тут была Джен Эйр, тут был Дэйв Боумен, тут была Элинор Ригби, тут были Иисус Христос и Стойкий оловянный солдатик, Леопольд Блум и медведь Руперт – все созданные человеческими усилиями вымышленные персонажи были посажены в этом зеленом мире, и все они кувыркались, любили, сквернословили в сокровенном хаосе бесконечной истории.

Меня захватили безудержные видения – Шерлок Холмс, и Великолепная пятерка, и король Лир, и Микки-Маус, и Йозеф К., и Венера Милосская, и Дик Дастардли с Матли, и Холли Голайтли, – но я поняла, что Джон Берликорн остается рядом, чтобы помочь моей тенеплоти высвободиться из когтей этих историй.

– Вот мир, за рождение которого я сражаюсь, – сказал мне Берликорн. – Клубок мифов заражает реальность. В этих мифах мои дети будут жить вечно и, кто знает, может, однажды упокоятся с миром… наконец… наконец… как нормальные.

На мгновение он остановился, когда густая чаща рассказов закрутила вокруг нас цветочный покров. А потом, освобожденный, шагнул к видневшемуся вдалеке сиянию света.

– Идем быстрее, Сивилла, дорогая, – поторопил он меня. – Ворота в город прямо перед нами. Быстрее, быстрее! Я хочу, чтобы ты там кое-кого встретила. Можешь поживее, Сивилла?

Он схватил меня за руку.

История схватила реальность за руку, представь!

Я, как могла, боролась с тяжестью всепоглощающих историй – но неожиданно мы оказались около увитых плющом железных ворот. Только тогда я поняла, где мы: это были те самые ворота

Александра-парка, где я впервые увидела тело Койота. Вслед за Берликорном я вышла через ворота на Мосс-сайд. Но джунгли захватили все улицы, накрыв плотным покровом опустевшие магазины и дома. Время от времени встречались люди, редкие собаки и робо, но по большей части по заросшим улицам ходили выдуманные персонажи. Манчестер словно превратился в тропический рай, где экзотических птиц и зверей заменили фрагментами человеческого разума. Какова природа этого мира? Я двигаюсь сквозь сознание Берликорна, заглянув через Тень в сновидение сновидения? Может ли сон видеть сны? И пока мы гуляли по этим сияющим улицам, я воспользовалась возможностью изучить тело из дыма, в которое поместил меня Берликорн. Я была случайной картой теней, свившихся в серые формы: бедра и груди, декольте и миры живота. И под ложечкой сидел блестящий черный жук с аккуратно сложенными крыльями, шевелил лапками и усиками, скрипел челюстями: дронтосекомое. Сноядец. Присутствие внутри меня, которое не пускало сны в мою систему. Никогда до этого я не видела дронта в своей плоти, а теперь почувствовала, что почти могу дотянуться внутрь себя и вырвать эту мерзкую тварь.

На одном из участков цветочной мостовой Берликорн опустился на колени. Он выдернул малиновый кирпичик-цветок из разбитого букета покрытия и встал передо мной, высоко его подняв.

– Конечно, я не задумывался о дронтах, – сказал он. – О неспящих. Посмотри на этот цветок будущего.

Я увидела цветок, корни которого с чудовищным аппетитом объедал вирусный червь; имя червю было Черный Дронт. Тогда я поняла, что дронтовый жук у меня в животе – некогда мое проклятие – теперь может спасти меня.

– Я действительно боюсь тебя, Сивилла, – печально прошептал Берликорн, будто подтверждая мои выводы, – и других замкнутых из вашего рода. Я никогда не думал, что такая малая часть может настолько сильно повлиять на сон. Я ожидал, что реальный мир довольно легко мне отдастся, но потом пришли известия, что ты борешься против меня и Белинда тоже. И моя дорогая жена заболела от вашего мира. Мне пришлось забрать ее домой. Все хорошо, никаких проблем, она выполнила свою задачу; семя упало в землю, и Колумб все еще держит проход для пыльцы открытым, но сон пока не может жить в реальности полноценной жизнью. Не совсем. Однажды, быть может… – Он хрипло вздохнул, еще раз и еще. – Это-то и расстраивает меня, понимаешь? Неужели ты думаешь, что я хотел причинить вам вред? Нет, я хотел, чтобы мы объединились. Сон и реальность.

Как ты сейчас видишь, объединение должно было создать новый мир, прекрасный плодородный мир. Мне представляется такой образ, Сивилла. Что я могу сделать? Вы, дронты, как осиное жало. Потерянные фрагменты мифов. Мне пришлось бы убить всех вас, чтобы сделать образ совершенным. Пришлось бы убить всех, не видящих сны.

Пока он рассказывал, я влила маленькую дозу своей Тени в дронтового жука у меня внутри. Там теперь покоилась частичка моей души, отделенная, надеюсь, от владений Берликорна. Я снова разделилась – теперь я была и Тенью, и дронтом.

– По-моему, ваша история очень печальна, сэр Джон, – сказала я Тенью, в то же время своей дронтовской частью сообщив ему, что его дражайшая жена – мерзкая, злобная, кровожадная сука.

– Воистину, воистину печальна, – ответил Берликорн моей Тени. – Всего лишь грустная история, однажды давным-давно рассказанная несчастным человеком перед лицом смерти. Но все же есть и надежда. Мы еще можем отыскать рай.

Значит, дронтобарьер работает. Я еще раз попробовала оскорбить его жену изнутри складок тела моего внутреннего жука. Ничего. Никакого ответа на мой выпад.

– Чем может быть плох рай? – вместо этого спросил он.

– Тем, что для того чтобы он появился, должны погибнуть люди. – Теперь я знала, что внутри меня есть темная зона, куда Берликорну никогда не проникнуть.

– Но ведь люди изобрели подобную концепцию, – проворчал он. – Ваша история, как могила, полна телами тех, кто отдал жизнь во имя великой цели. Почти все ваши истории основаны на примерах самопожертвования… и тем не менее вы жалуетесь, когда история сама пытается использовать этот ход. В самом деле, даже ты, Сивилла… Разве ты не построила такую же историю о смерти ради жизни на основе любви к своим детям? Право, это уже невыносимо. О ваша несправедливость! Но идем быстрее, я многое хочу тебе показать…

Берликорн отбросил больной цветок и зашагал по свежевзошедшей Клермонт-роуд, пока наконец мы не оказались на Броудфилд-роуд. Та самая улица, где Бода задержалась, убегая от меня и Зеро после матча по виртболу. Может быть, Берликорн запланировал провести меня по случившейся в Реале истории, отразив ее в сон? Я теперь спрятала бо`льшую часть мыслей внутри дронтового жука, моего тайного убежища в этой Стране Чудес. Берликорн уже звонил в дверь одного из опутанных цветами домов на Броудфилд.

– Надеюсь, он дома, – сказал он. – Здесь живет некий

Октавиус Доджсон, родственник в восьмом колене Чарльза Лютвиджа Доджсона, одного из ваших лучших писателей. Я полагаю, тебе известны его творения?

– Известны, – ответила я через Тень.

Дверь открыл белый кролик с меня ростом, который провел нас в гостиную. В гостиной на куче подушек, скрестив ноги, сидел молодой человек. Я рискнула предположить, что это и был собственно Октавиус Доджсон, возраста двадцати семи с тремя четвертями лет. Дымные поцелуи булькающей наркоты, которой он пропитывал себя, мастерски всасываясь в мундштук заляпанного малиновым вареньем кальяна, явно доставляли ему глубокое наслаждение. Пока Берликорн вел меня к подножию лестницы, он не произнес ни слова.

Мы вместе поднялись на площадку, куда выходили три двери. Из-за одной доносилась грустная песня: «Морж и Плотник». Девочка пела о башмаках, о сургуче, о королях и капусте, и ее голос был полон такой боли, что ноты, казалось, ломались в воздухе. Берликорн тихо постучал в дверь спальни и затем, когда пение прекратилось, широко открыл ее. Он шагнул в комнату, и мое теневое тело прошло за ним. В спертом воздухе висел гнилостный запах нездорового дыхания.

– Да? В чем дело? – раздался несчастный ломкий голос.

Девочка семи с половиной лет болезненно-бледного вида, с грязными светлыми волосами, в запачканном рвотой кружевном платье лежала на кровати, из последних сил играя с заводной черепахой, у которой давно кончился завод.

– Берликорн, что тебе опять нужно? – проговорила она срывающимся шепотом.

– Я привел реального персонажа посмотреть на тебя, – ответил Берликорн. – Ее зовут Сивилла Джонс, и более всего на свете она желает побеседовать с тобой.

– Алиса, это ты? – спросила я.

Алиса только кашляла и плакала. Я уверена, она сказала что-то вроде «До-До-Доджсон», но тут за спиной я услышала шум, обернулась на него – и оказалось, на пороге стоял белый кролик. Он прошел мимо меня к кровати, встал рядом и, вынув часы из жилетного кармана, взял Алису за руку и начал громко отсчитывать пульс.

– Как она? – спросил Берликорн.

– Еле-еле держится, если быть честным, – ответил белый кролик. – Я бы сказал, ей осталось несколько дней… – Вид у кролика был очень печальный, и Берликорн казался встревоженным не меньше.

– Что здесь происходит? – спросила я.

– Алиса умирает, – ответил Джон Берликорн.

– Алиса в Стране чудес? Но ведь…

– Вот что случается, когда забывают сон.

– Ты же говорил, сны не могут умереть.

– Сон, который не снится, – умирающая фантазия. По-видимому, никто уже не хочет видеть снов о милой, доброй Алисе. Видишь ли, Сивилла Джонс, это двустороннее зеркало: единственный способ сохранить Алисе жизнь – перенести ее в реальность через новую карту. Понимаешь теперь? Вы называете аллергию болезнью, хотя на самом деле она лекарство.

Алиса довольно грубо засмеялась и сказала:

– Хитро выебнутый способ.

– Способ действительно неочевидный, дорогая Алиса, – согласился Берликорн. – Но разве ты не видишь, – тут он снова повернулся ко мне, – в каком отчаянном положении я нахожусь, Сивилла?

А я, в своем дымном теле, не могла найти слов для ответа. Передо мной лежала умирающая от недостатка сновидческого общения подруга ранних лет моего воображения, и боль утраты заставила меня вспомнить юность, когда я отчаянно хотела, чтобы в мое тело проник сон.

Берликорн подошел ко мне, положил руки мне на плечи, сказал очень ласково:

– Сивилла, ты показала невероятную для женщины-человека стойкость духа.

Его руки уже ласкали мою призрачную грудь, спускались к животу, и все время на шее чувствовалось его теплое дыхание.

– Ты развлекла загрустившего старика и развеяла его скуку, но теперь, боюсь, развлечения подошли к концу. – И баюкают, баюкают тихие слова. – Отдайся моей ласке…

– Ты не причинишь мне вреда, – сказала я сонно. – Я дронт в Вирте. Вся боль – иллюзия.

– Твоя дочь тоже… должна наконец умереть. – Баю-баю… – Все просто. Дронты должны умереть. Чтобы сны могли жить.

– Не трогай меня, сэр Джон. Я…

Его пальцы нежно играли с дымом моего живота и затем погрузились в мое солнечное сплетение, где сомкнулись на черном жуке, воплотившем мою дронтовость. Он вырвал дергающееся насекомое из живота и вытащил его из-под тенекожи на свет.

– Вот это твоя защита, дорогая? – Он помахал рукой с жуком у меня перед лицом, смеясь надо мной.

– Теперь, уверяю тебя, Сивилла… ты можешь смотреть сны бесконечно. И твоя дочь тоже.

– Нет…

– И следовательно, вы готовы удовлетворить мое желание. Которое состоит в том, чтобы вы обе умерли.

– Оставь ее в покое!

Я стремилась защитить жизнь дочери, но, конечно, на Берликорна мои мольбы никак не подействовали. Он отступил от моего тела, держа черное насекомое за одну лапку, как будто жук мог попортить его сноплоть. Часть меня все так же оставалась внутри отделенного жука, что давало мне некоторую надежду до тех пор, пока не начался дурной сон – Берликорн вторгся в мою раскрытую Тень своими жестокими видениями.

Сны… я видела сны… реальные сны…

Меня поглотили боль, и кровь, и ножи шипов. Я ехала на окровавленном коне сквозь зону роста заостренных фортепиано. Я проваливалась в осьминогов, вторгалась в зонтики, насаживалась на стрелки брюк, растягивала края моих кожных часов на кусачие велосипеды и погоду рыбы.

Так вот что такое видеть сны. Берликорн убивал меня нелепыми сказками, худшим вариантом кошмаров, и вторжение стало иссушать мою Тень. Я ужасно хотела вырваться – и где-то вдалеке, в дальнем-дальнем далеке, я чувствовала такой же протест Белинды.

Я сжималась. Уходила. Гасла. Умирала…

– Ты не сможешь, Берликорн, – звала я через крошечные остатки Тени, над распадом которой он просто смеялся и махал дронтовым жуком, чтобы поиздеваться над моей слабостью. И своей крошечной гаснущей Тени я поклялась тогда наказать властелина сновидений, если только смогу. И послала прядь тугого дыма, который еще оставался в жуке; прядь дыма, которая обернулась вокруг руки Берликорна, а потом сделала стремительное движение, вырывая жука из его захвата.

Все это время дурные сны собирались в моей душе, стремясь затащить меня в нафтоцветное море куроидных магнитов и смех лобстеризованных вторников.

Мой черный жук оказался на свободе. Мой локон дыма завивался вокруг тела Берликорна и в конце концов добрался до постели Алисиных страданий. У меня не было времени на раздумья, и я вогнала мой дым глубоко Алисе в рот, а вместе с ним дронтосекомое. Алиса немного поборолась. Совсем немного, как будто с радостью принимала конец своей истории.

Берликорн задыхался, и мне нравилось это слышать. Как задыхается сон.

Белый кролик проклинал историю, которая завела его в пекло опасности. Он исчез в дверях, наговаривая свою

классическую присказку:

– Ай-ай-ай! Я опаздываю!

Берликорн подошел ко мне.

– Ты что творишь?

В его голосе слышалось сомнение.

– А ты как думаешь? – парировала я. – Убиваю Алису в Стране чудес, ни больше, ни меньше. – Я протолкнула жука глубже, невзирая на слабые протесты Алисы, вниз, сквозь сопротивлявшиеся мышцы горла, пока жук не достиг ее желудка. – Ты ведь так же убил Койота? А теперь твоя милая, любимая Алиса почувствует то же сжимающееся дыхание. Теперь в ней Иммунная Тьма, и это сновидение сейчас умрет. Ты же этого хотел?

– Ты не сможешь, – прошипел Берликорн, пытаясь ухватить мою Тень пальцами. Теперь, соединившись с дронтовостью, она была сильнее сноплоти, и пальцы Берликорна сжимались вокруг пустого дрожащего тумана. Все его злые сны порхали у меня в голове, как потерянные птицы, испуганные нежданной слабостью, промахнувшиеся мимо гнезда…

– Это все нереально, – сказала я ему. – Это не Страна чудес, и это не Алиса. Этот мир – просто остатки твоего жалкого сознания, мятущегося в поисках пищи.

– Не… Не убивай ее.

– Верни меня назад, Берликорн. Покажи мне, кто она на самом деле.

Берликорн помахал руками в воздухе, и через половину спящей секунды мы были в столовой. Дождь еще шел. Берликорн вернулся в свое кресло, а я снова всосалась в тело Белинды. Койот еще балдел от мяса во рту, а Сапфир играл рыболовными крючками с рисовым червем. На столе в захвате моей дочери дрожала Персефона. Цветочная девочка отыгрывала роль Алисы в воображаемой Стране чудес. Белинда держала девочку одной рукой за горло, а из второй руки лился поток тенедыма, исчезающий во рту Персефоны.

Дронтосекомое, вошедшее глубоко в тело Персефоны.

– Прошу… – Впервые зазвучал умоляющий голос Джона Берликорна.

– Во имя твоей жены, Берликорн.

– Прощу… не обессонивайте мою любовь. Ее убьет эта черная тварь…

– Во имя моего ребенка, – сказала я довольно холодно. – Во имя ребенка Койота. Во имя моего города и города моих друзей. За Зеро Клегга и за Карлетту, девочку-щенка, и в память Томми Голубя. Я пришла сюда сражаться с тобой, Джон Берликорн, но

теперь я поняла… Я пришла сюда просить тебя спасти нас.

Прошла целая жизнь. А потом вдруг…

– Знаешь, что самое грустное, Сивилла? – уныло, почти печально спросил Берликорн, уступивший неизбежному.

– Расскажи, что самое грустное.

– Я не знаю, живой я или нет.

– Думаю, живой.

– Из всех созданий, собравшихся за этим столом, ты самая живая. Ты доказала это. Иногда это так сложно…

– Знаю.

– Быть только рассказываемым.

– Знаю.

– Быть только следом дыма в сознании.

– Да…

– И это все, что может предложить человеческая жизнь? Интересно…

Я протолкнула жука еще глубже в желудок Персефоны. Она слабо боролась против вторжения.

– Я могу убить твою жену этим дронтом, – сказала я Берликорну. – Я права?

Берликорн попытался оттолкнуть тело Белинды, но Койот и Сапфир уже вышли из транса. Берликорн потерпел поражение в битве: слишком много путаницы и слишком много историй, которые надо вспомнить, – хозяин, сновидений не мог удержать своих заключенных. Койот легко схватил тело Берликорна, сжав его в огромных лапах.

– Прошу… Будьте великодушны, – взмолился Берликорн из захвата. – Что я могу вам предложить?

Под воздействием дронтового жука Персефона впала в дремоту.

– Вылечить Сапфира, – сказала я.

– И всех остальных страждущих, ясное дело, червяк позорный.

– Это ты можешь?

– Не оскорбляйте меня, – полыхнули его глаза. – Я знаю, когда закончится история. Прошу… Дайте мне это насекомое. Я устал, очень устал ждать, вокруг меня равнодушно растут сны. Отпустите мою жену.

– Ты позволишь нам вернуться? Остановишь аллергию?

– Вам придется побороться с Колумбом. Король кебов вряд ли легко откажется от новой карты.

– Если надо, поборемся.

– Это значит, что мне придется забрать жену из реального мира.

– Она все равно не сможет там выжить, Берликорн. Теперь ты это знаешь.

– Теперь я это знаю. Дронты слишком сильны. – Он жадно посмотрел на Персефону. – Естественно, ее мать, Деметра, очень разозлится… ей не нравится, что ее дочь пустила корни в обычном сне. Деметра очень могущественна и при этом ужасно тупа; боюсь, у нее очень ограниченные представления. Ей нравится, что ее дочь распустила цветы в реальности, невзирая на то что ее дочери реальность вредна. Это была последняя заключенная нами сделка. Треть года – в Вирте, две трети – в Реале. Вам придется сразиться не только с Колумбом, но и с Деметрой. Вам придется убедить их обоих. Готовьтесь… есть только один путь через лес, и вы уже встали на него. Я облегчил вам путь сюда, но обратная дорога… Я не буду участвовать в этой битве. А без моей помощи вы сядете на мель. Может быть, заключим сделку?

– Где эта Деметра? – спросила я. Персефона тихо лежала под дронтовым жуком.

Вы придумываете мифы… А потом сами же их не знаете, – отвечал Берликорн. – Деметра везде, во всем, что зелено и возделано, она живет во сне и в сновидце. В Вирте и в Реале – и оба обеспечивают ей пропитание. Она сильнее меня. Она – богиня плодородия. Даже вы, тупые христиане, готовите ей сено каждую жатву, делаете маленькие фигурки. Очень, очень трогательно.

– Ты и вправду вылечишь Сапфира?

– Есть только один способ это сделать. В Реале он умрет в течение двух дней.

– Пожалуйста, только не это!

– Ты все равно его потеряешь. Он ел, Койот тоже. Они теперь мои. Правда, моя дорогая, я уверен, что ситуация в нашей игре патовая. Сапфиру, чтобы остаться в живых, надо остаться здесь, со мной. Только во сне я могу вылечить такой запущенный случай аллергии. А это значит, что в дело вступают нормы обмена.

– Что угодно.

Я вытащила черного жука моего неведающего мира из тела Персефоны. Она задрожала, сначала слегка, потом сильно.

– Я всегда буду жить внутри этого насекомого, этого вируса, – сказала я. – И ты не достанешь меня там. Никогда. И как только я решу снова сразиться с тобой, этот жук всегда будет готов уничтожить тебя.

Берликорн вздохнул, словно луна закрыла свой глаз.

– Я жаждал реального мира. – Его шепот был тих, как дыхание. – Теперь я, как обычно, оказался в ловушке. Над моей битвой сгущается реальность. Я проиграл эту игру. Дронты

слишком глубоки для моего поцелуя. Но, возможно, для меня есть и другой путь туда? Путь проще и надежнее? Во мне вдруг проснулось одно желание. Можешь в это поверить?

– Давай.

– Можно я выебу твою дочь?

– Что?

– Потом я расчищу вам проход, как только смогу. Прости. Я задел тебя, Сивилла? Прошу, дай мне этого жука.

Я отдала дронтового жука Берликорну. Берликорн расстегнул штаны и достал черный хуй. История продолжалась. Джон Берликорн нагнул Белинду над столом. Его руки протянулись к Сапфиру… Его член глубоко зарылся. Плоть Сапфира взорвалась длинными завитками темно-красных цветов. Amaranthus Caudatus. Тропический цветок. До меня донесся глухой голос Берликорна:

– Если я должен принять Сапфира близко к сердцу, мне нужно отдать что-то взамен.

– И что ты отдашь?

– Что-нибудь придумаю.

Его член вошел в меня, вошел в Белинду, вошел… Попрощайся с Сапфиром, Цветок, который никогда не вянет.

Берликорн кончил во мне, в Белинде. Убийственный момент. Нас проталкивает сквозь каменный член в бассейн стоячей зелени. Писающий Купидон. Тающий дворец. Волосы Джона Берликорна растут голубым клубком. Темный проход – вокруг нас что-то шепчут деревья, а мы бежим по плодовым проходам. Лес живой. Картины…

Потеряны в саду-лабиринте. Луну закрывают облака. Темнота и сладость. Капающие тени. Вокруг нас растут ограды, смыкающиеся, как отверстие между ног женщины. Луна спряталась. Тьма ползет. Койот исчезает в листве.

– Койот! – Это мой голос. – Не теряйся, Койот. Стрекозы и светлячки указывают путь сквозь узел любовника. Злость женщины шепчет на меня изо всех углов и линий, лабиринт смыкается. Изгибается моя Тень. Карта моей дочери судорожно деформируется, изменяется с каждой минутой…

Берликорн нам…

…дорога через узел…

Карта Манчестера на голове моей дочери превращается в карту лабиринта.

Берликорн нам помогал. Я читала спутанные проходы по мере того, как они появлялись на теле Белинды.

– Сюда, Койот! – позвала я. – Держись ближе.

Я повела нас вперед, и стены бежали. Пока… пока…

Щель в стене. Туда…

Черное озеро мерцает у нас перед глазами. Ни следа лодки или лодочника. За нами звук ветвей, дрожащих на ветру. Очень далеко начинает играть духовой оркестр – медленную, неторопливую интерпретацию песни «Михаил, правь лодку к берегу».

– Что дальше, Белинда? – спросил Койот.

Дочь сделала несколько шагов в холодную, холодную воду.

– Наверное, поплывем.

– Лучше молчи.

– А что, есть выбор, Койот?

В ответ злобный оскал.

Что это был за день. Что за день! Харон задрожал. Он чувствовал себя одураченным. Стоять в раскачивающейся лодке так высоко, как только получается, и ровно, как грабли. Люди что думают, это так просто? Перевозчик на Озере Смерти… может, им стоит разок попробовать! В кошеле под сутаной он позвенел парой монеток, которые заработал за прошедшую неделю. Монетки издали слабый звон. Убого! На что должен выживать бедный перевозчик на Озере Смерти в наши дни? Вчера он… Нет, об этом не стоит даже и думать. Странная компания. Конечно, к нему и раньше приходили странные компании. Если уж они заплатили за это перо, они заработали право зваться странными. Но у этих не было ни обола на всех! Ничего. Большой пятнистый пес. Голая девка, вся в карте. Кусок этого… кусок какого-то дерьма! Сидел у девки на плечах. А потом забрался в лодку. Ухх! Кошмар. Он сразу предложил им убираться в Ад. Ни обола, вообще! Даже не слышали такого слова. Позор! А потом… потом… слово Джона Берликорна…

Сзади Харона заиграл оркестр.

«Что?»

Харон неуклюже повернулся, чуть не перевернув лодку.

«Да! Наконец-то. Прибыл кто-то еще. Новые пассажиры».

Потому что оркестр начинал играть только тогда, когда ожидали новых посетителей. Что там они играют? Что-то новенькое. Кошмарный грохот. В один прекрасный день он приплывет на этот остров, и… и… ну ладно, забудем. Он повернулся к лесу. Да! Он слышал, как Цербер воем собирает вместе свои собачьи части. Кого-то ждем. Харон надеется, что переносчиков оболов. Не как вчера, когда ему достался только приказ Джона Берликорна: эта компания едет бесплатно. Бесплатно! Бесплатный проезд! Это неслыханно. На этот раз такого не будет. На этот раз Харону заплатят сполна. Он встал, сверхвысокий, сверхтонкий. Зловещая гримаса. Сутана висит как

надо. Отлично!

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… пусть они пройдут через Цербера. Пусть у них будут булочки с медом…

Шум сзади. Как будто…

«Нет!»

Он снова обернулся, на этот раз слишком быстро. Лодка зашаталась. Что это? Там что-то на воде, в тумане, что-то как… звук, как будто… его шея завертелась туда-сюда, пытаясь найти точку обзора. Похоже на лодку. Эдакое чертово каноэ.

– Эй! – крикнул он. – Это не ваше Озеро Смерти! Я заработал исключительное право плавать по этому озеру в честной борьбе. Уебывайте из моего озера!

Лодка продолжает наплывать. Он уже видит, что это-таки лодка, чертово каноэ. Раскрашенное в черный и белый. Черные точки на белом фоне. И кто-то в нем гребет к его причалу. Его причалу!

– Фиг вы тут высадитесь! – кричит он.

И тогда видит, кто – одинокий гребец. Та девка! Вчерашняя утрешняя. Которая голая и в карте. Это уже слишком. Точно слишком. Она возвращается из путешествия? Никто не возвращается…

– А, Харон, привет, – говорит девка, подогнав лодку к другой стороне причала. – Дай руку.

Что? Ни за что он не протянет ей руку. Пускай падает, ему какое дело. Она уже прыгнула на доски, и вот…

«Смерть-бля!»

Лодка выбирается из воды. Весла стучат по причалу. Харон изумленно смотрит на весла, которые выпускают деревянные пальцы, как веточки, как клешни! Большие, сильные древесные руки вырастают из палубы, хватаются за доски, переносят тяжелый ствол тела на сухую землю. Тело утрешней собаки прорывается сквозь форму лодки. Это уже совершенно точно слишком, и перевозчик отступает назад, когда на него наплывает Койотова оскаленная пятнистая морда.

– Клевое озеро, Харон, – говорит пес. – Клевая поездка.

А потом хороший толчок пятнистой лапы – и лодочник падает через борт, прямо в воду.

Накопленные оболы тонут в грязи…

Время бежит по сосновому лесу.

И Цербер прижимается к земле на своей загаженной поляне, воя на хохочущую луну, и, вытянувшись, облаивает отряд, который стоит как раз на краю прогалины.

– Моя остановка, Белинда, – говорит Койот.

– Что?

– Путешествие окончилось.

– Койот?

Цербер взбесился и зарычал, мучимый засасывающим безумием, которое сгустилось в каждой из его голов. Но Койот не обратил внимания на слюну, капавшую с многочисленных острых зубов.

– Время пришло, дорогая.

– Дыхание Койота обжигало лицо Белинды. – Пятнистого пса больше нет. Я заменю эту тварь.

– Но…

– Никаких «но». Никаких «если». Только дорога впереди. Поедешь? Примешь заказ?

– Я поняла, – ответила Белинда. – Приму…

И поцелуй цветочного пса. Жадный и страстный, полный вкуса мяты и пламени. И Койот вышел на поляну. Цербер несся к нему, оскалив зубы. Койот велел этому долбопсу пойти поебаться со своим дерьмом. Я не могла смотреть, Белинда тоже. Слыша звук челюстей, рвущих плоть, мы улизнули в лес.

Прочь. Несемся…

В лесу в промежутках между деревьями ярко блестел черный кеб Койота. Луна светлой пыльцой показывала карту. Теперь найдем дорогу. Легко идем, Тень в теле Белинды держится спокойно. Злобный лай за спиной. «Не испорти все, дочь. Пожалуйста. Иди вперед». Прохладный ветерок шевельнул листья. Хорошо. Его дыхание было ласковым. Вот черный кеб появился перед нами. Виден был блеск боковых зеркал, поймавших луну в стеклянные объятия. Отлично. Никаких проблем. Всего лишь несколько шагов через подлесок, и тогда…

Пыльцевая луна в зеркале потускнела. Внезапная темнота. Слепота. «Пожалуйста, нет…» Лес закрутил корни и ветви вокруг нас, превратившись в плотную сеть. Кеб исчез из виду. Над нашими головами сомкнулись деревья. Печально увядала луна, и весь мир стал полянкой, зажатой посреди нависающего леса. Листья были мокрыми и распухшими, как будто пропитанные дождем. Но в этом лесу не идут дожди, значит, то были слезы. Плачущий лес. И я поняла его горе и что оно значит. Горе матери. Этот лес – мать Персефоны. Деметра…

Затем она, эта чаща, заговорила со мной, и слова росли прямо из листьев:

– Я не допущу такого. Персефона – мой единственный ребенок. Она моя жизнь. Ей нужен воздух. Она должна снова вдохнуть, вдохнуть земли. Ты слышишь меня? Ты слушаешь? Называться матерью и при этом спокойно смотреть, как погибают твои дети! Разве может так поступить природа?

Мир становился все меньше, потому что деревья пролезали внутрь, и вот уже острые шипы кололи тело Белинды. Тень прострелило болью.

«Плохо дело. Совсем не так я все представляла».

– Белинда?

Голос. Молодой голос цветов. На одной ветке, как раз с той стороны, где ждал кеб, выросло несколько маленьких розовых бутонов. Голос Персефоны, это она.

– Белинда, сюда, пожалуйста, – сказал голос. И потом: – Пожалуйста, мама.

Розовые бутоны раскрывались все быстрее: среди переплетенных ветвей Деметры вырастали рубиново-красные цветы. Амарант.

– Пожалуйста, мама, ради меня! Я умру, если снова окажусь в реальном мире.

Почему Персефона помогала мне? Зачем? Листья Деметры хрустели на ветру, становясь золотыми, как луна, как будто осень пришла раньше обещанного, и опадали на лесную землю, на траву. Печальный голос матери среди листопада. Мать уступает просьбам своей дочери. Самопожертвование? Вибрирующие алые цветы раскрывались, пока у Белинды не зарябило в глазах – и она просто процвела сквозь сияние их лепестков, прямо внутрь черного кеба. Я не спрашивала, зачем и почему, просто повернула ключ, который Койот оставил в замке зажигания. Неохотный стук мотора, сходящий на нет. Ключ, снова. Ключ, ключ. Внутренности кеба холодны, как смерть. В его черном нутре нет искры. Нет дороги домой. Поворачиваю, поворачиваю ключ…

Холодная дрожь. Убитый двигатель. Через лобовое стекло было видно, что раскрывшийся капот весь смят стволом дуба. Попались. Черный кеб не поедет, дороги нет. Я била кулаками по рулю, будто таким способом можно вернуть кеб к жизни. Господи, я оживила мертвую дочь, так неужели мне не удастся завести мертвый кеб?

– Ну-ка, дай я.

Голос шел с заднего сиденья. Я обернулась…

На месте пассажира сидел Джон Берликорн, держа в одной руке черного дронтового жука. Испачканными пальцами другой руки он возился с ключом.

– Думаю, у меня получится, – сказал он.

Его волосы извивались, ползали по кебу, с тихим шуршанием касаясь моего лица. Теперь я разглядела, что его волосы на самом деле – густой рой мух, но их прикосновение меня не оттолкнуло: в мягких крылышках я нашла нежность печальной любви.

– Почему ты мне помогаешь? – спросила я. – Ты заставил

Персефону и Койота показать нам путь. Зачем? Только что ты хотел убить меня.

«Зачем» и «почему» смерти, прошедшей рядом.

– Ты поймешь, – ответил Берликорн. – Курс обмена, Сивилла. Старая дорога для моего семени закрыта. А это новый способ попасть в ваш мир.

– Ты забрал Сапфира, – сказала я. – А что ты отдашь взамен?

– Есть такой перьемиф, который рассказывали в древности в Африке, про то, как молодой воин хотел взять в жены дочь вождя. Вождь сказал воину, что сначала он должен убить льва голыми руками, только тогда он отдаст ему дочь.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Аллергия – это лев. Ты поймешь. – Опять этот идиотский ответ. – Ты доказала, что достойна. Езжай.

– Что?

– Вот…

Мотор черного кеба закашлял, возвращаясь к жизни, и Джон Берликорн наклонился ко мне, чтобы поцеловать. У поцелуя была тысяча вкусов. Смерть, и жизнь, и зеленые перья – все вперемешку.

В пассажирском отделении кеба вновь раздался шум.

– Берликорн, что там такое?

Берликорн прервал поцелуй и повернулся так, чтобы видеть нового пассажира.

– Опаздываете, друг мой, – сказал он.

Я тоже обернулась, чтобы посмотреть, кто там.

Колумб…

– Ты обещал мне новую карту, Берликорн, – сказал Колумб. – А теперь хочешь остановить аллергию.

– Колумб, не сердись, – отозвался Берликорн.

– Не сердиться? Я всю жизнь ждал этой минуты, а ты говоришь мне «не сердись». Я еще не закончил новую карту. Может, ты забыл о моей силе, Берликорн? Я контролирую связи между мирами. И никогда не пущу эту девчонку обратно в реальность.

– Эта женщина нужна мне для того, чтобы возник новый мир.

Колумб рассмеялся.

– Дорога закрыта. А потом спросил:

– Что это за шум?

Я тоже слышала приглушенные, скользящие звуки со всех сторон.

– Нет, Берликорн! – закричал Колумб. – Не делай этого.

Четыре быстрые пули одновременно ударили в цель – и все стекла черного кеба раскололись. Они пробили череп Колумба с

севера, юга, востока и запада. Колумб опять закричал, и его голова лопнула. Терновый венец. Черный кеб забрызгала картокровь.

– Ну вот, Колумб, – прошептал Джон Берликорн. – Пули успокоились и спят. Конец твоей истории. Отличный конец!

– Это ты сделал, Берликорн? – спросила я.

– Что ты, только чрезвычайно сильное создание может устроить такое. За кого ты меня принимаешь? – Тут он засмеялся и наклонился ближе ко мне.

– Приезжай в гости, Сивилла.

– А Сапфир? Койот? Они будут жить?

– Будут. И ты тоже, когда будешь готова. Для тебя вход свободный. И вино бесплатно. Слышишь?

– Отдай мне жука.

Джон Берликорн поднес дронтового жука к моим губам. Я проглотила его целиком.

И снова лишилась сновидений. Внутри затрепетали крылья. Спасибо вам.

Бой окончен.

Потом кеб по команде моей Белинды поехал к свободному пространству. Джон Берликорн исчез с пассажирского сиденья. Осталось только жаркое дыхание его темных губ. Я бросила последний взгляд на лес. Луна сияла комочком пыльцы, а на границе сада, отмеченной каменными колоннами с двумя ангелами, мальчиком и собакой, дрожали черные листья. О Господи! До меня наконец дошло: правила обмена.

Ну конечно… У Белинды было два любовника.

«Боже! Выдержу ли я? Выдержит ли Белинда?»

На приборной панели я заметила пачку «напалмов». Взяла сигарету, прикурила, прочитала надпись: «КУРЕНИЕ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ, ВНИМАНИЕ, НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ – ДОЧЬ-МУТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Ну ладно, последняя затяжка. Черный кеб плавно поехал домой…

Дом. Манчестер. Пока я ехала обратно, новая карта превращалась в старую. Аллергия находила успокоение на вершинах любви. Черный кеб ехал к площади Сент-Энн: там уже танцевали люди, радуясь, что все закончилось. Роберман тоже стоял тут, как будто ждал нашего возвращения.

Я выбралась из кеба внутри тела Белинды и упала в объятия драйвера-робопса.

– Белинда, у тебя получилось! – пролаял Роберман через Тень.

– Угу, – вздохнула Белинда. – У нас получилось.

Понедельник, 28 августа

– Приди и воссияй, еб твою мать! Да, вы не ослышались. С вами «Радио-карцер Йо-Йо». В настоящем мире четыре часа холодного утра, утра августа, и весь Манчестер еще спит. К несчастью для нас, за решеткой сейчас самое время вылезать из уютных постелек. Подъем, подъем! Доктор Гамбо собственной персоной у перьевого руля. Время делать зарядку. Давайте-ка все во двор-перо. И живо. Ох, как меня прет! Ванита-Ванита, поди сюда. Ну всё, неприкасаемые, хватит нудить. Мы все в Вирте. Все вместе навсегда в пере. Содержание пыльцы опустилось до жалких 29 и продолжает падать. Первая песня сегодня – для главного инспектора Крекера, сонкамера номер девять. Песня The Move, и называется она «Я слышу, как растет трава». Давайте работайте, виртопташки. Пусть цветы любви придут навестить вас. В день посещений. Хотя хуй когда у нас будет день посещений! Ха-ха-ха-ха-ха!

Осень в этом году наступила рано. К концу августа почти все деревья сбросили листья, а земля стала твердой и покрылась хрупкой коркой инея. В 12:30 инспектор Зулу Клегг встал из-за стола в отделении на Боттл-стрит, решив пораньше отправиться на обед. Он вышел на холодный воздух, купил сэндвич с ветчиной и газету и пошел посидеть на скамейке на площадь Альберта.

Кроме него, никого больше не было – слишком холодно сегодня для обычной обеденной толпы.

Добравшись до середины сэндвича и усыпительной статьи про новые сейфкебы и их успешную работу, он услышал шаги, хрустящие по инею все ближе и ближе. Прохожий сел на скамейку в нескольких метрах от него, Клегг поднял глаза и увидел молодую женщину.

Она глядела на него и улыбалась.

Клегг решил не обращать на нее внимания и уткнулся в газету.

– Это вы инспектор Клегг? – спрашивает женщина.

Клегг откладывает газету.

– Мы знакомы? – спрашивает он, не поворачивая головы.

– Я бы сказала, что да, – отвечает женщина. – Как-то раз вы пытались меня убить.

– В самом деле? – Клегг уже столько раз стрелял в людей, трудно запомнить каждого, особенно после аллергии. – И что случилось? Я промахнулся?

– Нет. Я выстрелила первой.

– А.

– Попала в плечо.

Тут Клегг оборачивается, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Сивилла…

– Ее дочь.

– То есть, конечно… э…

– Белинда.

– Точно. Белинда. Память уже не та. Прости меня.

– Не стоит. Мы ведь встречались всего один раз. И я к тому же была с бритой головой.

– Нет, нет. Не за это…

– А, за то, что хотели убить меня? Но это же ваша работа.

– Прости меня за то, что… Сивилла… твоя мама, она…

– Да.

– Хорошая была женщина… то есть хороший она была коп.

– И то, и то.

– Ужасно было узнать о ее…

– Самоубийстве.

– Да. Я болел, у меня была аллергия. Если бы я мог хоть чем-то помочь.

– Моя мама прожила счастливую жизнь. Она закончила все, что могла закончить. Наверное, она хотела прервать полет в верхней точке.

Клегг отворачивается. Один из новых сейфкебов медленно едет по дороге, на его скучно-сером кузове намерз лед. Женщина спрашивает, как дела, и он отвечает, что дела ничего, нормально, бумажная работа, ну, конечно, скучища, честно говоря, но в остальном ничего, нормально…

– Я беременна, – говорит женщина. – Двойней. Клегг внезапно стесняется, хотя сам не понимает почему. Он снова смотрит на женщину. Смотрит на ее лицо, ищет в нем черты матери. Они почти совсем не похожи, но…

– У тебя глаза матери, – в конце концов говорит он, вызывая у Белинды улыбку.

– Вы любили ее, да? – спрашивает она. – Любили мою маму.

Проходит вечность.

– Да. Да, очень.

– Спасибо.

– Спасибо за что?

– Ну, не хочу вас задерживать. – Белинда встает.

– Верно, – Клегг тоже встает. – Нужно идти. На пост… за столом.

Он опять стесняется – теперь того, что возвышается над ней как башня. Он хочет укрыться от ее глаз, но в то же время его тянет к ней прикоснуться.

Белинда выводит его из затруднения, ласково дотрагиваясь до его плеча. Правого плеча. В которое тогда, несколько месяцев назад, попала пуля.

Клегг разворачивается и идет обратно в отделение. Доходит до центра площади, и тут женщина окликает его. По крайней мере, ему кажется, что она звала его, потому что слово как будто появилось прямо у него в сознании. «Зеро…»

Зеро? Его никто не называл так с тех пор… с тех пор как Сивилла Джонс…

Он останавливается, оборачивается. Женщина все еще стоит у скамейки, улыбаясь.

– Береги себя, – говорит она.

Клегг не заметил, чтобы ее губы шевелились, – хотя, может, это все после аллергии.

Он опять разворачивается и идет к отделению, шаркая ногами по тонкому инею, – в одной руке газета, в другой недоеденный сэндвич.